

Федеральное агентство по образованию
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГОУ ВПО «АмГУ»
Факультет социальных наук

О.Б. Коренная

ОСНОВЫ ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ

(МАТЕРИАЛЫ К КУРСУ)

Учебно-методическое пособие

Благовещенск

2008

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Факультета социальных наук
Амурского государственного
Университета

Коренная О.Б.

Основы теории аргументации (материалы к курсу): Учебно-методическое пособие.
Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008.

Учебно-методическое пособие предназначено для студентов очной формы обучения, специальностей 030501; 040101; 031801. Оно включает программу курса, краткое содержание лекционного курса, материалы для семинарских занятий, самостоятельной работы студентов, примерные ситуативные задания для проведения деловых игр, примерные тестовые задания, список рекомендуемой литературы, контрольные вопросы.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемое пособие имеет целью помочь студентам очной формы обучения в освоении курса «Основы теории аргументации», дать студентам знания о возможных видах аргументативного процесса, а также сформировать навыки и умения, необходимые для реализации полученных знаний на практике. Овладеть мастерством аргументации и убеждения, поскольку эти умения приобретают особенно важное значение для тех, кто готовится к профессиональной деятельности в области социально-гуманитарных наук.

Программа курса основ теории аргументации включает следующие темы:

«Общая структура и методы аргументации», «Убедительные основания», «Виды аргументации», «Аргументация и ценности», «Объяснение и понимание в аргументации», «Проблемные ситуации в аргументации», «Некорректная аргументация», «Искусство спора».

Многие темы курса "Основы теории аргументации" тесно связаны с материалом курса философии, истории, логики.

Согласно требованиям к общим гуманитарным дисциплинам, изучив курс основ теории аргументации, студент должен:

- иметь представление о научных, философских и религиозных картинах мироздания, сущности, назначении и смысле жизни человека, многообразии форм человеческого знания, соотношении истины и заблуждения, знания и веры, рационального и иррационального в человеческой жизнедеятельности, особенностях функционирования знания в современном обществе, об эстетических ценностях, их значении в творчестве и повседневной жизни и уметь ориентироваться в них;
- понимать роль науки в развитии цивилизации, соотношение науки и техники и связанные с ними современные социальные и этические проблемы, ценность научной рациональности и ее исторических типов, знать структуру, формы и методы научного познания, их эволюцию;
- владеть методами и приемами логического анализа.

– строить и анализировать аргументативный процесс.

Программа курса отвечает основным принципам педагогики. Курс построен по принципам последовательности, доступности, непротиворечивости. Главная дидактическая цель курса состоит в том, чтобы вооружить студента знаниями, которые позволили бы ему:

- лучше ориентироваться в функциях, выполняемых различными элементами разговорного и научного языка в различных коммуникативно-познавательных ситуациях,
- эффективно использовать знания о корректных и некорректных приемах аргументации на практике,
- уверенно и грамотно выполнять такие логические процедуры, как построение аргументации, подбор необходимых аргументов,
- быть чувствительным к логическим противоречиям, умышленным и произвольным погрешностям в рассуждениях, недозволенным приемам в дискуссиях и спорах.

Программа курса

Убедительные основания. Что такое аргументация. Структура и субъекты аргументативного процесса. Поля аргументации, содержание и согласование полей аргументации. Графические схемы структуры аргументации. Основные стадии процесса аргументации. Важнейшие методы аргументации. Принцип достаточного обоснования. Абсолютное и сравнительное обоснование.

Эмпирическая аргументация. Прямое подтверждение. Подтверждение следствий. Факты как примеры. Факты как иллюстрации.

Теоретическая аргументация. Дедуктивное обоснование. Системная аргументация. Опровержимость и проверяемость. Условие совместимости. Методологическая аргументация. Границы обоснования.

Контекстуальная аргументация. Традиция и авторитет. Интуиция и вера. Здравый смысл и вкус.

Аргументация и ценности. Ценности и эпистемология. Описание и оценка. Многообразие оценок. Квазиэмпирическое обоснование оценок. Теоретическое обоснование оценок. Контекстуальные аргументы. Принцип морали.

Объяснение и понимание в аргументации. Объяснение. Предсказание. Понимание. Понимание поведения. Понимание природы. Понимание языковых выражений.

Проблемные ситуации и аргументация. Многообразный мир проблем. Явные проблемы. Неявные проблемы.

Некорректная аргументация. Некорректные доказательства. «Есть» и «должен». Стандартные некорректные аргументы.

Искусство спора. Спор как частный случай аргументации. Корректные приемы спора. Некорректные приемы спора. Споры об истине и споры о ценностях. Четыре разновидности споров. Общие требования к спору.

Часть I.

Содержание лекционного курса.

Тема: Убедительные основания

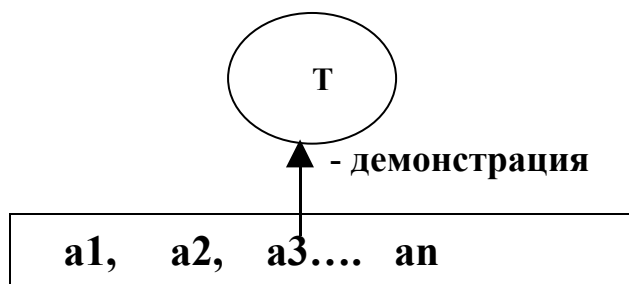
1. Что такое аргументация.
2. Принципы достаточного основания.
3. Абсолютное и сравнительное обоснование
4. Основные функции языка

1. Что такое аргументация.

Аргументация – это приведение доводов с целью изменения позиции или убеждений другой стороны.

Довод или аргумент представляет собой одно или несколько связанных между собой утверждений. Довод предназначен для поддержки **тезиса аргументации** – утверждения, которое аргументирующая сторона находит нужным внушить аудитории, сделать составной частью ее убеждений.

Классическая структура аргументации включает в себя: **тезис** – обосновываемое утверждение, **аргументы** – теоретические и (или) фактические данные, подтверждающие истинность тезиса и **демонстрацию** – логическую связь между аргументами и тезисом. Графически схему аргументации можно представить следующим образом:

Словом «аргументация» часто называют не только процедуру приведения аргументов в поддержку какого-то положения, но и саму совокупность таких аргументов. Теория аргументации исследует многообразные способы убеждения аудитории с помощью речевого воздействия. Теория аргументации

анализирует и объясняет открытые механизмы «незаметного искусства» речевого воздействия в рамках самых разных коммуникативных систем от научных доказательств до политической пропаганды, художественного языка и торговой рекламы.

Влиять на убеждения слушателей или зрителей можно не только с помощью речи и словесно выраженных доводов, но и многими другими способами: жестом, мимикой, наглядными образами и т.п. Даже молчание в определенных случаях оказывается достаточно веским аргументом. Эти способы воздействия на убеждения изучаются психологией, теорией искусства и др., но не затрагиваются теорией аргументации.

Аргументация представляет собой речевое действие, включающее систему утверждений, предназначенных для оправдания или опровержения какого-то мнения. Она обращается в первую очередь к разуму человека, который способен, рассудив, принять или отвергнуть это мнение.

Таким образом, для аргументации характерны следующие черты:

1. Аргументация всегда *выражена в языке*, имеет форму произнесенных или написанных утверждений; теория аргументации исследует взаимосвязь этих утверждений, а не те мысли, идеи, мотивы, которые стоят за ними;
2. Аргументация является *целенаправленной* деятельностью: она имеет своей задачей усиление или ослабление чьих-то убеждений;
3. Аргументация – это *социальная* деятельность, поскольку она направлена на другого человека или других людей, предполагает *диалог* и активную реакцию другой стороны на приводимые доводы;
4. Аргументация предполагает разумность тех, кто ее воспринимает, их способность рационально взвешивать аргументы, принимать их или оспаривать.

Участники аргументации называются субъектами аргументативного процесса. Обязательными участниками, или субъектами, аргументативного процесса являются: пропонент (протагонист), оппонент и аудитория (реципиент).

Пропонентом (S_1) называют участника, выдвигающего и отстаивающего определенное положение. Без пропонента нет аргументативного процесса, поскольку спорные вопросы не возникают сами по себе, они должны быть кем-то сформулированы и поставлены на обсуждение. Пропонент может выражать свою личную позицию либо представлять коллективное мнение – научной школы, партии, религиозного сообщества, трудового коллектива, обвинения.

Оппонентом (S_2) называют участника, выражающего несогласие с позицией пропонента. Оппонент может непосредственно присутствовать и лично участвовать в обсуждении, но может и не быть непосредственным участником аргументативного процесса. Оппонент – это не всегда явный и персонифицированный участник обсуждения. Бывают выступления, когда присутствующие не возражают пропоненту, однако в аудитории находится неявный оппонент, который в последствии может выступить с возражениями.

Аудитория (S_3) – коллективный субъект аргументативного процесса, поскольку как пропонент, так и оппонент видят главную цель обсуждения не только и не столько в переубеждении друг друга, сколько в завоевании на свою сторону аудитории. Поэтому аудиторию нельзя рассматривать как пассивную массу. Она имеет свое лицо, свои взгляды и свои коллективные убеждения, это социум, выступающий основным объектом аргументативного воздействия. Аудитория может и часто выражает свое согласие или несогласие с позицией ведущих участников – пропонента и оппонента.

2. Принципы достаточного основания.

Искусство аргументации включает многие компоненты. Но наиболее важным, соединяющим все другие компоненты, является умение рассуждать обоснованно, подкреплять свои выдвигаемые положения убедительными аргументами.

Обоснованность знания – одно из наиболее важных требований, предъявляемых к теоретическому мышлению. Понятие *обоснования* – центральное в теории познания вообще и в методологии научного познания в частности.

В каждой конкретной научной дисциплине исторически складываются свой уровень точности и доказанности. Но к какой бы области знания ни относилось то или иное положение – идет ли речь о математике или этике, - всегда предполагается, что имеются *достаточные основания*, в силу которых данные положения принимаются или считаются истинными.

Требование обоснованности предъявляются и к практическому мышлению, однако здесь эти требования имеют несколько ослабленную форму. Но и в практическом мышлении выдвигаемые идеи должны поддерживаться достаточно отчетливыми и убедительными аргументами, хотя сам характер аргументации в рамках практического мышления существенно меняется. Требование обоснованности относится и к повседневному знанию. При всей неточности и аморфности повседневное знание также должно опираться на определенные, относительно надежные основания.

Требование обоснованности знания иногда называют принципом достаточного основания. Впервые его в явном виде сформулировал Г. Лейбниц. Однако вопрос об обоснованности рассуждения был поставлен уже в период античности. Демокрит подчеркивал, что он физика ценит больше чем оратора, поскольку физик пытается найти и обосновать причину исследуемого явления, в то время, как оратор больше заботится о внешней красоте речи. (Понятие «физик» употребляется в античном смысле, т.е. наблюдатель, исследователь). По мысли Лейбница, все существующее имеет достаточное обоснование для своего существования. В силу этого ни одно явление не может считаться действительным и ни одно утверждение истинным или справедливым без указания его основания. Если в основе всех *необходимых истин* лежит логический закон противоречия, считал Лейбниц, предпосылкой *всех фактических и случайных истин* выступает принцип достаточного основания.

Однако характеристика принципа достаточного основания, данная Лейбницем, не отличалась ясностью, и уже вскоре были предприняты попытки свести требование достаточного основания к условию непротиворечивости. В дальнейшем идея Лейбница понималась по-разному. В частности немецкий

философ А. Шопенгауэр истолковывал ее как положение о необходимой взаимосвязи каждого явления со всеми иными явлениями; время, пространство, причинность основания знания и поведение оказывались при этом многообразными формами проявления фундаментальной взаимосвязи явлений.

В традиционной логике требование обоснованности знания называется законом достаточного основания, он рассматривается в логике как один из основных формально логических законов (наряду с законом противоречия, исключенного третьего и законом тождества). Требование достаточного основания обычно распространялось на все суждения, но иногда делалось исключение для суждений непосредственного опыта и выводные суждения, уже обоснованные посредством доказательств, сами могут выступать достаточным основанием. Вопрос о том, как обосновываются эти «конечные элементы» (аксиомы или определения), обычно оставался открытым.

3. Абсолютное и сравнительное обоснование.

Все многообразные способы обоснования, обеспечивающие в конечном счете достаточные основания для принятия утверждения, условно можно разделить на абсолютные и сравнительные.

Абсолютное обоснование – это приведение убедительных, или достаточных, оснований, в силу которых должно быть принято обосновываемое положение.

Сравнительное обоснование – это система убедительных доводов в поддержку того, что лучше принять обосновываемое положение, чем иное, противопоставляемое ему положение.

Абсолютное обоснование относится к отдельному утверждению и представляет собой совокупность доводов в его поддержку. Сравнительное обоснование касается пары связанных между собой утверждений и является системой доводов в поддержку того, что должно быть принято (лучше принять) одно из утверждений, а не другое. Совокупность доводов, приводимых в поддержку обосновываемого положения, называется **основанием** обоснования.

Пусть А – какое-то обосновываемое положение, В – другое положение, противопоставляемое в каком-то смысле положению А, и С – основание обоснования.

Общая схема, или структура, абсолютного обоснования такова: «А должно быть принято в силу С»; структура сравнительного обоснования такова: «Лучше принять А, чем принять В, в силу С».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что абсолютное обоснование является *абсолютной оценкой* какого-то утверждения, взятого само по себе; сравнительное обоснование – это *сравнительная оценка*, связывающая между собой два утверждения.

Если какое-то описательное утверждение оценивается как обоснованное, есть основания принять его в качестве истинного. Если же говорится, что одно описательное утверждение более обоснованно, чем другое, и что лучше – в силу приведенных оснований – принять первое, а не второе, это не означает, что первое утверждение истинно, а другое ложно. Оба они могут быть маловероятными, но одно из них при этом является более правдоподобным, чем другое.

Сравнительное обоснование обычно называется рационализацией. В условиях, когда абсолютное обоснование недостижимо, применяется сравнительное обоснование. Абсолютное обоснование при этом называется просто обоснованием. Установление абсолютной ценности какого-то предмета и установление его сравнительной ценности – это два разных, взаимодополняющих видения одного и того же объекта, не редуцируемых друг к другу.

Вопрос о соотношении абсолютного и сравнительного обоснования на сегодняшний день пока недостаточно исследован. Но, тем не менее, можно говорить о том, что сравнительное обоснование несводимо к абсолютному. Но, сводимо ли абсолютное обоснование к сравнительному?

Иногда «хорошо» определяется через «лучше»; нечто является хорошим, когда его наличие лучше, чем его отсутствие.

Исходя из общих положений, касающихся определенности абсолютных оценок через сравнительные, можно сказать, что рассматриваемое определение абсолютного обоснования через сравнительное, если и применимо, то очень редко. Таким образом, можно говорить о том, что абсолютное и сравнительное обоснование представляют собой два разных, независимых друг от друга способа утверждения и упрочнения знания, нередко дополняющих друг друга.

Проблема абсолютного обоснования была центральной для эпистемологии Нового времени. Конкретные формы этой проблемы менялись, но в мышлении того времени они всегда связывались с характерным для этого времени представлением о существовании абсолютных, непоколебимых и не пересматриваемых оснований всякого подлинного знания, с идеей постепенного и последовательного накопления «чистого» знания, с противопоставлением истины, допускающей обоснование и субъективных, меняющихся от человека к человеку, ценностей, с дихотомией эмпирического знания и другими «классическими предрассудками». Речь шла о способе или процедуре, которая могла бы обеспечить твердые, неоспоримые основания для знания. С разложением «классического» мышления смысл проблемы обоснования существенно изменился. Стали очевидными три момента:

1. Никаких абсолютных и не пересматриваемых со временем оснований теоретического и, тем более, практического знания не существует, и можно говорить только об относительной их надежности.
2. В процессе обоснования используются многочисленные и разные приемы, которые несводимы к какому-то ограниченному набору, представляющему научный метод или рациональный метод.
3. Само обоснование имеет ограниченную применимость, поскольку используется прежде всего и больше всего в науке и связанной с нею техники (автоматическое перенесение образцов обоснования, сложившихся в одних областях, и прежде всего в науке, на любые другие области недопустимо).

Требования обоснования и рационализации (абсолютного и сравнительного обоснования) является конкретизацией принципа достаточного обоснования, сформулированного Г.Лейбницем. Эти требования представляют собой два фундаментальных, описательно-оценочных принципа:

1. Оценка с точки зрения абсолютной обоснованности относится прежде всего к знанию, взятому в динамике, еще не сложившемуся и требующему каких-либо надежных оснований. Оценка с точки зрения относительности обоснованности – это по преимуществу оценка знания, рассматриваемого в статике, как нечто уже сформировавшееся, устоявшееся и завершённое.
2. Первая оценка идет в русле аристотелевской традиции видеть мир, в том числе и реконструированный в рамках какой-то теории или концепции как становление. Вторая оценка – продолжение платоновской традиции рассматривать мир как бытие, как нечто уже ставшее. Полная же оценка знания должна складываться из этих двух исключających и дополняющих друг друга оценок.

Дуализм обоснования и рационализации является частным случаем общего дуализма, который проявляется в случае каждой из категорий мышления. Обоснование (абсолютное и сравнительное) соотносятся между собою как средство и цель: способы обоснования составляют в совокупности ядро всех многообразных приемов аргументации, но не исчерпывают их. В аргументации используются не только корректные приемы, к которым относятся способы обоснования, но и некорректные приемы, подобные лжи и вероломству, не имеющие ничего общего с обоснованием. Кроме того, процедура аргументации как живая, непосредственная человеческая деятельность должна учитывать не только защищаемый или опровергаемый тезис, но и контекст аргументации, и в первую очередь ее аудиторию.

Приемы аргументации могут быть и почти всегда являются более острыми, чем приемы обоснования. Но все приемы аргументации, выходящие за сферу приемов обоснования, заведомо менее универсальны и в большинстве аудиторий менее убедительны, чем приемы обоснования.

4. Основные функции языка.

Наш обычный язык – полноправный соавтор всех наших мыслей и дел. В известном смысле, он классик, а мы только современники самих себя.

«Если бы не было речи, то не были бы известны ни зло, ни истина, ни ложь, ни удовлетворение и ни разочарование. Речь делает возможным понимание всего этого. Размышляйте над речью.» («Упанишады»).

Язык – это знаковая система, используемая для целей коммуникации и познания. Системность языка выражается в наличии в каждом языке помимо словаря также синтаксиса и семантики. *Синтаксис* – это совокупность правил образования выражений языка и их преобразования. *Семантика* – множество правил придания значений выражениям языка. Каждый язык имеет также *прагматику*, определяющую отношение между языком и теми, кто его использует для общения и познания.

Функции, или употребления языка – это основные задачи, которые решаются с помощью языка в процессе коммуникации и познания.

Обычный язык, предназначенный, прежде всего, для повседневного общения, имеет целый ряд своеобразных черт. Во-первых, он является аморфным как со стороны своего словаря, так и в отношении правил построения выражений и придания им значений. Во-вторых, в нем нет четких критериев осмысленности утверждений. Не выявляется строго логическая форма рассуждений: значения отдельных слов и выражений зависят не только от них самих, но и от их окружения. Многие соглашения относительно употребления слов не формулируются явно, а только предполагаются. В-третьих, почти все слова имеют несколько значений. Одни и те же предметы порой могут называться по-разному. Эти и другие особенности обычного языка говорят, скорее всего о его могуществе, гибкости и скрытой силе.

Одной из специфических особенностей языка является его многофункциональность. В теории аргументации описание функций языка осуществляет теория речевых актов. Эта теория приобрела известность в последние 30 лет, хотя в ее основе лежат идеи, высказанные английским

философом Дж. Остиным еще в 1955г. В дальнейшем эти идеи были развиты и конкретизированы Дж. Сёрлем, П.Ф. Стросоном.

Объектом исследования речевых актов являются акты речи – произнесение говорящим предложений в ситуации непосредственного общения со слушающим. Теория развивает деятельностное представление о языке, что важно для теории аргументации, рассматривающей аргументацию как определенного рода взаимодействие говорящего и слушающего или слушающих. Теория речевых актов дает детальное описание внутренней структуры речевого акта – элементарного звена речевого общения. В этой теории субъект речевой деятельности понимается не как абстрактный индивид, лишенный каких-либо качеств и целей, а как носитель ряда конкретных характеристик: психологических (намерение, знание, мнение, эмоциональное состояние, воля) и социальных (статус по отношению к слушающему, функция в рамках определенного социального института). Сточки зрения теории речевых актов можно выделить следующие функции языка:

1. **Ассертивы.** Ассертивные речевые акты (утверждающие) речевые акты, такие как утверждение, заключение и предположение, являются коммуникативными актами, с помощью которых говорящий выражает свое мнение о чем-то. Он определенным образом делает себя ответственным за принятие пропозиции, выраженной в речевом акте: он обязан дать доказательства ее приемлемости, если это оспаривается слушателем. Согласно условию ответственности. Считается, что говорящий полагает, что его пропозиция точна. Основой ассертива является утверждение. С помощью которого говорящий гарантирует верность выраженного содержания, но также существуют ассертивы, которые касаются приемлемости в более широком смысле. В критической дискуссии могут встречаться все типы ассертивных речевых актов. На стадии конфронтации они могут выражать рассматриваемую точку зрения (на стадии конфронтации устанавливается, что существует спор, выдвигается точка зрения и подвергается сомнению); на стадии аргументации – аргументы в защиту этой точки зрения (на стадии

аргументации протагонист (пропонент) защищает свою точку зрения, а антагонист (оппонент) добивается от него дальнейшей аргументации, пока у него еще остаются сомнения); на заключительной стадии – исход дискуссии (на заключительной стадии устанавливается то, как разрешен спор, т.к. от точки зрения или сомнения, касающегося этой точки зрения, отказываются. Если опровергается точка зрения, спор разрешен в пользу антагониста, если опровергается сомнение в выдвигаемой точке зрения, спор разрешен в пользу протагониста. В первом случае, протагонист может принять точку зрения, противоположную его первоначальной точке зрения, но это не обязательно. Он может также принять нулевую точку зрения или изменить свою первоначальную точку зрения).

Хотя утверждение – это тип ассертивного акта, точка зрения или аргумент могут выражаться такими речевыми актами как требование, заверение, предположение и т. д. Вера в правильность пропозиции может быть очень сильной, как в случае уверенного утверждения или заключения, но она может быть очень слабой, как в предположении. Но, чем более уверенно выдвигается положение, тем сильнее должна быть аргументирована защита.

2. Директивы. Директивные речевые акты, такие как просьба, вопрос, приказание и рекомендации, являются речевыми актами, с помощью которых говорящий пытается заставить слушающего сделать что-то, выраженное в утверждаемом содержании речевого акта, или удержать его от этого. Согласно условию ответственности, считается, что говорящий хочет, чтобы соответствующее действие произошло или не произошло. Только эти директивные речевые акты могут встречаться в критической дискуссии, которая требует, чтобы протагонист защищал свою точку зрения (стадия конфронтации) или привел аргументы в пользу своей точки зрения (стадия аргументации). Согласно идеальной модели, от протагониста может не требоваться ничего, кроме как давать аргументацию в защиту своей точки зрения. При этом его не понуждают отказаться от своей точки зрения ради мира и спокойствия или из-за неприятных последствий для его семьи.

3. Комиссивы. Комиссивные речевые акты, такие как обещание, одобрение и соглашение, являются коммуникативными актами, с помощью которых говорящий обязуется совершить то, что выражено в пропозиции речевого акта, или удержаться от этого. Согласно условию ответственности, считается, что говорящий естественное намерение сделать все то, что он обещает. Комиссивные речевые акты могут выполнять несколько ролей в критической дискуссии. На стадии конфронтации и заключения они могут быть использованы для принятия или непринятия точки зрения. На стадии аргументации – для принятия или непринятия аргументов, на стадии открытия – для принятия вызова защищать свою точку зрения. На стадии открытия они также могут использоваться для принятия решения начать дискуссию, для соглашения по распределению ролей и правил ведения дискуссии и для соглашения по поводу того, как завершить дискуссию. (На стадии открытия принимается решение попытаться разрешить спор с помощью регулируемого аргументированного обсуждения. Одна сторона принимает роль протагониста, что означает готовность защищать свою точку зрения с помощью аргументации; другая сторона принимает роль антагониста, что означает стремление систематически критиковать точку зрения. При несмешанном споре сторона, действующая как протагонист не имеет иной задачи, кроме защиты своей точки зрения, а сторона, действующая как антагонист, не имеет иной задачи, кроме как критиковать точку зрения протагониста. Обе стороны должны договориться о правилах дискуссии). На стадии заключения они могут использоваться для принятия решения о начале новой дискуссии.

4. Экспрессивы – это речевые акты, которые выражаются через поздравление, соболезнование и выражение радости, разочарования, гнева или сожаления. Они являются речевыми актами, с помощью которых говорящий выставляет напоказ свои чувства, касающиеся определенного события или положения дел. Согласно подготовительному условию, то, что данное событие действительно произошло, принимается как должное. В соответствии с условием ответственности считается, что говорящий выразил свои эмоции в рамках

речевого акта. Так как экспрессивные речевые акты выражают чувства говорящего и не ведут ни к каким особым обязательствам, которые относятся к разрешению спора, они, как правило, не участвуют в критической дискуссии. Конечно, это не означает, что они совершенно не могут повлиять на процесс разрешения спора. Вздох антагониста по поводу того, что он не доволен аргументами протагониста, является эмоциональным обстоятельством, которое может отвлечь внимание от аргументов и от того факта, что протагонист действительно соблюдает все согласованные правила дискуссии. С другой стороны, экспрессивы также могут стимулировать значительный обмен идеями.

5. **Декларативы** – коммуникативные акты, с помощью которых говорящий отражает определенное состояние дел, которое совпадает с содержанием утверждения. Например, увольнение служащего, открытие собрания и провозглашение мужем и женой. Декларативы обычно употребляются в более или менее закрепленных контекстах, таких как ведение судебных процессов, собраний и религиозных церемоний, в которых всегда понятно, кому поручено совершить определенный декларатив. Исключением из этого правила можно считать такие речевые акты, которые содержат дефиницию (определение) или добавления и разъяснение. Их назначение – способствовать пониманию слушающим других речевых актов, путем указания на то, как их надо интерпретировать. Употребление таких декларативов не требует специальных полномочий. Так как декларативы зависят только от авторитета и употребляются в строго закрепленном тексте, они прямо не содействуют разрешению спора. Следовательно, они не являются частью критической дискуссии. В лучшем случае, они могут привести к урегулированию спора, но не к его разрешению. Тем не менее речевые декларативы могут выполнять полезную роль на всех стадиях критической дискуссии. На стадии конфронтации они могут разъяснять словесную путаницу; на стадии открытия дискуссии они могут прояснить путаницу в правилах ведения дискуссии, на стадии аргументации они могут

предотвращать поспешное принятие или непринятие положения; на заключительной стадии они могут предотвращать сомнительные решения. Следовательно, в критической дискуссии использование этих декларативов (разъяснения, уточнения, добавления) может выполнять также весьма полезную роль.

Данная классификация функционального употребления языка отражает классификацию теории речевых актов, разработанную Дж. Сёрлем и П.Ф. Стронсоном. Однако, это не единственная классификация функций речи. Так А.А. Ивин дает несколько другую классификацию. Согласно его классификации выделяются следующие функции языка:

1. **Описание** – сообщение о реальном положении вещей. Сообщение, соответствующее действительности, является истинным. Сообщение, не отвечающее реальному положению дел – ложно. Иногда допускается, что описание может быть неопределенным, лежащем между истиной и ложью. К неопределенным можно отнести многие описания будущего (например, «Через год в этот день будет пасмурно»), описания движения, возникновения и исчезновения каких-то объектов и т.п.
2. **Норма** – с помощью этой функции осуществляется попытка заставить человека что-то сделать. Это выражения которые произносятся в форме команды, приказа, требования, предписания, закона, правил и т.п. Например, «Прекратите говорить!» или «Старайтесь приносить максимум пользы как можно большему числу людей» и др. Нормы, в отличие от описаний, не являются истинными или ложными, но они могут быть обоснованными или необоснованными, способствующими достижению каких-то целей или нет.
3. **Экспессивы** – выражения различных чувств: «Сожалею, что разбудил вас», «Искренне сочувствую вам» и т.п. Экспессивы передают определенные психологические состояния, в них идет речь о каком-то свойстве (не обязательно действии), приписываемом либо говорящему либо слушающему. Например, я вправе поздравить вас с победой на соревнованиях, если вы действительно победили и если я на самом деле

радуюсь вашей победе. В этом случае поздравление будет искренним и его можно расценивать как истинное. В противном случае его нужно будет расценивать как ложное.

4. **Декларации** – речевые акты, при помощи которых делается попытка изменить мир словом. До произнесения данного речевого акта события в мире протекали по-другому, либо имели другой порядок. Например, выражение: «Назначаю вас председателем», или «Ухожу в отставку» и т.п. меняет обычный ритм и обычное привычное, существовавшее до их произнесения положение вещей. Декларации не являются ни истинными, ни ложными, но они также как и нормы могут быть обоснованными или необоснованными.
5. **Обещания** – т.е. речевые акты, использующиеся для того, чтобы возложить на говорящего обязательство совершить некоторое будущее действие или придерживаться определенной линии поведения. «Обещаю впредь не пропускать занятия», «Клянусь никогда не говорить неправду». Обещания можно понимать и как просьбы к самому себе, т.е. как нормы, адресованные говорящим самому себе и в чем-то предопределяющие его поведение в будущем.
6. **Оценки** - т.е. выражения положительного, отрицательного или нейтрального отношения к рассматриваемому объекту или, если сопоставляются два объекта, для выражения предпочтения одного из них другому. Оценками являются высказывания «Хорошо, что погас свет», «Плохо, когда кто-то опаздывает» и т.п. В отличие от описаний они не являются истинными или ложными, но они могут быть глубокими или поверхностными, общепринятыми или нет, эффективными или нет и т.п.

Тема: Эмпирическая аргументация

1. Прямое подтверждение.
2. Подтверждение следствий.
3. Факты как примеры
4. Факты как иллюстрации

1. Прямое подтверждение.

Все многообразные виды аргументации можно разделить на эмпирические и теоретические.

Эмпирическая аргументация – это аргументация, в которой основным элементом является ссылка на опыт, на эмпирические данные.

Теоретическая аргументация – это аргументация, опирающаяся на рассуждение и не пользующаяся непосредственно ссылками на опыт.

Различие между эмпирической и теоретической аргументацией является относительным, поскольку можно считать относительной саму границу между эмпирическим и теоретическим знанием. Нередки случаи, когда в одном и том же процессе аргументации соединяются вместе и ссылки на опыт, и теоретические рассуждения.

Основу приемов эмпирической аргументации составляют *способы эмпирического обоснования знания*, которые называются также (эмпирическим) подтверждением или верификацией. Но будет неверно эмпирическую аргументацию сводить только к подтверждению. В процессе аргументации эмпирические данные могут использоваться не только в качестве подтверждения. Так, примеры и иллюстрации, играющие обычно в аргументации заметную роль, не относятся к возможным способам эмпирического подтверждения. Кроме того, в аргументации ссылки на опыт могут быть и заведомо недобросовестными, что исключается самим смыслом понятия подтверждения. И эмпирическая аргументация, и ее частный случай эмпирическое подтверждение, могут строго применяться только для описательных утверждений. Декларации, клятвы, предостережения, решения, идеалы, нормы и иные выражения, тяготеющие к оценкам, не допускают эмпирического подтверждения и обосновываются иначе, чем ссылки на опыт. В случае таких выражений эмпирическая аргументация просто невозможна. Ее использование с намерением убедить кого-то в приемлемости определенных решений, норм, идеалов и т.п. относится к некорректным приемам аргументации.

Подтверждение может быть прямым, или непосредственным и косвенным.

Прямое подтверждение – это непосредственное наблюдение тех явлений, о которых говорится в обосновываемом утверждении.

При косвенном подтверждении речь идет о подтверждении логических следствий обосновываемого утверждения, а не о прямом подтверждении самого утверждения.

Чувственный опыт человека – его ощущения и восприятия – источник знания, связывающий его с миром. Обоснование путем ссылки на опыт дает уверенность в истинности утверждений чувственного характера. Например, таких, как «Холодно», «Этот цветок голубой» и т.п. Но даже в самых простых утверждениях, основанных на созерцании, нет «чистого» чувственного созерцания. У человека оно всегда пронизано мышлением, без понятий и без примеси рассуждения он не способен выразить даже самые простые свои наблюдения, зафиксировать самые очевидные факты. О теоретической нагруженности чувственного опыта говорили многие философы. К. Поппер считал, что такого явления как «чистый опыт», полученный в результате эксперимента или наблюдения просто не существует. Поппер подчеркивает мысль о том, что вера в то, что возможно начать научное исследование с одних чистых наблюдений является абсурдной. Справедливость этого утверждения К. Поппер можно проиллюстрировал на примере человека, который всю свою жизнь посвятил науке, описывая каждую вещь, попадавшуюся ему на глаза, и завещал свое бесценное собрание наблюдений Королевскому обществу для использования в качестве индуктивных данных. Этот пример хорошо показывает, что, хотя вещи иногда копить полезно, наблюдения копить нельзя. Наблюдение всегда имеет избирательный характер. Из множества объектов должен быть выбран один или немногие, должна быть сформулирована проблема или задача, ради решения которой осуществляется наблюдение. Описание наблюдения предполагает использование языка, и значит, все те сходства и классификации, которые заложены в этом языке. Опыт, начиная с

самого простого обыденного наблюдения и кончая сложным научным экспериментом, всегда имеет теоретическую составляющую и в этом смысле не является «чистым».

Идея «теоретической нагруженности» опыта стала складываться в начале XX века. О. Шпенглер, например, считал, что научный и повседневный опыт не только содержит в себе теоретическую составляющую, но всегда является выражением своеобразной и целостной культуры своего времени. Например, молния производит совершенно разное впечатление на животных и на наблюдающего за ней естествоиспытателя, сходным образом она по-разному воспринималась людьми разных эпох.

Часто географические открытия представляются «чистыми» наблюдениями островов, морей, горных вершин и т.п. Но и в этом случае прослеживается направление теорией. Колумб исходил из идеи шарообразности Земли, и, держа постоянный курс на Запад приплыл к берегам Америки. Он не считал, что им открыт новый, неизвестный европейцам материк. Руководствуясь своими теоретическими представлениями, Колумб полагал, что им найден только более короткий и простой путь в уже известную Вест-Индию.

Таким образом, неопровержимость чувственного опыта, фактов является относительной. Нередки случаи, когда факты, представляющиеся поначалу достоверными, при их теоретическом переосмысливании пересматривались, уточнялись, а то и вовсе отбрасывались.

Чувственный опыт, являющийся конечным источником и критерием знания, сам не однозначен, содержит компоненты теоретического знания, и поэтому нуждается в правильном истолковании, а иногда и в собственном обосновании. Опыт не обладает абсолютным неопровержимым статусом, он может по-разному интерпретироваться и даже переосмысливаться. Эмпирические данные, факты обладают, как правило, гораздо большей устойчивостью, чем опирающиеся на них теории. Все теории, даже представляющиеся сейчас вполне надежными, гипотетичны: со временем они

будут пересмотрены и на смену им придут другие, более современные теории. Иначе обстоит дело с фактами. Пересмотр обобщающей их теорий не означает, что автоматически будут отброшены факты. Они могут истолковываться по-новому, но их основное содержание остается неизменным.

Широко распространено суждение, что в аргументации, обосновании и опровержении утверждений главную и решающую роль играют факты, непосредственное наблюдение исследуемых объектов. Это утверждение нуждается в уточнении. Использование верных и неоспоримых фактов – надежный и успешный способ обоснования. Противопоставление таких фактов ложным или сомнительным положениям – хороший метод опровержения. Действительное явление, событие, не согласующееся со следствиями какого-то универсального положения, опровергает не только эти следствия, но и само положение.

2. Подтверждение следствий.

В науке и на практике непосредственное наблюдение того, о чем говорится в проверяемом утверждении, редкость. Обычно эмпирическое подтверждение является индуктивным подтверждением, а эмпирическая аргументация имеет форму индуктивного умозаключения.

В зависимости от того, имеется ли в умозаключении связь логического следования между его посылками и заключением, различаются два вида умозаключений: дедуктивные и индуктивные. В дедуктивных умозаключениях связь между посылками и заключением опирается на закон логики, в силу чего заключение с логической необходимостью вытекает из посылок. Такое умозаключение всегда ведет от истинных посылок к истинному заключению. В индуктивных умозаключениях посылки и заключения не связаны между собой законом логики и заключение не следует логически из посылок. Достоверность посылок не гарантирует достоверности выводимого из них индуктивного заключения. Убедительность индуктивных обобщений зависит от числа приводимых случаев. Чем обширнее база индукции, тем более правдоподобным

является заключение. Но иногда и при достаточно большом числе подтверждений индуктивное обобщение оказывается ошибочным.

Например:

Алюминий – твердое тело, железо, медь, цинк, серебро, платина, золото, никель, барий, калий, свинец - твердые тела, все они металлы, следовательно, все металлы – твердые тела.

Все посылки этого умозаключения истинны, но его общее заключение ложно, поскольку ртуть – единственный из металлов – жидкий. Данный вывод сделан поспешно. *Поспешное обобщение* – т.е. обобщение без достаточных на то оснований. Эта ошибка является типичной в индуктивном умозаключении, и, соответственно, в эмпирической аргументации. Индуктивные обобщения всегда требуют известной осмотрительности и осторожности. Их убедительная сила невелика, особенно, если база индукции незначительна. Например:

Софокл - драматург ; Шекспир – драматург; Софокл и Шекспир – люди; следовательно, каждый человек – драматург.

Наиболее важным, и вместе с тем можно сказать универсальным способом индуктивного подтверждения является выведение из обосновываемого положения логических следствий и их последующая опытная проверка. Подтверждение следствий оценивается при этом как свидетельство в пользу истинности самого положения.

1. Тот, кто ясно мыслит, ясно говорит. Одним из признаков ясного мышления, если не основным является умение передать свои знания кому-то другому, возможно, далекому от обсуждаемого вопроса. Если человек обладает таким умением и его речь ясна и убедительна, это можно считать подтверждением того, что его мышление является ясным.
2. Известно, что сильно охлажденный предмет в теплом помещении покрывается капельками росы. Если мы видим, что у человека, вошедшего в дом, запотели очки, мы можем с достаточной уверенностью заключить, что на улице морозно. Истинность посылок не гарантирует здесь истинности заключения. Заключение вытекает только с некоторой вероятностью.

Выведение следствий и их подтверждение, взятое само по себе, никогда не в состоянии установить справедливость обосновываемого положения. Подтверждение следствия только повышает его вероятность. Чем больше число следствий нашло подтверждение, тем выше вероятность проверяемого утверждения. Отсюда следует, что необходимо выводить из выдвигаемых и обосновываемых положений как можно больше логических следствий с целью их проверки.

Значение имеет не только количество следствий, но и их характер. Чем более неожиданные следствия какого-то положения получают подтверждение, тем более сильный аргумент они дают в его поддержку. И наоборот, чем более ожидаемо в свете уже получивших подтверждение следствий новое следствие, тем меньше его вклад в обоснование проверяемого положения.

Как бы ни было велико число подтверждающихся следствий, и какими бы неожиданными, интересными или важными они не оказались, положение, из которого они выведены, все равно остается только вероятным. Никакие следствия не способны сделать его истинным. Даже самое простое утверждение в принципе не может быть доказано на основе одного подтверждения вытекающих из него следствий. Это центральный пункт всех рассуждений об эмпирическом подтверждении. Непосредственное наблюдение того, о чем говорится в утверждении, дает уверенность в истинности последнего. Но область применения такого наблюдения является ограниченной. Подтверждение следствий – универсальный прием, применимый ко всем утверждениям, но прием, только повышающий правдоподобие утверждения, но не делающий его достоверным.

Важность эмпирического обоснования невозможно переоценить. Обусловлено это тем, что конечным источником и критерием наших знаний выступает опыт. Познание начинается с живого, чувственного созерцания, с того, что дано в непосредственном наблюдении. Чувственный опыт связывает человека с миром, теоретическое знание только надстройка над эмпирическим базисом.

Вместе с тем опыт не является абсолютным и бесспорным гарантом неопровержимости знания. Он тоже может критиковаться, проверяться и пересматриваться.

Таким образом, если ограничить круг способов обоснования утверждений их прямым или косвенным подтверждением в опыте, то окажется непонятным, каким образом все-таки удается переходить от гипотез к теориям, от предположений к истинному знанию. Эмпирическое обоснование должно быть дополнено теоретическим обоснованием.

3. Факты как примеры

Эмпирические данные могут использоваться в ходе аргументации в качестве примеров, иллюстраций и образцов. Выступая в качестве примера, факт или частный случай делает возможным обобщение; в качестве образца он побуждает к подражанию. Использование частных случаев в качестве образцов не имеет отношения к аргументации в поддержку описательных утверждений. Образцы используются для обоснования ценностей и аргументации в их поддержку. Употребление фактов как примеров и иллюстраций может рассматриваться как один из вариантов обоснования какого-то положения путем подтверждения его следствий. Но в таком случае они являются достаточно слабым средством подтверждения: о правдоподобии общего положения невозможно сказать что-нибудь конкретное на основе одного единственного говорящего в его пользу факта. Например, Сократ прекрасно владел искусством вести спор и определять понятия; но, отталкиваясь только от этого частного случая нельзя правдоподобно заключить, что все люди умеют вести спор или, сделать вывод о том, что все древние греки искусно спорили и удачно определяли понятия.

Факты, используемые как примеры и иллюстрации, обладают рядом особенностей, выделяющих их из числа всех тех фактов и частных случаев, которые привлекаются для подтверждения общих положений и гипотез. Примеры и иллюстрации более доказательны, чем остальные факты. Факт или

частный случай, избираемый в качестве примера, должен достаточно отчетливо выражать тенденцию к обобщению.

Если говорить строго, то факт-пример никогда не является чистым описанием какого-то реального состояния дел. Он говорит не только о том, что есть, но и отчасти и достаточно косвенно о том, что должно быть. Он соединяет функцию описания с функцией оценки (предписания), хотя доминирует в нем функция описания. Этим объясняется широкое распространение примеров и иллюстраций в процессах аргументации, а также в повседневном общении.

Пример – это факт или частный случай, используемый в качестве отправного пункта для последующего обобщения и для подкрепления сделанного обобщения. Чаще всего рассуждение, использующее примеры, протекает по схеме:

«Если всякое S есть P , то S_1 есть P , S_2 есть P и т.д.; значит, всякое S есть P ». Это схема индуктивного (правдоподобного) рассуждения.

Аргументация с помощью примера пока исследована очень слабо. Это связано с тем, что современная методология науки ориентирована по преимуществу на естественнонаучное познание, в котором примеры используются гораздо реже, чем в гуманитарных науках. Проблемы практического мышления, включающего идеологию и утопию, вообще пока не нашли методологического и эпистемологического осмысления. Результатом является то, что примеры растворяются в числе других фактов, а рассуждение, использующее примеры, - в общей массе индуктивных рассуждений.

Европейская логика всегда была равнодушна к анализу роли примеров в аргументации, поскольку считалось, что доказательная или убедительная сила примеров так же мала и незначительна, как и убедительность всех изолированных, приводимых по одиночке факторов.

Примеры могут использоваться только для описательных обобщений, поэтому пример представляет собой описательное утверждение, говорящее о некотором факте, в то время как образец – это оценочное утверждение, относящееся к какому-то частному случаю и устанавливающее частный

стандарт, идеал и т.п. Излагая факты в качестве примеров чего-либо, оратор дает понять, что речь идет именно о примерах, за которыми должно последовать обобщение, или мораль. Однако нельзя говорить о том, что это правило работает на 100%. Прежде всего, перед тем как использовать пример, необходимо четко понимать для чего необходим в процессе аргументации данный пример.

Цель примера – подвести к формулировке общего утверждения и в какой-то мере быть доводом в поддержку обобщения. С этой целью связаны критерии выбора примера.

1. Прежде всего, избираемый в качестве примера факт или частный случай должен выглядеть достаточно ясным и неоспоримым.
2. Пример должен подбираться и формулироваться таким образом, чтобы он побуждал перейти от единичного или частного к общему, а не от частного к частному.

Рассуждение от частного к частному опирается на определенную инерцию мышления, на движении его по намечающейся прямой линии, которая ведет от одной ситуации к другой, в то время как задача примеров вести от индивидуальных или частных явлений к общему, резюмирующему их положению. Факт, используемый в качестве примера, должен восприниматься как логически и физически возможное явление. Если это не так, то пример приводит к обратному результату или к комическому эффекту.

4. Факты как иллюстрации

Иллюстрация – это факт или частный случай, призванный укрепить убежденность слушающего в правильности уже известного приятного общего положения.

Пример подталкивает мысль к новому обобщению и подкрепляет это обобщение. Иллюстрация проясняет известное общее положение, демонстрирует его значение с помощью целого ряда возможных применений, усиливает эффект его присутствия в сознании слушающего.

С различием задач примера и иллюстрации связано различие критериев выбора примеров и выбора иллюстраций. Пример должен выглядеть достаточно твердым, однозначно трактуемым фактом. Иллюстрация может вызывать небольшие сомнения, но она должна живо воздействовать на воображение слушателя, останавливая на себе внимание.

«... Иллюстрацию, целью которой является эффект присутствия, иногда бывает необходимо разрешить с помощью конкретных, задерживающих внимание деталей, тогда как пример, напротив, следует предусмотрительно «ощипать» во избежание рассеивания мысли или ее отклонения от цели, намеченной оратором. Иллюстрация в гораздо меньшей степени, чем пример, рискует быть неверно интерпретированной». (Перельман).

Обычная задача иллюстрации – облегчить понимание общего положения. Иллюстрация, конкретизируя общее положение с помощью частного случая усиливает эффект присутствия. На этом основании в ней иногда видят образ, живую картинку абстрактной мысли. Иллюстрация не ставит перед собой цель заменить абстрактное конкретным и тем самым перенести рассмотрение на другие объекты. Это делает аналогия, иллюстрация же – не более чем частный случай, подтверждающий уже известную общую истину или облегчающий более отчетливое ее понимание.

Неудачный пример ставит под сомнение то общее положение, которое, он призван подкрепить. Противоречащий пример способен даже опровергнуть это положение. Иначе обстоит дело с неудачной, неадекватной иллюстрацией. Общее положение, к которому она приводится, не ставится под сомнение, и неадекватная иллюстрация расценивается скорее как негативная характеристика того, кто ее применяет, свидетельствующая о непонимании им общего принципа или о его неумении подобрать удачную иллюстрацию.

Таким образом, иллюстрация показывает, что эмпирическое обоснование есть только частный случай эмпирической аргументации.

Тема: Теоретическая аргументация.

1. Дедуктивное обоснование

2. Системная аргументация
3. Опровержимость и проверяемость
4. Условие совместимости
5. Методологическая аргументация

Общие утверждения, научные законы, принципы и т.д. не могут быть обоснованы чисто эмпирически, путем ссылки только на опыт. Они требуют также теоретического обоснования, опирающегося на рассуждение. Без этого нет ни абстрактного теоретического знания, ни хорошо обоснованных убеждений.

1. Дедуктивное обоснование

Одним из важных способов теоретической аргументации является дедуктивная аргументация.

Дедуктивная аргументация – это выведение обосновываемого положения из иных, ранее принятых утверждений. Если выдвинутое положение удастся логически (дедуктивно) вывести из уже установленных положений, это означает, что оно приемлемо в той же мере, что и сами эти положения.

В обычных процессах аргументации фрагменты дедуктивного обоснования обычно предстают в очень сокращенной форме. Нередко результат дедукции выглядит как наблюдение, а не как итог рассуждения.

Иногда утверждается, что дедуктивное обоснование является лучшим из всех возможных способов обоснования. Однако такая оценка немного завышена.

Обоснование одних утверждений путем ссылки на истинность или приемлемость других утверждений – не единственная функция, выполняемая дедукцией в процессах аргументации. Дедуктивное рассуждение служит также для **верификации** (косвенного подтверждения) утверждений: из проверяемого положения дедуктивно выводятся его эмпирические следствия; подтверждение этих следствий оценивается как возможный довод в пользу исходного положения. Дедуктивное рассуждение может использоваться также для **фальсификации** гипотез. В этом случае демонстрируется, что вытекающие из

гипотез следствия являются ложными. Не достигшая успеха фальсификация данных представляет собой ослабленный вариант верификации. Так, неудача в опровержении эмпирических следствий проверяемой гипотезы является аргументом в поддержку этой гипотезы. Дедукция используется для систематизации теории, прослеживания логических связей входящих в нее утверждений, построения объяснений, опирающихся на общие принципы, предлагаемые теорией. Дедуктивная аргументация применима во всех областях рассуждения и в любой аудитории.

Цель аргументации при обсуждении спорных вопросов – формирование рационально обоснованных убеждений. Такие убеждения включают в себя как позитивные, так и негативные аспекты. Позитивная сторона – это информация о принимаемых идеях, негативная – это отвергаемые идеи.

По способам обоснования тезиса дедуктивная аргументация делится на прямую и косвенную.

Прямым называют обоснование тезиса без обращения к конкурирующим с тезисом допущениям.

Дедуктивная аргументация, которая может применяться самостоятельно либо в различных сочетаниях (с индуктивной аргументацией и (или) аргументацией по аналогии) чаще всего представляет собой определенный вид дедуктивного умозаключения. Так, прямое обоснование тезиса может иметь форму простого категорического силлогизма, условно-категорического умозаключения, разделительно-категорического умозаключения, энтимемы и других видов дедуктивного умозаключения.

Примером прямого дедуктивного обоснования может служить следующее рассуждение. В результате анализа обстоятельств конкретного дела следователь пришел к выводу, что выстрел в потерпевшего Н. был произведен с близкого расстояния, что существенно повлияло на решение вопроса о виновнике преступления. В обоснование тезиса приводилось два аргумента. Первый из них – суждение о факте: вокруг огнестрельной раны на теле Н. обнаружено внедрение негоревшего пороха. Второй аргумент – эмпирическое

обобщение: следы несгоревшего пороха внедряются лишь тогда, когда выстрел произведен с близкого расстояния.

Аргументация приобретает следующий вид:

Тезис:

Выстрел в Н. произведен с близкого расстояния (Т)

Аргументы:

1. Если вокруг огнестрельной раны обнаруживают внедрение пороха (А), то выстрел был произведен с близкого расстояния (Т).
2. Вокруг огнестрельной раны на теле Н. обнаружены следы внедрения пороха (А).

Логическая реконструкция показывает, что демонстрация протекает в форме условно-категорического умозаключения.

$$\frac{A \rightarrow T, A}{T}$$

Косвенным называют обоснование тезиса путем установления ложности антитезиса или других конкурирующих допущений.

Конкурирующими с тезисом (Т) допущениями могут быть две их разновидности: (1) противоречащее тезису суждение, которое называется антитезисом ($\neg T$), (2) члены дизъюнкции в разделительном суждении, в котором тезис является одним из членов этой дизъюнкции: $(T \vee A \vee B)$.

Различие в структуре конкурирующих допущений определяет два вида косвенного обоснования: (1) *анагогическое* и (2) *разделительное*.

- (1) *Анагогическим* называют обоснование тезиса путем установления ложности противоречащего ему допущения – антитезиса. Аргументация в этом случае строится в три этапа.

Первый этап: При наличии тезиса (Т) выдвигают противоречащее ему положение – антитезис ($\neg T$); условно признают его истинным (допущение косвенного доказательства - ДКД) и выводят логически вытекающие из него следствия. Далее из условно принятого за истину антитезиса как из допущения

($\neg T$) выводят логически вытекающее следствие (C). На схеме это можно представить в следующем виде:

$$\neg T \rightarrow C.$$

Второй этап: Логически выведенные из антитезиса следствия сопоставляют с положениями, истинность которых ранее установлена (F). В случае же несовпадения отказываются от этих следствий. В качестве F могут быть достоверно выявленные факты, аксиоматические очевидности, научные данные. В случае несовместимости следствий с этими данными приоритет остается за истинными положениями, а логически выведенные из допущения следствия расцениваются как ложное:

$$\frac{C \quad \overset{V}{\neg C, F}}{\neg C}$$

Третий этап: Из ложности следствий логически заключают о ложности допущения. Рассуждение протекает в форме отрицающего модуса условно-категорического умозаключения:

$$\frac{\neg T \rightarrow C, \neg C}{\neg T}$$

В итоге из ложности допущения заключают на основе закона двойного отрицания об истинности тезиса T. Символически ход рассуждения на заключительном этапе можно представить в следующем виде:

$$\frac{\neg \neg T}{T}$$

Апагогический вид косвенного обоснования применяется лишь в том случае, если тезис и антитезис находятся в отношении противоречия, когда по закону исключенного третьего действует принцип: либо одно – либо другое, а третьего не дано. При других видах несовместимости, включая противоположность, апагогическое обоснование становится несостоятельным.

- (2) **Разделительным** называют косвенное обоснование тезиса, выступающего членом дизъюнкции, путем установления ложности и исключения всех других конкурирующих членов дизъюнкции.

В отличие от апагогического в разделительном обосновании фигурируют не два (T и $\neg T$), а несколько положений - T , B , C , каждое из которых претендует на роль тезиса и полностью или частично исключает все другое.

Обоснование тезиса строится в этом случае методом исключения. В процессе аргументации показывают несостоятельность всех членов дизъюнкции, кроме одного (T). Тем самым косвенно обосновывают истинность оставшегося тезиса. Рассуждение протекает в форме отрицающе-утверждающего модуса разделительно-категорического умозаключения:

$$\frac{T \vee B \vee C, \neg B, \neg C}{T}$$

Разделительное обоснование состоятельно в том случае, если дизъюнктивное суждение является *полным*, или *закрытым*: $\langle T \vee B \vee C \rangle$.

Если же рассматриваются не все варианты решения, то метод исключения не обеспечивает достоверность тезиса, а дает лишь проблематичное заключение.

Разделительная аргументация, включая и доказательство, часто применяется в судебно-следственной практике при проверке версий относительно лиц, виновных в совершении того или иного преступления, при объяснении причин возникновения конкурирующих статей в процессе квалификации правонарушений и во многих других случаях.

2. Системная аргументация

Трудно указать утверждение, которое обосновывалось бы само по себе, в изоляции от других положений. Обоснование всегда носит системный характер. Включение нового положения в систему других положений, придающую устойчивость своим элементам, является одним из наиболее существенных шагов в его обосновании.

Системная аргументация – обоснование утверждения путем включения его в качестве составного элемента в кажущуюся хорошо обоснованной систему утверждений, или теорию.

Подтверждение следствий, вытекающих из теории, является одновременно и подкреплением самой теории. С другой стороны, теория

сообщает выдвинутым на ее основе положениям определенную силу и тем самым содействует их обоснованию. Утверждение, ставшее элементом теории, опирается не только на отдельные факты, но также на широкий круг явлений, которые объясняет теория, на предсказание возможных новых, ранее неизвестных эффектов, на связи ее с другими теориями и т.д. Анализируемое положение, включенное в теорию, получает ту эмпирическую поддержку, какой обладает теория в целом. Системность распространяется не только на теоретические положения, но и данные опыта.

Эмпирические предложения могут быть в некоторых ситуациях проверены и подтверждены в опыте. Но есть ситуации, когда они включены в систему утверждений, в конкретную практику, не проверяются и сами используются как основание для проверки других предложений.

Помимо эмпирических, существуют *методологические предложения*. Они тоже случайны в том смысле, что их отрицание не является логическим противоречием. Особенность их в том, что они не являются проверяемыми ни в каком контексте.

Связь обосновываемого утверждения с той системой утверждений, в рамках которой оно выдвигается существенным образом влияет на эмпирическую проверяемость этого утверждения и, соответственно, на ту аргументацию, которая может быть выдвинута в ее поддержку. В контексте своей системы утверждение может приниматься в качестве несомненного, не подлежащего критике и не требующего обоснования в двух случаях:

Во-первых, если отбрасывание этого утверждения означает отказ от определенной практики, от той целостной системы утверждений, неотъемлемым составным элементом которой оно является. Таково, к примеру, утверждение «Небо голубое»: оно не требует проверки и не допускает сомнения, иначе будет разрушена вся практика визуального восприятия и различения цветов. Отбрасывая утверждение «Солнце взойдет завтра», мы подвергаем сомнению всю естественную науку. Сомнение в достоверности утверждения «Если человеку отрубят голову, то обратно она не прирастет»

ставит под сомнение всю физиологию. Эти и подобные им утверждения обосновываются не эмпирически, а ссылкой на устоявшуюся и хорошо апробированную систему утверждений, составными элементами которой они являются.

Во-вторых, утверждение должно приниматься в качестве несомненного, если оно выдвигалось в рамках соответствующих утверждений стандартом оценки иных ее утверждений, которые перешли из разряда описаний в разряд ценностей. Среди таких утверждений, перешедших из разряда описаний в разряд в разряд ценностей, можно выделить два типа: (1) утверждения, не проверяемые в рамках определенной, достаточно узкой практики, и (2) утверждения, не проверяемые в рамках любой, сколь угодно широкой практики.

Таким образом, аргументация, приводимая в поддержку какого-то утверждения, существенным образом зависит от связей этого утверждения с той системой утверждений, или практикой, в рамках которой оно используется. Можно выделить пять типов утверждений, по-разному относящихся к практике их употребления:

- 1) утверждения, относительно которых не только возможно, но и разумно сомнение в рамках конкретной практики;
- 2) утверждения, в отношении которых сомнение возможно, но не является разумным в данном контексте (например, результаты надежных измерений; информация, полученная из надежного источника);
- 3) утверждения, не подлежащие сомнению и проверке в данном контексте под угрозой разрушения этого контекста;
- 4) утверждения, сделавшиеся стандартами оценки иных утверждений и потому не проверяемые в рамках данной практики, но допускающие проверку в других контекстах;
- 5) методологические утверждения, не проверяемые в рамках любой практики.

Иногда высказывается мнение, что системный характер нашего знания делает неоправданным вопрос об обосновании любого отдельно взятого

утверждения. Всякое более или менее абстрактное предложение, лишь косвенно поддерживаемое непосредственным опытом, может считаться истинным только в рамках какой-то концепции или теории. За ее пределами оно просто бессмысленно, и значит, не может быть ни обоснованно, ни опровергнуто.

Важным способом обоснования теоретического утверждения является *внутренняя перестройка теории*, в рамках которой оно выдвинуто. Эта перестройка, предполагает введение новых образцов, норм, правил, оценок, принципов, меняющих внутреннюю структуру как самой теории, так и постулируемого ею «теоретического мира». Новое научное, теоретическое положение складывается не в вакууме, а в определенном теоретическом контексте. Контекст теории определяет конкретную форму выдвигаемого положения и возможные способы его последующего обоснования. Если научное предположение берется в изоляции от той теоретической среды, в которой оно существенно проявляется и существует, то остается неясным, каким образом удастся этому предположению стать элементом достоверного знания. Теория дает составляющим ее утверждениям дополнительную поддержку. Чем крепче сама теория, чем она яснее, тем большей является такая поддержка.

Среди способов прояснения теории особую роль играют выявление логических связей ее утверждений, минимизация ее исходных допущений, построение ее в форме аксиоматической системы и, если это возможно, ее формализация. При аксиоматизации теории некоторые ее положения избираются в качестве исходных, а все остальные положения выводятся из них чисто логическим путем. Исходные положения называются **аксиомами** (постулатами), положения, доказываемые на их основе, - **теоремами**.

Аксиоматический метод систематизации зародился еще в античности и приобрел большую известность благодаря «Началам» Евклида – первому аксиоматическому истолкованию геометрии. Сейчас аксиоматизация используется в математике, логике, а также в отдельных разделах физики,

биологии и др. Аксиоматический метод требует высокого уровня развития аксиоматизируемой содержательной теории, ясных логических связей и утверждений. Поскольку выполнить эти условия достаточно трудно, аксиоматический метод используется достаточно редко, так как невозможно перестроить всякую науку по образцу геометрии Евклида. Кроме того достаточно богатые научные теории (например, арифметика натуральных чисел) не допускают полной аксиоматизации. Это говорит об ограниченности аксиоматического метода и невозможности полной формализации научного знания.

3. Опровержимость и проверяемость

Еще одним способом теоретического обоснования является *анализ утверждения с точки зрения возможности эмпирического его подтверждения*.

От научных положений требуется, чтобы они допускали принципиальную возможность своего опровержения и предполагали определенные процедуры своего опровержения. Если этого нет, относительно выдвинутого положения нельзя сказать, какие ситуации и факты несовместимы с ним, а какие – подтверждают его. Положение, в принципе не допускающее опровержения и подтверждения, оказывается вне конструктивной критики, оно не намечает никаких реальных путей дальнейшего исследования. Такое утверждение нельзя признать обоснованным. К. Поппер, например, отстаивал идею, что принципиальная опровержимость (фальсифицируемость) теории является критерием ее научности. Полное подтверждение теории невозможно, достижимо только частичное ее подтверждение. Но такое подтверждение имеют и явно не научные концепции. Например, учение астрологов о влиянии звезд на судьбы людей при желании можно подтвердить большим количеством эмпирическим материалом. Поэтому подтверждение через эмпирический материал не может рассматриваться в качестве отличительной особенности науки. То, что некоторые утверждения или система утверждений говорят о

реальном мире, проявляется не в подтверждении их опытом, а в том, что опыт может их опровергнуть.

Положения, выдвинутые К. Поппером можно свести к следующим:

- (1) Легко получить подтверждения, или верификации, почти для каждой теории, если мы ищем подтверждений.
- (2) Подтверждения должны приниматься во внимание только в том случае, если они являются результатом *рискованных предсказаний*, то есть когда мы, не будучи осведомленными о некоторой теории, ожидали бы события, несовместимого с этой теорией, - события, опровергающего данную теорию.
- (3) Каждая «хорошая» научная теория является некоторым запрещением: она запрещает появление определенных событий. Чем больше теория запрещает, тем она лучше.
- (4) Теория, не опровержимая никаким мыслимым событием является ненаучной.
- (5) Каждая настоящая *проверка* теории является попыткой ее фальсифицировать, то есть опровергнуть. Проверимость есть фальсифицируемость.

Не допускающая фальсификации теория не налагает никаких ограничений на описываемую ею область явлений и обладает неограниченными объяснительными возможностями.

Положения, в принципе не допускающие проверки, необходимо отличать от утверждений, непроверяемых лишь сегодня, на нынешнем уровне развития науки. Утверждения, не допускающие проверки сразу, не отбрасываются, если в принципе остается возможность проверки их в будущем. Например, так обстоит дело с предположением о существовании внеземных цивилизаций.

Требование принципиальной фальсифицируемости какого-либо положения является важным, но достаточно трудно выполнимым. Оно предполагает, с одной стороны, изолированность теоретических утверждений, и, с другой, наличие абсолютно непроблематичных наблюдений. Но любое теоретическое утверждение связано с другими подобными утверждениями и зависят от них. А

наблюдения теоретически нагружены и для установления их смысла необходимы некоторые теоретические допущения. Требование фальсифицируемости предполагает, что утверждения, сопоставляемые с опытом, формулируются с помощью достаточно определенных терминов, чтобы исключить противоречия данных утверждений каким-либо фактам. Этому предположению не удовлетворяют многие гипотезы, особенно в гуманитарных науках. Допустим, кто-то утверждает, что все поступки совершаются исключительно из эгоистических побуждений. До тех пор, пока понятие эгоизма не будет должным образом уточнено, выдвинутая гипотеза будет неуязвимой для критики. Каждый противоречащий пример поведения, кажущегося альтруистическим, можно истолковывать, смещая смысл слова «эгоистический», как подтверждение глубинного эгоизма, находящего в альтруизме свое парадоксальное выражение. Требование фальсифицируемости также трудно применить в таких науках, как математика и логика, поскольку принято считать, что их суждения необходимо истинны. Математика и логика опираются в конечном счете на опыт, но это совокупный опыт познания, не допускающий расчленения на отдельные факты.

4. Условия совместимости.

Обоснованное утверждение должно находиться в согласии с фактическим материалом, на базе которого и для объяснения которого оно выдвинуто. Оно должно также соответствовать имеющимся в рассматриваемой области законам, принципам, теориям и т.п. Такое согласование называется **условием совместимости**. Являясь принципиально важным, условие совместимости не означает, что для каждого нового положения следует требовать полного приспособления к тому, что на сегодняшний день принято считать законом. Может случиться, что новое знание заставит иначе посмотреть на то, что принималось раньше, уточнить или даже отбросить что-то из старого знания. *Согласование с принятыми теориями разумно до тех пор, пока оно направлено на отыскание истины, а не на сохранение авторитета старой теории.*

Если требование совместимости понимать абсолютно, возможность интенсивного развития науки исключается. Ее развитие ограничивается за счет распространения на новые явления уже открытых законов, но она лишается права пересматривать уже сформулированные положения. Фактически это и есть отрицание развития науки.

Новая теория не обязательно противоречит предшествующим. Она может касаться только тех явлений, которые ранее не были известны. Новая теория может быть теорией более высокого уровня, связывающей воедино теории более низкого уровня.

Ни одна гипотеза не способна охватить явлений, изучаемых в конкретной области. Круг их не определен однозначно и жестко, границы его в большей или меньшей мере размыты. Гипотеза ориентируется, как правило, не на все, а лишь на немногие, но ключевые в каком-то смысле факты. Сами факты не являются чем-то абсолютно твердым и неизменным. Они могут пересматриваться, уточняться и даже отбрасываться. Новая теория начинает с перепроверки и собственной интерпретации наиболее важных из ранее установленных фактов. Кроме того, полное значение факта и его конкретный смысл становится понятен, как правило, только благодаря гипотезе, отрицающей этот факт.

Факт – не просто то, что непосредственно дано в опыте, что мы слышим и видим и т.п. Факт всегда существует в рамках определенной теоретической конструкции и является теоретически нагруженным: помимо чисто чувственного значения он имеет и определенное содержание. Гипотеза, не отвечающая факту, вырывает его из привычного теоретического контекста. Тем самым она повышает вероятность обнаружить в нем то, что раньше проходило незамеченным. Таким образом, в конкретном исследовании могут оказываться полезными даже гипотезы, прямо и недвусмысленно не согласующиеся с устоявшимися фактами. В большинстве случаев, эти гипотезы обречены на провал, но, даже будучи опровергнуты, они приносят свою пользу, поскольку

представляют известное в новом, необычном свете. Все это относится и к согласованию гипотез с принятыми в науке законами и теориями.

Итак, выдвигаемая гипотеза должна учитывать весь относящийся к делу фактический и теоретический материал. Она должна соответствовать ему. Но если конфликт все же имеет место, гипотеза должна быть в состоянии доказать несостоятельность того, что раньше принималось за твердо установленный факт или за доказанное теоретическое положение, либо она должна позволять по-новому взглянуть на исследуемые явления, на факты и их теоретическое осмысление.

Новое положение должно находиться в согласии не только с хорошо зарекомендовавшими себя теориями. Но и с определенными *общими принципами*, сложившимися в практике научных исследований.

Наиболее известный из них – *принцип простоты*. Согласно этому принципу при объяснении изучаемых явлений не должно быть много независимых допущений, а те, что используются, должны быть по возможности более простыми.

Еще одним принципом, часто используемым при оценке выдвигаемых предположений, является *принцип привычности* (консерватизма). Он рекомендует избегать неоправданной новизны и стараться объяснять новые явления с помощью известных законов.

Принципы простоты и первичности обладают разной ценностью: если простота и консерватизм дают противоположные рекомендации, предпочтение должно быть отдано простоте. Эти требования являются основой научного метода, который определяется посредством обращения к чувственным данным, к понятию простоты и понятию привычности.

Принцип универсальности предполагает проверку выдвинутого положения возможность отнесения его к классу явлений, более широкому (родовому), чем тот, на основе которого оно первоначально сформулировано. Если утверждение, верное в какой-либо области, оказывается достаточно универсальным и ведет к новым заключениям не только в исходной, но и в

смежных областях, его объективная значимость заметно возрастает. Расширение поля действия нового утверждения, его способность объяснять и предсказывать совершенно новые факты является особенно важным доводом в его поддержку. Подтверждение какого-то научного положения фактами и экспериментальными законами, о существовании которых до его выдвижения невозможно было даже предполагать, прямо говорит о том, что это положение отражает глубокое внутреннее родство изучаемых явлений.

Иногда утверждают, что красивая, внутренне согласованная теория не может быть неверной. В этой лаконичной формулировке соединяются два других общих принципа, играющих важную роль в оценке новой теории: *принцип (требование) красоты и принцип логичности*. Согласно принципу красоты, хорошая теория должна отличаться особым эстетическим впечатлением, элегантностью, ясностью, стройностью. Особую роль требование красоты играет в математике, меньшую – в естествознании и совсем малую – в гуманитарных науках.

Споры вокруг новых теорий во многом касаются не столько их способности к решению уже стоящих проблем, сколько перспектив, открываемых такими теориями в дальнейших исследованиях, в том числе и в разрешении будущих проблем. В силу этого выбор научной теории существенно опирается на веру в нее, на внутреннее убеждение в том, что у нее есть будущее.

Принципы простоты, привычности, универсальности, красоты и др. носят контекстуальный характер: их конкретизация зависит от области знания, так и от стадии развития этого знания. Например, простота в физике не сводится к математической простоте и отличается от простоты в биологии или истории; простота сформировавшейся, хорошо обоснованной теории отлична от простоты теории, только ищущей свои обоснования.

Можно выделить определенные общие классы стандартов, или критериев адекватности, однако отдельные стандарты, входящие в тот или иной класс, по-разному реализуются в каждой конкретной области исследований. Например,

можно выделить два широких типа стандартов адекватности: относящиеся к процессам вывода и связанные с фактическими данными. Теория, методы научного исследования и стандарты адекватности теснейшим образом переплетаются между собой. С изменением теории обычно происходят значительные изменения и в стандартах адекватности.

Таким образом, новые научные утверждения не оцениваются с помощью универсальных и неизменных критериев. Принимаемые в науке правила обоснования, требование совместимости, общие принципы и стандарты адекватности не являются жесткими. Границы «научного метода» достаточно расплывчаты. Любое значительное изменение теории ведет к изменению совокупности тех методологических средств, которые в ней используются. Выводы даже естественной науки определяются не только физическим, но и социальным миром.

5. Методологическая аргументация.

Метод – это система предписаний, рекомендаций, предостережений, образцов и т.п., указывающих как сделать что-то. Метод показывает прежде всего средства, необходимые для достижения определенной цели, но может содержать также характеристики, касающиеся самой цели. Метод регламентирует некоторую сферу деятельности, и является совокупностью предписаний. Вместе с тем метод обобщает и систематизирует опыт действий в этой сфере. Являясь итогом и выводом из предшествующей практики, он описывает эту практику.

Методологическая аргументация - это обоснование отдельного утверждения или целостной концепции путем ссылки на какой-либо надежный метод, с помощью которого получено обосновываемое утверждение или отстаиваемая концепция.

Например, для обоснования утверждения « $125 + 280 = 405$ » проще всего сослаться на однозначный, никогда не подводящий метод сложения двух чисел. Утверждая, что небо голубое, мы можем сослаться на то, что в обычных условиях оно всегда видится таким человеком с нормальным зрением. Если мы

ошибаемся, говоря, что $12 \times 12 = 145$, то это значит, что существует метод сложения двух чисел, приводящий к правильным результатам. Если кто-то утверждает, что небо зеленое, то мы в первую интересуемся той системой требований, которой руководствовался наблюдатель, и в частности требований к его зрению.

Возможности методологической аргументации различны в разных областях знания. Ссылки на метод, с помощью которого получено конкретное заключение, часто встречаются в естественных науках, очень редки в гуманитарных науках и почти не встречаются в практическом и тем более в художественном мышлении. Но это не значит, что необходимо выделять метод как единственную возможность обосновывать то или иное положение. Если содержание нашего знания определяется не независимой от него реальностью, а тем, что мы можем или хотим увидеть в ней, а истинность знания определяется не соответствием реальности, а соблюдением методологических канонов, то наука теряет объективность. Если отказаться от истины как критерия объективности описательных утверждений, придется признать, что каждое существенное изменение научных методов и ведет к изменению самой реальности, в которой живет и которую исследует ученый. Переворот в методологии окажется разрывом со старым видением мира и его истолкованием.

Методологизм сводит научное мышление к системе устоявшихся, по преимуществу технических способов нахождения нового знания. Одновременно он отрывает науку от других сфер человеческой деятельности.

В своих крайних вариантах методологизм склоняет к *субъективной* теории истины: истинно утверждение, полученное по определенным правилам и удовлетворяющее определенным критериям. Эти правила и критерии могут относиться к происхождению или источнику знания, к его надежности или устойчивости, к его полезности, к силе убежденности или к неспособности мыслить иначе. Объективная теория истины как соответствия фактам, напротив, предполагает, что некоторая концепция может быть истинной, даже

если никто не верит в нее, и ее происхождение не безукоризненно; другая же концепция может быть ложной, даже если она отвечает всем методологическим требованиям и образцам и кажется имеющей хорошее основания для ее признания.

Согласно принципу *эмпиризма*, только наблюдения или эксперименты играют в науке решающую роль в признании или отбрасывании научных высказываний, включая законы и теории. В соответствии с этим принципом методологическая аргументация может иметь только второстепенное значение и никогда не способна поставить точку в споре о судьбе конкретного научного утверждения или теории. Е. Гедимин сформулировал общий *методологический* принцип эмпиризма, смысл которого в том, что различные правила научного метода не должны допускать «диктаторской стратегии». Они должны исключать возможность того, что мы всегда будем выигрывать игру, разыгрываемую в соответствии с этими правилами: природа должна быть способна хотя бы иногда наносить нам поражения.

Методологические правила достаточно неустойчивы, они всегда имеют исключения. Особую роль в научном рассуждении играет *индукция*, связывающая наше знание с опытом. Но индукция не имеет ясных правил. Ни одно наблюдение не может давать необходимых выводов, а значит не всегда обобщение, выведенное из истинных и даже часто повторяющихся наблюдений, будет истинно. Когда речь идет о «правилах обоснованной индукции» имеется в виду не реально существующий перечень «правил индукции» (его нет и он в принципе невозможен), а вырабатываемое долгой практикой *мастерство обобщения*, относящееся только к той узкой области исследований, в рамках которой оно сложилось. Описать это мастерство в форме системы общеобязательных правил невозможно.

Понимая методологизм предельно широко, можно выделить три его версии, различающиеся по своей силе:

- 1) Старый методологизм (Р. Декарт, Э. Кант и др.): существуют универсальные, значимые всегда и везде правила и методы научного исследования;
- 2) Контекстуальный методологизм: правила зависят от контекста исследования, никакие из них не являются универсальными, но, имеются универсальные условные суждения и соответствующие им *условные правила*, предписывающие в определенной ситуации определенное действие;
- 3) Не только абсолютные, но и условные правила и образцы имеют свои пределы, так что даже контекстуально определенные правила могут иногда приводить к отрицательным результатам.

Методологизму противостоит *антиметодологизм*, согласно которому все методологические правила всегда бесполезны и должны быть отброшены. Характерным примером третьей позиции является так называемый «методологический анархизм» П. Фейерабенда, который выражается принципом: «Все дозволено».

Позиция Фейерабенда часто истолковывается как призыв не следовать вообще никаким правилам и нормам, и значит, как некоторое новое методологическое утверждение, призванное заменить прежние методологические нормы. Но утверждение Фейерабенда, думается, нужно понимать как позицию, что поиски совершенно универсальных, не знающих исключений и не имеющих ограничений в своем применении методологических правил способны привести только к такому пустому и бесполезному правилу, как «Все дозволено». Оно означает, что любой способ деятельности исследователя где-нибудь может оказаться дозволенным, оправданным контекстом исследования и ведущим к успеху.

Фейерабенд утверждал, что всякое методологическое правило, даже самое очевидное для здравого смысла, имеет границы, за которыми его применение неразумно и мешает развитию науки. Методологические правила нужны и всегда помогают исследователю: ученый, преступивший некоторую норму, руководствуется при этом другой нормой, так что какие-то нормы есть

всегда. Проблема не в том, какие нормы и стандарты методологии признавать, а какие – нет. Проблема в отношении к методологическим предписаниям и в их использовании. В некоторых ситуациях одни методологические нормы могут быть заменены другими, даже противоположными.

Научное исследование – не диалог изолированного ученого с природой, как это представляло себе Новое время, а одна из форм социальной деятельности. Ученый – человек своего времени и своей среды, он использует те аргументы, которые характерны для этого времени и которые могут быть восприняты его средой. Научная аргументация, как и всякая иная, должна учитывать свою *аудиторию*, и в частности то, что аудитория иногда более восприимчива к ссылкам на традицию, чем к ссылкам на эксперимент.

Однако ученый, проводящий исследование, руководствуется прежде всего правилами, входящими в основу методологических требований. Лишь неудача в применении стандартных правил заставляет его обращаться к тому, что противоречит существующим образцам. Ученый начинает также со стандартных приемов корректной аргументации, и старается не отступать от них до тех пор, пока к этому его не вынудят обстоятельства, и в частности, аудитория. Обращение к таким приемам как пропаганда или угрозы принуждением не оцениваются как подлинно научные.

Научный метод не содержит правил, не имеющих или в принципе не допускающих исключений. Все его правила условны и могут нарушаться, даже при выполнении условия. Любое правило может оказаться полезным при проведении научного исследования, так же как любой прием аргументации может оказать воздействие на убеждение научного сообщества. Но из этого не вытекает, что все реально используемые в науке методы исследования и приемы аргументации равноценны, и безразлично, в какой последовательности они используются. Методологическая аргументация является вполне правомерной, а в науке, когда основа методологических требований достаточно устойчиво, необходимой. Однако, методологические аргументы никогда не имеют решающей силы.

Тема: Контекстуальная аргументация.

1. Традиция и авторитет
2. Интуиция и вера
3. Здравый смысл и вкус

В зависимости от того, на какую **аудиторию** распространяется воздействие аргументации, все способы аргументации можно разделить на **универсальные и контекстуальные.**

Универсальная аргументация применяется в любой аудитории.

К универсальным способам аргументации относятся рассмотренные ранее прямое подтверждение, косвенное эмпирическое подтверждение (в частности, подтверждение следствий), многообразные способы теоретической аргументации: дедуктивное обоснование, системная аргументация, методологическая и др.

Контекстуальная аргументация эффективна в определенной аудитории.

Контекстуальные способы аргументации охватывают аргументы к традиции и авторитету, к интуиции и вере, к здравому смыслу и вкусу и др.

Граница между универсальной и контекстуальной аргументацией относительна. Универсальная аргументация иногда характеризуется как «рациональная», а контекстуальная – «нерациональная» или даже как «иррациональная». Такое различие, думается, не является оправданным, поскольку оно резко сужает сферу «рационального», исключая из нее большую часть гуманитарных и практических рассуждений, невысказанных без использования ссылок на высказывания признанных авторитетов в той или иной области, продолжения традиции, апелляции к здравому смыслу, вкусу и т.п.

1. Традиции и авторитет

Из всех контекстуальных аргументов наиболее часто встречающимся и наиболее значимым является **аргумент к традиции.** Почти все контекстуальные аргументы содержат в свернутом виде ссылку на традицию.

Признаваемые авторитеты, интуиция, здравый смысл, вера, вкус и т.п. формируются исторической традицией и не могут существовать независимо от нее.

Чуткость аудитории к приводимым аргументам в значительной мере определяется теми традициями, которые она разделяет. Это верно не только для аргументации в науках о духе, но во многом и для аргументации в науках о природе. Традиция закрепляет те наиболее общие допущения, в которые нужно верить, чтобы аргумент казался правдоподобным, создает ту предварительную обстановку, без которой он утрачивает свою силу. Известно, что один и тот же аргумент в одной аудитории может быть воспринят как очень веский и достаточный, в другой совершенно не произведет никакого впечатления, или даже может оказаться неуместным.

Традиция представляет собой анонимную, стихийно сложившуюся систему образцов, норм, правил и т.п., которой руководствуется в своем поведении достаточно обширная и устойчивая группа людей. Традиция может быть настолько широкой, чтобы охватывать все общество в определенный период его развития. Наиболее популярные традиции, как правило, не осознаются таковыми. Особенно наглядно это проявляется в так называемом «традиционном» обществе, где традициями определяются все существенные стороны социальной жизни. Традиции имеют отчетливо выраженный двойственный, описательно-оценочный характер. В них обобщается предшествующий опыт успешной деятельности, и они оказываются своеобразным его выражением. С другой стороны, они представляют собой проект и предписание будущего поведения. Традиции являются тем, что делает человека звеном в цепи поколений, что выражает пребывание его в историческом времени, присутствие в «настоящем» как звене, соединяющем прошлое и будущее.

Традиционализму противостоит антитрадиционализм. Это две крайние позиции в трактовке традиции. Традиционализм исходит из убеждения, что практическая мудрость по-настоящему в делах, а не в писанных правилах, и

ставит традицию выше разума. Антитрадиционализм, напротив, считает традицию предрассудком, который должен быть преодолен с помощью разума.

Господство традиционализма не только в теории, но и в практической жизни характерно для коллективистических обществ с жесткой структурой. Таковыми являются средневековое общество, так называемые «восточные деспотии» (Древний Египет, Древний Китай и др.) и тоталитарные общества XX в. Жесткая структура присуща также высокоинтегрированной массе, в частности армии, церкви, определенным политическим партиям. Во многом эта же структура реализуется в «нормальной», или парадигмальной», науке, т.е. в научной дисциплине, имеющей ядро, добившейся успеха и устоявшейся.

Таким образом, история человечества – это главным образом история коллективистических обществ. Индивидуалистические общества существовали лишь в античных Греции и Риме, а начиная с XVII в., утвердились в Западной Европе. В XX веке в ряде стран Западной Европы индивидуалистические общества на довольно длительный период были заменены коллективистическими. Кроме того, в современном индивидуалистическом обществе имеются достаточно обширные и влиятельные сообщества, имеющие жесткую структуру: армия, церковь, некоторые политические партии, нормальная наука.

Жесткая структура предполагает обязательное и бескомпромиссное разделение «верхом» и «низом», где «верх» полностью детерминирует «низ», определяя стиль мышления, чувства и деятельность последнего. «Верх» включает три взаимосвязанные части: разумную, чувственную и деятельностьную. В тоталитарном обществе роль разумной части «верха» играет тоталитарная идеология; объектом особых чувств являются создатели тоталитарной доктрины; деятельностьная часть детально регламентирует все формы группового поведения. В средневековом обществе земному миру как «низу» противостоял небесный мир, разумная часть которого включала Откровение, чувственная – сыновнюю любовь к Богу и деятельностьная – беспрекословное исполнение того, что предписано богом. В различных жестких

структурах части «верха» соотносятся по-разному: в средневековом обществе на первом плане стоит чувственная часть «верха», в тоталитарном обществе и «нормальной» науке доминирует разумная часть. Отношение индивидов, составляющих «низ» общества, к трем частям его «верха» можно охарактеризовать как веру в то, что утверждается в разумной части «верха», любовь к чувственной его части и безусловное повиновение предписаниям деятельностной части. Отношение, связывающее индивидов «низа» - это отношение их равенства между собой относительно «верха».

Из всех обществ с жесткой структурой наиболее полно и всесторонне исследовано средневековое общество. Поэтому рассмотрим проблему традиционализма применительно к этому обществу.

В средние века все устоявшееся и завоевавшее в жизни прочное место считается правильным. Оно не обязательно закрепляется в нормах права, но охраняется традицией, обычаем и в большинстве случаев этого достаточно. Само право мыслится как старинное, авторитет его подкрепляется ссылкой на старину. Средневековье, несомненно, консервативно, но средневековый традиционализм не является просто консерватизмом, поскольку в установке на старину видится особая доблесть и старое считается обладающим особым моральным достоинством. Только существующее века может иметь моральную силу и непререкаемый авторитет.

Традиционализму всегда сопутствует консерватизм. В средневековом сознании консерватизм проявляется многообразно. Прежде всего, оно озабочено сохранением ядра религиозной доктрины, лежащей в основе средневекового мировоззрения. Консерватизм распространяется и на обсуждаемые проблемы: их круг является ограниченным и устойчивым, все они представляют собой только переформулировку вопросов, поставленных еще в авторитетных источниках. Средневековый мыслитель консервативен и по своей психологии: его раздражает даже само намерение обсуждать проблемы, не затрагивавшиеся ранее и не освященные традицией. Средневековью, постоянно

стремящемуся действовать только в русле традиции, несвойственна тяга к реформам, к введению новшеств.

Таким образом, отказ от новаторства не является осознанным выбором для средневекового человека. Этот отказ органически вытекает из общего характера средневековой культуры. Аргумент к традиции был одним из основных в средневековой жизни, а в вопросах практических он оказывался обычно решающим.

Просвещение истолковывало традицию как одну из форм авторитета. На этом основании был выдвинут лозунг преодоления всех предрассудков и прежде всего предрассудков авторитета и предрассудков поспешности. Поспешность – источник ошибок, возникающих при пользовании собственным разумом. Она может быть устранена или скорректирована путем методически дисциплинированного разума. Предрассудки авторитета проистекают из того, что люди вообще не пользуются собственным разумом, передоверяя способность рассуждать авторитету. И эти предрассудки самые опасные.

К традиции как разновидности авторитета относится все, что касается авторитета вообще.

Романтизм, возвеличивая традицию и противопоставляя ее разумность свободе, рассматривает ее как историческую данность, подобную данностям природы. В результате традиция оказывается противоположностью свободному самоопределению, поскольку выступает как некая самоочевидность и не нуждается в разумных основаниях.

Противоположность традиции и разума носит относительный характер: традиции складываются при участии разума, а сам разум в каждый конкретный период является продолжением и развитием имманентно присущей человеку традиции рациональности.

Аргумент к традиции неизбежен во всех тех научных рассуждениях. Обращение к традиции – обычный способ аргументации и в морали. Наши установленные нормы и поступки во многом определяются традицией.

Повседневная жизнь также во многом опирается на традицию, и стандартным приемом практической аргументации является апелляция к традиции.

Аргументу к традиции близок **аргумент к авторитету** – ссылка на мнение или действие лица, прекрасно зарекомендовавшего себя в данной области своими суждениями или поступками. Традиция складывается стихийно и не имеет автора, авторитетом же является конкретное лицо. Аргумент к авторитету встречается во всех областях познания и деятельности. Наиболее часто он встречается в обществах с жесткой структурой, немислимых без собственных, признаваемых всеми авторитетов. И здесь характерным примером является средневековая культура. Авторитарное мышление проникает во все его сферы. Чтобы подвигнуть кого-то к раскаянию, апеллируют не к общему понятию нравственно похвального или предосудительного действия, а перечисляют соответствующие примеры из Библии. Чтобы предостеречь от распутства вспоминают все подходящие случаи, обсуждаемые и осуждаемые древними. Для всякого жизненного происшествя всегда находится аналоги и соответствующие примеры из Священного Писания, истории или литературы.

В серьезных доказательствах всегда прибегают к ссылкам на авторитетные источники в качестве исходного пункта и надежной поддержки.

Из авторитарности средневековой культуры непосредственно вытекает ее комментаторство, стремление ограничиться детализацией доктрины и уточнением частных, не ставя под сомнение или вообще не обсуждая ее центральные положения.

С традиционализмом и авторитарностью средневековой культуры тесно связан **формализм**. Суть формализма в том, что форма постоянно господствует над конкретным содержанием, внешнее, жесткое правило едва ли не целиком определяет жизнь и деятельность средневекового человека. Формализм проистекает из ощущения трансцендентной сущности вещей, из ограничении всякого представления незыблемыми границами. В социальной сфере такие границы явлений устанавливаются авторитетом и традицией. С формализмом связан широко распространенный в средневековье **идеализм** – уверенность в

том, что каждый возникший вопрос должен получить идеальное разрешение. Для этого нужно только познать правильное соотношение между частным случаем и вечными истинами. Само это отношение выводится, когда к фактам прилагаются формальные правила.

Авторитарность и традиционализм средневековой культуры обусловили чрезвычайную распространенность в ней *дидактизма*, учительства, назидательности. Авторитарное мышление довольно широко распространено в обычной жизни. Одна из причин этого состоит в том, что человек не способен не только жить, но и мыслить в одиночку. Он остается «Общественным существом» и в сфере мышления: рассуждения каждого индивида опираются на открытия и опыт других людей. Нередко стирается грань между критическим, взвешенным восприятием и неоправданным доверием к написанному и сказанному другими.

2. Интуиция и вера.

Интуицию обычно определяют как прямое усмотрение истины, постижение ее без всякого рассуждения и доказательства.

Можно выделить некоторые общие типичные признаки интуиции, такие как неожиданность, невероятность, непосредственная очевидность и неосознанность ведущего к ней пути. **Интуитивная аргументация** представляет собой ссылку на непосредственную, интуитивную очевидность выдвигаемого положения. Интуитивная аргументация в чистом виде является редкостью. В «непосредственном схватывании», внезапном озарении и прозрении много неясного и спорного. Философ М. Бунге говорит даже, что «интуиция – это коллекция хлама», куда мы сваливаем все интеллектуальные механизмы, о которых не знаем, как их проанализировать, или даже как их точно назвать, либо такие, анализ которых нас не интересует. Поэтому, как правило, для результата, найденного интуитивно, задним числом подыскиваются основания, кажущиеся более убедительными, чем простая ссылка на интуитивную очевидность.

Тем не менее, интуиция существует и играет заметную роль в познании. Далеко не всегда процесс научного, а тем более художественного творчества и постижения мира осуществляется в развернутом, расчлененном на этапы виде. Нередко человек охватывает мыслью сложную ситуацию, не отдавая отчета во всех ее деталях. Особенно наглядно это проявляется при постановке диагноза, при установлении виновности и невиновности и т.п. Велика роль интуиции и, соответственно, интуитивной аргументации в математике и логике. Существенное значение имеет интуиция в моральной жизни, в историческом и вообще гуманитарном познании. Художественное мышление вообще не мыслимо без интуиции.

Слово «интуиция» вошло в европейскую философию в XIII в. как аналог древнегреческого термина, означавшего познание предмета не по частям, а сразу, одним движением. В позднее средневековье интуиция означала познание того, что конкретно и единично, в противовес абстрактному познанию. В Новое время Декарт свел все акты мышления, позволяющие нам получить новое знание без опасения впасть в ошибку к двум: **интуиции и дедукции**. Р. Декарт под интуицией понимал разум, способность мыслить. Опираясь на первичную интуицию Декарт пытался доказать существование бога, т.е. бесконечную, вечную субстанцию, которая создала все вокруг существующее. Начиная с Плотина, утверждается противопоставление интуиции и дискурсивного мышления. Интуиция – это божественный способ познания чего-то одним лишь взглядом, в один миг, вне времени. Дискурсивное же мышление – человеческий способ познания, состоящий в том, что в ходе некоторого рассуждения, последовательно, шаг за шагом разворачивается аргументация. Особой остроты противопоставление интуиции и дискурсивного мышления достигает у Канта. Он отрицает декартовскую интеллектуальную интуицию и выделяет чувственную интуицию и чистую интуицию пространства и времени. После Канта под интуицией все более понимается интеллектуальная очевидность. Согласно Шопенгауэру, органом интуитивного, моментального, непосредственного познания является интеллект. Разум преобразует

интеллектуальное познание в абстрактное. Абстрактное познание не расширяет знание, а только придает ему новую форму, способную выполнить практические функции и быть объектом межличностных отношений. Н.О.Лосский определяет интуицию как «акт непосредственного созерцания предмета в подлиннике». Акты внимания, различения и т.п., направленные на предмет, ничего не меняют в нем. Поэтому мы знаем предметы в подлиннике, т.е. такими, как они существуют независимо от нас и нашего познания. Кант называл вещи в их бытии, независимом от познающего сознания, термином «вещь в себе» и считал их абсолютно непознаваемыми. Согласно интуитивизму Лосского, наоборот, всякое знание есть знание о «вещах в себе». Логически обосновать знание о существовании внешнего мира невозможно. Поэтому необходимо допустить интуицию как непосредственное восприятие этого мира. Существуют также другие, абсолютно достоверные разновидности знания, которые может обеспечить только интуиция. Согласно Лосскому, человек способен непосредственно созерцать в подлиннике любые виды и стороны бытия, существующие в мире. В чувственном опыте даны материальные процессы как нечто глубоко отличное от душевных процессов, наблюдаемых путем нечувственного опыта. Человек способен наблюдать не только свою, но и чужую душевную жизнь. Он способен наблюдать не только реальное бытие, но и бытие идеальное, посредством интеллектуальной интуиции. Сверхлогические принципы, находящиеся в мире, и даже сверхмировое начало, Бог, познается посредством мистической интуиции. В этой концепции интуиция оказывается надежным средством познания предметного мира (чувственная интуиция), своей и чужой душевной жизни (нечувственная интуиция), идеального бытия (интеллектуальная интуиция), запредельного бытия (мистическая интуиция), ценностных характеристик мира (аксиологическая интуиция).

Существует множество трактовок интуиции:

Интуиция Платона понимается как созерцание стоящих за вещами идей, приводящее внезапно, но предполагающее длительную подготовку ума;

Интуиция «здравого смысла» шотландской школы философов, дающая моральные и религиозные истины;

Художественная интуиция Шопенгауэра, улавливающая сущность мира как мировую волю;

Интуиция философии жизни (Ницше), несовместимая с разумом, логикой и жизненной практикой, но постигающая мир как форму проявления жизни;

Интуиция Бергсона как непосредственное слияние субъекта с объектом и преодоление противоположности между ними;

Моральная интуиция Дж. Мура как непосредственное видение добра, не являющегося «естественным» свойством вещей и не допускающего рассудочного определения;

Интуиция Фрейда как скрытый, бессознательный первоисточник творчества.

Для всех этих и множества других трактовок интуиции общим является признание непосредственного характера интуитивного знания – оно представляет собой знание без осознания путей и условий его получения. По традиции часто противопоставляют интуицию логике. Логика и интуиция не исключают и не подменяют друг друга. В реальном процессе познания они тесно переплетаются, поддерживая и дополняя друг друга. Логические принципы не являются чем-то заданным раз и навсегда. Они формируются в многовековой практике познания и преобразования мира и представляют собой очищение и систематизацию стихийно складывающихся «мыслительных привычек». Таким образом, логику и интуицию не стоит понимать как строго противоположные понятия. Каждая из них необходима на своем месте и в свое время. Внезапное интуитивное озарение, способно открыть истины, вряд ли доступные строгому логическому рассуждению. Но и ссылка на интуицию не может служить твердым и тем более окончательным основанием для принятия каких-то утверждений. Интуиция дает интересные новые идеи, но нередко порождает также ошибки и вводит в заблуждение. Интуитивные догадки субъективны и неустойчивы, они нуждаются в логическом обосновании. Чтобы

убедить в интуитивно схваченной истине не только других, но и самого себя, требуется развернутое рассуждение, доказательство.

Интуиции близка *вера* – глубокое, искреннее, эмоционально насыщенное убеждение в справедливости какого-то положения или концепции.

Вера заставляет принимать какие-то положения за достоверные и доказанные без критики и обсуждения. Как и интуиция, вера субъективна. В разные эпохи предметом искренней веры были диаметрально противоположные воззрения. То, во что когда-то свято веровали все, спустя время большинству представляется наивным предрассудком. В отличие от интуиции вера затрагивает не только разум, но и эмоции; нередко она затрагивает всю душу и означает не только интеллектуальную убежденность, но и психологическую расположенность. Если интуиция – это непосредственное *усмотрение* истины и добра, то вера – непосредственное *тяготение* к тому, что представляется истиной или добром.

Вера противоположна *сомнению* и отлична от *знания*. Если человек верит в какое-либо утверждение, он считает его истинным на основании доводов, которые представляются ему достаточными. В зависимости от способа, каким оправдывается вера, различают **рациональную и нерациональную** веру. Нерациональная вера служит оправданием самой себе: сам факт веры считается достаточным для ее оправдания. Самодостаточную веру иногда называют «слепой». (Например, религиозная вера в чудо не требует какого-либо основания чуда, помимо самого акта веры в него). Рациональная вера предполагает некоторые основания для своего принятия. Ни рациональная, ни иррациональная вера не гарантирует истины.

Существует мнение, что вера (и, прежде всего религиозная) не имеет ничего общего со знанием, поскольку вера и знание относятся к дополняющим друг друга, но не сопоставимым сторонам действительности. Соотношение знания и веры во многом является неясным. Очевидно только, что они существенно переплетены, нередко взаимно поддерживают друг друга, и разделение их и отнесение к разным, не соприкасающимся друг с другом

сторонам действительности может быть только временным и условным. Знание всегда подкрепляется интеллектуальным чувством субъекта. Предположения не становятся частью науки, до тех пор, пока их кто-нибудь не выскажет и не заставит в них поверить. Вера стоит не только за отдельными утверждениями, но и за целостными концепциями или теориями. Особенно наглядно это выявляется при переходе от старой теории к новой. Основные трудности их сравнения и выбора между ними почти всегда связаны с разными системами верований.

Для двух разных систем веры характерно, что: (1) они используют понятия, между которыми невозможно установить обычные логические отношения (включение, исключение, пересечение); (2) заставляют своих сторонников во многом видеть вещи по-разному, диктуют разные восприятия; (3) включают в себя разные методы обоснования и оценки выдвигаемых положений. Именно такими бывают обычно отношения между старой и новой теорией. Переход от старой теории к новой связан с изменением системы верований, но это не означает, что он не может осуществляться с помощью аргументов и что ученых невозможно убедить в необходимости изменения их образа мышления. Аргументация присутствует и здесь, но она не является доказательной и не имеет единой и унифицированной формы.

Определенная система верований лежит в основе не только отдельной теории, но и науки в целом. Эта система задает предпосылки научного теоретизирования и определяет то, что отличает научное мышление от идеологического, утопического или художественного мышления. Совокупность мыслительных предпосылок науки размыта, значительная их часть носит характер «неявного знания». Этим объясняется то, что трудно науку однозначно отграничить от не-науки и определить научный метод как исчерпывающий перечень правил.

Таким образом, возможности аргументации являются ограниченными даже в науке, особенно в периоды кризиса старых теорий и появления новых. Аргументация становится почти бессильной, когда какая-то эпоха пытается

определить те общие верования, которые определяют облик ее мышления, ее миропонимания и мироощущения.

Аргумент к вере встречается достаточно часто. Он встречается в науке, особенно в периоды ее кризисов. Он неизбежен при обсуждении многих общих вопросов, таких как, вопрос о будущем человечества или вопрос о предпосылках теоретического мышления. Аргумент к вере обычен в общении людей, придерживающихся какой-либо общей системы веры. В другой аудитории он может оказаться не только неубедительным, но и попросту неуместным.

3. Здравый смысл и вкус.

Здравый смысл можно охарактеризовать как присущее каждому человеку чувство истины и справедливости, приобретаемое с жизненным опытом. Здравый смысл в основе своей не является знанием. Здравый смысл играет особую роль в гуманитарной аргументации и при обсуждении всех проблем, касающихся жизни и деятельности человека. *Аргумент к здравому смыслу* – это обращение с целью поддержки выдвигаемого положения к чувству здравого смысла, который обязательно имеется у аудитории.

Здравый смысл необходим гуманитарному ученому, исследующему моральное и историческое существование человека. Здравый смысл проявляется в суждениях о правильном и неправильном, годном и негодном. Здравый смысл чаще всего применим в общественных и практических делах. С его помощью судят, опираясь не на общие предписания разума, а скорее на убедительные примеры. Поэтому решающее значение для него имеет история и опыт жизни. Он имеет двойственный, описательно-оценочный характер: с одной стороны, он опирается на прошлые события, с другой является наброском будущего.

С изменением общественной жизни изменяется и здравый смысл. Так, в древности сны представлялись обычному человеку одним из важнейших выражений его души, материалом для предсказания будущего. В эпоху Просвещения идея о том, что сны могут быть вещими, уже казалась

предрассудком, в них видели преимущественно отражение соматических факторов и избыток душевных страстей. Позднее снова начала усматриваться связь между характером человека и его сновидениями: в сновидениях отражается характер и особенно те его стороны, которые не проявляются наяву; во сне человеком осознаются скрытые мотивы его действий, и поэтому, толкуя сновидения, можно предсказать его будущие действия.

Хотя здравый смысл касается в первую очередь социальной жизни, по своей природе он более универсален, так как способен судить о любой деятельности и ее результатах.

Аргументация к вкусу – это обращение к чувству вкуса, имеющемуся у аудитории и способному склонить ее к принятию выдвинутого положения.

Понятие вкуса существенно уже понятия здравого смысла. Вкус касается только совершенства каких-то вещей и опирается на непосредственное чувство, а не на рассуждение. Понятие вкуса первоначально было моральным, и лишь потом его употребление сузилось до эстетической сферы «прекрасной духовности». Идея человека, обладающего вкусом, пришла в XVII веке на смену христианскому идеалу придворного и была идеалом так называемого «образованного общества».

Вкус - это не простое своеобразие подхода индивида к оцениваемому им явлению. Вкус всегда стремится к тому, чтобы стать *хорошим* и реализовать свое притязание на всеобщность.

Понятию хорошего вкуса противостоит понятие *отсутствие вкуса*, а не понятие *плохого вкуса*. Широко распространено мнение, что о вкусах не спорят. Кант полагал, что в этой сфере возможен спор, но не диспут. Принцип «о вкусах не спорят» не кажется верным в своей общей формулировке. Споры о вкусах достаточно обычны, эстетика и художественная критика состоят по преимуществу из таких споров. О вкусах невозможно вести *дискуссию* – спор, направленный на поиск истины и ограничивающийся только корректными средствами аргументации. О вкусах невозможен также *эkleктический спор*, поскольку он также ориентируется на истину, но использует и некорректные

приемы. Суждения вкуса являются оценками: они определяют степень совершенства рассматриваемых объектов, поэтому об оценках возможна *полемика* – спор, цель которого победа над другой стороной и который пользуется только корректными приемами аргументации. Оценки, и в частности суждения вкуса, могут быть предметом *софистического спора*, тоже ориентированного на победу, но использующего и некорректные приемы.

Вкус всегда претендует на общую значимость. Это особенно наглядно проявляется в феномене *моды*, тесно связанном со вкусом. Мода касается быстро меняющихся вещей и воплощает в себе не только вкус, но и определенный, общий для многих способ поведения.

Аргумент к моде – это частный случай аргумента ко вкусу, представляющего собой ссылку на согласие выдвинутого положения с господствующей в это время модой.

Особое значение и вместе с тем особую силу вкус имеет в сфере нравственного решения. Вкус несет на себе отпечаток общности социальной жизни и изменяется вместе с ее изменением. Суждения вкуса, относящиеся к разным эпохам или к разным обществам, обычно оказываются несовместимыми друг с другом.

Тема: Аргументация и ценности.

1. Ценности и эпистемология
2. Описание и оценка
3. Многообразие оценок
4. Квазиэмпирическое обоснование оценок
5. Теоретическое обоснование оценок
6. Контекстуальные аргументы
7. Принципы морали

1. Ценности и эпистемология.

Существенным недостатком современной теории аргументации является то, что в ней почти не уделяется внимания ценностям. По старой традиции оценки истолковываются как частный случай описаний, не

представляющих самостоятельного интереса. Способы аргументации, применяемые в случае описаний, автоматически переносятся на оценочные суждения. Своеобразие аргументации в поддержку ценностей остается пока совершенно не исследованным.

Проведение ясного различия между описанием и оценками - необходимая предпосылка правильной трактовки ценностей в теории аргументации. Убедить аудиторию в приемлемости какого-то описательного утверждения значит, прежде всего, продемонстрировать ей истинность или, по крайней мере, высокую правдоподобность этого утверждения. Совершенно иначе обстоит дело с оценочными утверждениями. Они не являются ни истинными, ни ложными и пытаться по аналогии с описаниями продемонстрировать аудитории истинность оценочного утверждения - значит потратить силы впустую.

Лучший способ утверждения в этом случае можно считать *абсолютное* или *сравнительное обоснование*. Однако между обоснованием описательных утверждений и обоснованием оценочных утверждений имеется существенная разница. Оценочные утверждения не допускают *прямого* и *косвенного эмпирического подтверждения*: в строгом смысле оценки не поддерживаются ни непосредственным наблюдением (приведением фактов), ни подтверждением в опыте их логических следствий. Оценочные утверждения не могут обосновываться и построением *объяснений*, поскольку посылки объяснений всегда являются описательными утверждениями. Применительно к оценкам бессмысленно говорить о *фальсификации*, неуспех которой мог бы истолковываться как свидетельство их обоснованности. Не могут быть поставлены и вопросы о принципиальной возможности эмпирического подтверждения и эмпирического опровержения оценок. И, наконец, оценки нельзя обосновывать путем *дедукции* их из известных описаний: они вообще не выводимы логически из описаний.

С другой стороны, есть способы обоснования оценочных утверждений, которые не могут быть применены к описаниям. Прежде всего, это *целевое*

подтверждение, являющееся параллелью косвенного подтверждения описательных утверждений.

Описательные утверждения обосновываются принципиально иначе, чем оценочные утверждения, и, соответственно, аргументация в поддержку описаний должна быть другой, нежели аргументация в поддержку оценок.

И описательные, и оценочные утверждения должны иметь «достаточные основания». Эти основания обеспечиваются процедурами абсолютного и сравнительного обоснования. Характер обоснования, а значит и характер опирающейся на него аргументации, зависит от того, к какому из употреблений языка относится обосновываемое положение.

Понятие *ценности* является столь же важным для эпистемологии и методологии науки, как и понятие *истины*. Эпистемология Нового времени сделала основой всех своих рассуждений о знании *истину*, а ценностная сторона процессов познания ушла в глубокую тень. Естественные науки оказались оторванными от гуманитарных наук, теоретическое освоение мира – от практического, предметного его преобразования. Современная эпистемология все больше обращает свое внимание на ценностных аспектах научного познания. Становится все более очевидным, что, вопреки старому убеждению, знание не сводимо к истине и включает в себя также ценности. Знать – значит иметь представление не только о том, что есть, но и о том, что должно быть.

Без ценностей нет социальных наук, которые, подобно этике, политической экономии, теории права и т.д., ставят своей задачей обоснование и утверждение определенных ценностей. Без ценностей нет естественных наук: понимание природы является оценкой ее явлений с точки зрения того, что должно в ней происходить, то есть с позиций устоявшихся, опирающихся на прошлый опыт представлений о «нормальном» или «естественном», ходе вещей. Поворот эпистемологии к исследованию ценностей и их роли в познании должен сказаться и на теории аргументации. Одной из основных тем

теории аргументации должен стать анализ тех многообразных способов аргументации, которые применяются для поддержки ценностей.

2. Описание и оценка.

Выделение функций языка зависит от тех целей, для которых используется противопоставление языковых выражений. В разных случаях могут выделяться и противопоставляться разные функции. С точки зрения логики и эпистемологии важным является проведение различия между двумя ведущими функциями языка: *описательной и оценочной*. Все другие употребления языка сводятся либо к описаниям, либо к оценкам. Описание и оценка являются, таким образом, двумя полюсами, к которым тяготеют все другие употребления языка. За оппозицией «описание-оценка», в конечном счете, стоит оппозиция «истина - ценность», и первая не может быть понята без прояснения второй. Большинство рассуждений о ценностях, в том числе и о ценностях в науке, имеют существенный недостаток. Обычно упускается из виду, что категория ценности такая же универсальная, как и категория истины. Всякая человеческая деятельность неразрывно связана с постановкой целей, следованиям нормам и правилам, систематизацией и иерархизацией рассматриваемых и преобразуемых объектов, подведением их под образцы или стандарты, отделением важного и фундаментального от менее существенного и второстепенного и т.д. Все эти понятия - «цель», «норма», «правило», «система», «иерархия», «образец», «стандарт», «фундаментальное», «второстепенное» и т.п. – являются оценочными или несут важное оценочное содержание.

Ценности – неотъемлемый элемент всякой деятельности, а значит и всей человеческой жизни, в каких бы формах она ни протекала. Аргументация как особый случай деятельности также насквозь пронизана ценностями и без них немислима. Вопрос о соотношении истины и ценности - один из аспектов более общей проблемы взаимосвязи теории и практики, созерцания и действия. Существуют десятки определений понятия ценности. Они различаются деталями, но суть большинства из них одна: ценностью объявляется предмет

некоторого интереса, желания, стремления и т.п., значимый для человека или группы лиц. Однако необходимо понимать, что ценность, как и истина, является **не свойством, а отношением** между мыслью и действительностью. Ценность, как и истина, не существует сама по себе, вне связи мысли и действительности.

Цель описания – сделать так, чтобы слова соответствовали миру, цель оценки сделать так, чтобы мир отвечал словам. Это – две диаметрально противоположные функции. Они несводимы друг к другу. Также нет оснований считать, что описательная функция языка является первичной или более фундаментальной, чем его оценочная функция. Описание и оценка являются двумя точками тяготения всех других употреблений языка. Между «чистыми» описаниями и «чистыми» оценками существует масса переходов. Как в повседневном языке, так и в языке науки имеются многие разновидности и описаний и оценок.

Истинностный и ценностный подходы к вещам не тождественны друг другу. Они имеют противоположную направленность и уже поэтому не могут совпадать. В случае истинностного подхода движение направлено от действительности к мысли. В качестве исходной выступает действительность, и задача заключается в том, чтобы дать адекватное ее описание. При ценностном подходе движение осуществляется от мысли к действительности. Исходной является оценка существующего положения вещей, и речь идет о том, чтобы преобразовать его в соответствии с этой оценкой. Истинностный и ценностный подходы взаимно дополняют друг друга. Ни один из них не может быть сведен к другому или заменен им.

3. Многообразие оценок.

Всякий раз, когда объект сопоставляется с мыслью на предмет соответствия ей, возникает ценностное отношение. Далеко не всегда оно осознается, еще реже оно находит выражение в особом высказывании. Формы явного и неявного вхождения оценок в наши рассуждения, и в частности в научные теории, многочисленны и разнородны.

Способы выражения оценок разнообразны. **Абсолютные оценки** выражаются чаще всего предложениями с оценочными словами «хорошо», «плохо», и «(оценочно) безразлично». Вместо них могут использоваться слова: «позитивно ценно», «негативно ценно», «добро», «зло», «благо» и т.п. **Сравнительные оценки**, называемые также предпочтениями, формируются в предложениях с оценочными словами: «лучше», «хуже», «равноценно», «предпочитается» и т.п. В языке для правильного понимания оценок важную роль играет контекст, в котором они формулируются. Можно выделить **обычные**, или стандартные, формулировки оценочного утверждения, но выделить оценочные утверждения среди других видов утверждений, опираясь только на грамматические основания невозможно.

Оценка включает следующие части, или компоненты:

- *субъект оценки* – лицо (или группа лиц), приписывающие ценность некоторому объекту;
- *предмет оценки* – объект, которому приписывается ценность, или объекты, ценности которых сопоставляются;
- *характер оценки* – указание на абсолютность или сравнительность, а также на квалификацию, даваемую оцениваемому объекту;
- *основание оценки* – явление или предмет, с точки зрения которого производится оценка;

Не все эти части находят явное выражение в оценочном утверждении. Однако без любой из них нет оценки и, значит, нет фиксирующего ее оценочного утверждения.

Описательное утверждение предполагает следующие четыре части:

- *субъект* – отдельное лицо или сообщество, дающее описание;
- *предмет* – описываемая ситуация;
- *основание* – точка зрения, в соответствии с которой производится описание;
- *характер* – указание на истинность или ложность предлагаемого описания.

Не все его части явно выражаются в описательном утверждении.

Вопросы, имеющие характер требований, просьб или рекомендаций предоставить определенную информацию, неявно содержат оценку. Существенным является различие между *реальными и номинальными определениями*. Первые представляют собой описания. Они претендуют на соответствие действительности и являются истинными или ложными. Вторые – это, в сущности, завуалированные предписания. Они требуют употреблять определяемый термин в задаваемом ими значении, не считаясь с особенностями реальной ситуации. Сама эта ситуация в случае необходимости должна быть преобразована так, чтобы не приходилось отступать от предписанного значения. Номинальные определения не имеют истинностного значения. Как предписания номинальные определения являются оценками и представляют собой обычную форму неявного введения ценностных отношений и оценок.

Еще одна форма неявного вхождения оценок – *конвенции* всякого рода. Все они являются предписаниями и находятся в ценностном отношении к миру. Конвенциями могут вводиться новые понятия, но гораздо чаще конвенции ограничивают или расширяют уже употребляемые в науке понятия, а также отождествляют разные совокупности признаков.

Сложный, описательно-оценочный характер имеют также *регулятивные принципы познания*, подобные принципу привычности, наблюдаемости, принципу простоты и т.д. Все они выполняют функцию эвристических указателей, которые помогают сформировать и реализовать исследовательскую программу. Вместе с тем, они складываются и конкретизируются в самой практике научного исследования и являются попытками осознать определенные закономерности познания.

Ценностно нагруженными можно считать не только принципы теории, но и все ее законы и даже факты, следовательно, ценности неизбежны в структуре всех теорий, как гуманитарных, так и естественнонаучных.

4. Квазиэмпирическое обоснование оценок.

По возможности воздействия на аудиторию способы аргументации делятся на *универсальные*, применимые во всякой аудитории, и

контекстуальные, применимые лишь в некоторых аудиториях. Универсальная аргументация подразделяется далее на *эмпирическую*, включающую так или иначе ссылку на то, что дано в опыте, и *теоретическую*, опирающуюся главным образом на рассуждение. По такой же схеме рассматриваются способы аргументации в поддержку *оценок*. Однако строгая параллель между обоснованием описаний и оценок нарушается в одном важном пункте: *эмпирическое обоснование не применимо в области оценок*. Оценочные утверждения, в отличие от описательных, не могут поддерживаться ссылками на данные опыта. Вместе с тем существуют такие способы обоснования оценок, которые в определенном смысле аналогичны способам обоснования описаний и которые можно назвать **квазиэмпирическими**.

К квазиэмпирическим способам оценок относятся различные индуктивные рассуждения, среди посылок которых имеются оценочные утверждения, и заключение которых также являются оценками. Это неполная индукция, аналогия, ссылка на образцы, целевое подтверждение, истолкование акта понимания как индуктивного свидетельства в пользу его посылок и др.

Поскольку ценности не даны в опыте, процесс приобретения знания о них принципиально отличается от процесса приобретения знания о фактах. Знание о ценностях не может быть эмпирическим, процедуры их получения могут лишь внешне походить на процедуры получения эмпирического знания.

Современная логическая теория индукции не рассматривает индуктивные (правдоподобные) рассуждения, заключениями которых являлись бы оценки. В дедуктивной логике также до недавнего времени не рассматривались дедуктивные рассуждения, посылки которых включали бы оценки (или нормы) и заключение которых являлось бы оценкой (или нормой). С созданием логики норм и логики оценок в 50е – 60е годы XX века этот пробел в дедуктивной логике был устранен. Индуктивные же оценочные рассуждения остаются неисследованными.

Самым простым, но ненадежным способом индуктивного обоснования оценок является *неполная* (популярная) индукция. Другим популярным

способом индуктивной аргументации в поддержку ценностей является *аналогия*. Заметив сходство свойств, присущих двум разным предметам, можно это сходство продолжить и предположить, что сравниваемые предметы подобны в других своих свойствах. В качестве аргументов применяется как *аналогия свойств, так и аналогия отношений*. Однако аналогия всегда дает *проблематичное* (вероятное) *заключение*. Поэтому аналогия обладает слабой доказательной силой. Продолжение сходства может оказаться поверхностным или даже ошибочным.

Аналогия достаточно часто используется как средство убеждения в художественной литературе. Аналогии широко используются также в обычной жизни, в моральном рассуждении, в идеологии, утопии и т.п.

Еще одним способом аргументации в поддержку ценностей является *апелляция к образцу*. Образец принципиально отличается от примера. Пример говорит о том, что имеет место в действительности, образец – о том, что должно быть. Пример используется для поддержки описательных утверждений, ссылка на образец призвана поддержать оценку.

Образец, или идеал, - это поведение лица или группы лиц, которому надлежит следовать. Имеются образцы, предназначенные для всеобщего подражания, но есть и образцы, рассчитанные только на узкий круг людей. Образцы или идеалы играют исключительную роль в социальной жизни, в формировании и укреплении социальных ценностей.

Наряду с образцами существуют также **антиобразцы**. Задача антиобразца – дать отталкивающий пример поведения и тем самым отвратить от такого поведения. Воздействие антиобразца на некоторых людей оказывается даже более эффективным, чем воздействие образца.

Аргументация к образцу чаще всего используется в художественной литературе. Здесь она носит обычно не прямой характер: образец предстоит выбрать самому читателю по косвенным указаниям автора. Обращение к образцу играет важную роль в психологии личности, в моральных рассуждениях, в обучении и т.д. В сущности, аргументация к образцу

присутствует везде, где речь идет о поведении человека: образцы – одна из форм создания и закрепления традиции, которой определяется по преимуществу поведение.

До сих пор понятие образца употреблялось для обозначения одного лица или группы лиц, которому надлежит следовать. Такие образцы можно назвать *идеалами*. Наряду с образцами действий имеются также образцы вещей, предметов, событий, ситуаций, процессов и т.д. Образцы такого рода можно назвать *стандартами*.

Стандарт, касающийся предметов определенного типа, обычно учитывает характерную функцию этих предметов. Помимо *функциональных* свойств, стандарт может включать также некоторые *морфологические* признаки.

Важным способом обоснования оценок является *целевое*, или *мотивационное обоснование*. Оно представляет собой параллель эмпирическому подтверждению описательных утверждений (подтверждению следствий) и может быть названо также *целевым подтверждением*.

Целевое обоснование позитивной оценки какого-то объекта представляет собой ссылку на то, что с помощью последнего может быть получен другой объект, имеющий позитивную ценность.

5. Теоретическое обоснование оценок.

Теоретическая аргументация в поддержку оценочных утверждений, в том числе и норм, во многом параллельна теоретическому обоснованию описательных утверждений: почти все способы аргументации, применяемые к описаниям, могут использоваться также для обоснования оценок. Способы теоретической аргументации в поддержку оценок включают *дедуктивное обоснование, системную аргументацию* (в частности внутреннюю перестройку теории), *демонстрацию совместимости обосновываемой оценки с другими принятыми оценками, методологическое обоснование и др.*

Дедуктивное обоснование оценок – это выведение обосновываемого оценочного утверждения из иных, ранее принятых оценок.

Дедуктивное рассуждение только в редких случаях формулируются с явным указанием всех посылок и выводением из них заключения. В большинстве случаев дедуктивное рассуждение носит сокращенный характер. Частое применение в аргументации находят логические законы, распространяющие требование непротиворечивости на случай оценок. Смысл этих законов выражается в том, что два положения дел, логически несовместимых друг с другом, не могут быть вместе хорошими и не могут быть вместе плохими. Здесь нужно иметь в виду, что речь идет об оценке двух противоречащих друг другу ситуаций *с одной и той же точки зрения*.

В логике норм предполагается, что основные нормативные понятия - «обязательно», «разрешено», «запрещено» - являются взаимно определяемыми. Разрешено действие, от выполнения которого не обязательно воздерживаться; запрещено то, от выполнения чего следует воздержаться; не разрешенное – запрещено, и т.п. Безразличное действие определяется как не являющееся ни обязательным, ни запрещенным.

Оценочные и нормативные высказывания не являются истинными или ложными. Их функция – не описание действительности, а направление человеческой деятельности, преобразующей действительность. Описание говорит о том, каким является предмет, оценки и нормы указывают каким он должен быть. Можно ли из описательных высказываний логически вывести некоторую оценку или норму? В соответствии с принципом, впервые высказанным философом Д. Юмом, нельзя с помощью логики перейти от высказываний со связкой «есть» к высказываниям со связкой «должен». Оценки и нормы выводимы лишь из посылок, включающих некоторые оценки и нормы. Невозможным является и обратный логический переход – от оценок или норм к описаниям.

Еще одним способом аргументации в поддержку оценок является *системное обоснование*, т.е. обоснование путем включения их в хорошо обоснованную систему оценочных утверждений.

Если принципу справедливости дается моральное истолкование, важным в его обосновании будет указание на то, что он является существенным составным элементом конкретной, хорошо обоснованной системы морали. Та теоретическая и эмпирическая (или квазиэмпирическая) поддержка, какой обладает мораль в целом, распространяется и на принцип справедливости. Это тем более верно, что данный принцип представляет собой одно из наиболее важных ее требований. Если из системы морали изъять принцип справедливости, предписывающий, в частности, отвечать на добро добром, сама эта система, скорее всего, станет совершенно иной или, вполне возможно, разрушится.

Частным случаем системного обоснования оценочного утверждения является *внутренняя перестройка* той системы оценок, к которой оно принадлежит. Эта перестройка может состоять во введении новых оценок, согласующихся с рассматриваемой оценкой и поддерживающих ее, исключении элементов системы, которые не вполне согласуются между собой, уточнения основополагающих принципов системы и т.д.

Важным шагом в теоретическом обосновании оценочного утверждения является *демонстрация его соответствия имеющимся в рассматриваемой области оценкам и их системам*. Новая оценка должна быть в согласии не только с уже принятыми и устоявшимися оценками и их системами, но и с определенными общими принципами, подобными принципам простоты, привычности, красоты и т.д. Простая, красивая внутренне согласованная система оценок, не порывающая резко с ценностями, оправдавшими себя временем, скорее найдет признание, чем неуклюжая, путанная, безосновательно порывающая с традицией система.

6. Контекстуальные аргументы.

Контекстуальные способы аргументации в поддержку оценок охватывают, как и в случае описательных утверждений, аргументы к традиции и авторитету, к интуиции и вере, к здравому смыслу и др.

Аргумент к традиции представляет собой ссылку на ту устойчивую и оправданную временем традицию, которая стоит за рассматриваемым оценочным утверждением. Этот аргумент играет первостепенную роль в моральной аргументации, при обсуждении обычаев и правил идеала, правил разнообразных игр, правил ритуала, разнообразных конвенций и т.д. Даже аргументация в поддержку законов государства, методологических и иных рекомендаций, предостережений, просьб, обещаний и т. п. во многом опирается на традицию. Особенно наглядно проявляется роль аргумента к традиции при обсуждении требований этикета. Нередко правила этикета, как и другие нормы повседневного поведения, всецело опираются только на традицию и не претендуют на какое-то, хотя бы поверхностное целевое обоснование.

Достаточно часто традиция участвует в поддержке оценок в области коммуникации. Одним из важных принципов, регулирующих в процессе коммуникации отношения между «я» и «другими», является **принцип вежливости**. Этот принцип всецело принадлежит речевому этикету и требует соблюдения следующих правил:

- (1) правила такта: Соблюдай интересы другого! Не нарушай границ его личной сферы!
- (2) правила одобрения: Не хули других!
- (3) правила великодушия: Не затрудняй других!
- (4) правила скромности: Отстраняй от себя похвалы!
- (5) правила согласия: Избегай возражений!
- (6) правила симпатии: Высказывай благожелательность!

Принцип вежливости опирается в первую очередь на традицию успешной коммуникации. Попытка дедуктивного обоснования данного принципа вряд ли может быть успешной, так же как и целевое обоснование.

Достаточно часто в аргументации, поддерживающей оценочные утверждения используется *аргумент к авторитету*. Этот аргумент необходим, хотя и недостаточен, в случае обоснования любых предписаний (команд, директив, законов государства и т.п.). Он важен при обсуждении ценности

советов, пожеланий, методологических и иных рекомендаций. Данный аргумент должен учитываться при оценке предостережений, просьб, обещаний, угроз и т.д. Несомненна роль авторитета и, соответственно, апелляции к нему едва ли не во всех практических делах. Но необходимо различать *эпистемический авторитет*, или авторитет знатока, специалиста в какой-то области, и *деонтический авторитет*, т.е. авторитет вышестоящего лица или органа. Аргумент к авторитету, выдвигаемый в поддержку описательного утверждения, - это обращение к эпистемическому авторитету, такой же аргумент, но поддерживающий оценочное утверждение, представляет собой обращение к деонтическому авторитету.

Деонтический авторитет подразделяется на *авторитет санкции* и *авторитет солидарности*. Первый поддерживается угрозой наказания, второй поддерживается стремлением достичь поставленную общую цель. Например, за законами государства стоит авторитет санкции; за приказами капитана судна в момент опасности стоит авторитет солидарности.

Аргумент к авторитету только в редких случаях считается достаточным для принятия оценки. Обычно он сопровождается другими явными или подразумеваемыми, доводами, чаще всего целевым обоснованием.

Часто в аргументации в поддержку оценок используется *аргумент к интуиции*. Интуиция играет существенную роль в морали, особенно в сложных моральных ситуациях, когда мотивы действий человека и их результаты неоднозначны. Но сведение всей морали к интуитивным обоснованиям, или, к тому, что стоит за интуицией вряд ли можно считать верным. Важную роль играет интуиция при выборе *номинальных определений и конвенций*. Последствия, к которым может привести принимаемое соглашение со временем, почти всегда остаются неясными, многие из них заранее невозможно предвидеть. Во многом на интуицию опираются советы, пожелания, рекомендации и т.п.

Вера упрощенно может быть определена как состояние организма, вызывающее такое поведение, какое вызвало бы определенное событие, если бы оно было дано в ощущении.

Аргумент к вере – это ссылка на это особое состояние организма, или «души», в поддержку выдвигаемого положения. Чаще всего этот аргумент не выражается явно, а только подразумевается. Он кажется убедительным для тех, кто принадлежит к той вере, испытывает то же состояние души, но не для придерживающихся иных верований.

Аргумент к здравому смыслу, вместе с аргументом к традиции, лежит в основе почти всех практических решений. На здравый смысл опираются по преимуществу принципы, которыми человек руководствуется в своей обычной жизни.

Здравый смысл действует не только в области оценок, но и в сфере описаний. Он говорит как о том, какими должны быть человек и общество, так и о том, какой является природа.

В отличие от здравого смысла **вкус** относится исключительно к сфере ценностей, а **аргумент к вкусу** – к выбору оценок. Аргумент к вкусу чаще, чем аргумент к здравому смыслу, является *прямым*, выраженным как отдельный довод в процессе аргументации. Более обычно *косвенное* использование аргумента к вкусу, когда другие аргументы излагаются так, чтобы своей совершенной формой убеждать в правильности сказанного. Косвенный аргумент к вкусу обычен у проповедников, моралистов, в эстетике, художественной критике и др.

7. Принцип морали.

Особый интерес для теории аргументации представляют *принципы*, или *нормы, морали*.

Мораль стоит в одном ряду с языком и религией. Мораль, сложившаяся исторически, существует тысячелетия. Тема моральной аргументации, никогда не уходила из поля зрения философии и теории аргументации, по-прежнему остается и сегодня в поле зрения теории аргументации. Моральные оценки

могут быть *абсолютными и сравнительными* («Ложь морально предосудительна» и «Морально простительнее лгать дальнему, чем ближнему»). «Чистые» моральные суждения, представляющие собой моральную оценку или норму, встречаются редко. Обычно моральные оценки (нормы) входят в рассуждение в форме оценок (норм) других видов, составляющих их своеобразный аспект. Граница между моральной и иной оценкой не является четкой; оценка (норма) едва ли не каждого вида может выражать также моральную оценку (норму). Это означает, что понятие «моральное рассуждение» представляет собой идеализацию. В теории морали, но не в обычной моральной жизни, первостепенное значение придается *дедуктивному обоснованию* моральных принципов. И в теории морали, и в обычной моральной практике широко распространено *целевое обоснование* моральных принципов и моральных решений. Такое обоснование включает ссылку на ту цель, которая достигается благодаря обосновываемому принципу или принятому решению.

К теоретическим способам обоснования моральных принципов относится *указание на хорошую согласованность не только между собой, но и с другими принципами человеческого общения*. К условию соответствия примыкает *аргумент к системности морали*. Мораль – не только сложная, но и стройная и последовательная система норм, образцов, идеалов и т.д. Указание на то, что конкретный принцип поведения входит в эту систему представляет собой важный аргумент в поддержку данного принципа.

Тема: Объяснение и понимание в аргументации.

1. Объяснение
2. Предсказание
3. Понимание
4. Понимание поведения
5. Понимание природы
6. Понимание языковых выражений.

1. Объяснение.

Объяснение и понимание – две универсальные операции мышления, взаимно дополняющие друг друга. Они присутствуют в каждой сфере человеческой деятельности и коммуникации.

Объяснение какого-то явления – это рассуждение, посылки которого содержат информацию, достаточную для выведения из нее описания рассматриваемого явления.

Наиболее развитая форма объяснения – объяснение на основе научного закона, функционирующего как описание. Такое объяснение называется *теоретическим*. Но не всякое объяснение опирается на научный закон, объяснение также может опираться на *случайное общее утверждение*.

Объяснение – это ответ на вопрос «Почему объясняемое явление происходит?»

Объяснение должно удовлетворять четырем правилам:

- (1) заключение, описывающее объясняемое явление должно логически вытекать из посылок;
- (2) в числе посылок должно содержаться хотя бы одно общее положение, необходимое для выведения заключения;
- (3) посылки должны иметь определенное эмпирическое содержание, они должны в принципе подтверждаться экспериментом или опытом;
- (4) посылки должны быть истинными.

Такие правила впервые были четко описаны К. Гемпелем и П. Оппенгеймом и получили название «схема Гемпеля - Оппенгейма», или «объяснение посредством «охватывающего закона». Эти правила допускают различные модификации и обобщения. В число посылок может входить несколько общих и единичных утверждений, а объясняющее рассуждение может представлять собой цепочку умозаключений. Объясняться может не только отдельное событие, но и общее утверждение, и даже теория.

Гемпель предложил вариант *индуктивно-вероятностного объяснения*. В нем используемое для объяснения общее положение носит вероятностно-статистический характер, а в заключении устанавливается лишь вероятность наступления объясняемого события. Объяснение связывает объясняемое

событие с другими событиями и указывает на закономерный характер этих связей. Если используемые в объяснении законы являются истинными и условия их действия реально существуют, то объясняемое событие **должно** произойти в действительности и является в этом смысле **необходимым**. Объяснение является дедукцией объясняемого явления из некоторого общего положения (в частности, закона природы) и утверждения о реализации данного положения в конкретных условиях наступления явления. Если общее положение представляет собой закон, объяснение обосновывает необходимость объясняемого явления. Если же используемое в объяснении общее положение оказывается случайным, то и заключение о наступлении объясняемого явления является случайным утверждением.

Объяснение может быть *глубоким и поверхностным*. Объяснение на основе закона столь же глубоко, как и теория, в рамках которой используется в объяснении общее положение оказывается законом. Объяснение, опирающееся на случайное обобщение, поверхностно, как и само это обобщение, но оно также является объяснением.

2. Предсказания.

С понятием сильного (номологического) объяснения непосредственно связано понятие *предсказания*.

Предсказание – это выведение описания нового явления из установленного общего положения и соответствующих начальных условий. Схема предсказания та же, что и схема объяснения: из общего утверждения (желательно закона природы или общества) выводится частное или единичное утверждение о предсказываемом явлении. Объяснение и предсказание отличаются лишь своей *временной* направленностью: объяснение направлено к прошлому, предсказание – к будущему. При объяснении объясняемое явление уже известно, для него подбирается то общее положение, на которое может опереться объяснение. При предсказании сначала устанавливается общее положение, из него выводится описание предсказываемого явления и ищется его подтверждение.

Объяснение и предсказание играют неопределимую роль в процессе обоснования научных теорий, концепций, общих положений. Успешные объяснения и предсказания – необходимое условие истинности независимо от проверяемой теории. Но они не являются *достаточным* условием ее истинности. Подобно косвенному подтверждению теории (подтверждению вытекающих из нее следствий) подтвердившиеся объяснения и предсказания повышают правдоподобие теории и способствуют ее подтверждению, но не делают ее истинной.

3. Понимание.

Понимание связано с усвоением нового содержания, включением его в систему устоявшихся идей и представлений. Проблема понимания долгое время рассматривалась в рамках *экзегетики* (толкование), занимающийся толкованием древних, особенно религиозных (библейских), текстов.

До сих пор наиболее распространенной является точка зрения, что пониматься может только текст, наделенный определенным смыслом: понять означает раскрыть смысл, вложенный в текст его автором. Но сегодня можно говорить о том, что это очень узкий подход к проблеме. Мы говорим не только о понимании написанного или сказанного, но и о понимании действий человека, его переживаний.

Понимание – универсальная операция. Как и объяснение, оно имеется во всех науках – и естественных, и гуманитарных. Другое дело, что понимание разных вещей – природных и духовных – имеет разную ценность для человека. Существует *сильное* и *слабое* понимание. Первое опирается на общую оценку и является дедуктивным рассуждением. Второе представляет собой индуктивное рассуждение, в основе которого лежит утверждение о средствах, необходимых для достижения определенной цели. Понимание представляет собой оценку на основе некоторого образца, стандарта, нормы, принципа и т.д. Соответственно, пониматься может все, для чего существует такой общий образец, начиная с индивидуальных психических состояний и кончая явлениями неживой природы. Как в обычных, так и научных рассуждениях «чистые» описания и

чистые оценки встречаются редко. Также редко встречаются и опирающиеся на них «чистые» объяснения и «чистые» оправдания. Одно и то же рассуждение чаще всего можно истолковать и как объяснение и как оправдание. Дедуктивный характер объяснения и оправдания не всегда явно выражен, поскольку наши обычные дедукции до предела сокращены.

4. Понимание поведения.

Понимание поведения является парадигмой понимания вообще, поскольку именно в человеческом поведении ценности, играющие центральную роль во всяком понимании, обнаруживают себя наиболее явно.

Понимание поведения, как и понимание любых других объектов, может быть *сильным* (рациональным) и *слабым* (целевым, мотивационным) пониманием.

Рациональное понимание явно выражено и понятно для окружающих. *Целевое понимание поведения предполагает раскрытие связи между мотивами (целями, ценностями), которыми руководствуется человек, и его поступками.*

Понять в этом смысле поведение индивида, значит, указать ту цель, которую он преследовал и надеялся реализовать, совершая конкретный поступок.

Например, мы видим бегущего человека и пытаемся понять, почему он бежит. Для этого надо уяснить цель, которую он преследует: допустим, он хочет успеть на поезд и поэтому бежит.

Логической формой элементарного акта целевого понимания поведения является *практический силлогизм* (вывод):

Агент М намеревается (желает, стремится) получить А

Для получения А нужно совершить действие В

Следовательно, М должен совершить действие В.

Первая посылка фиксирует цель, которую ставит перед собой действующий субъект. Вторая посылка описывает его представления о средствах, необходимых для достижения цели. В заключении предписывается то конкретное действие, которое субъект должен совершить.

Деление выводов на теоретические и практические восходит еще к Аристотелю, говорившему, что если заключение первых является утверждение, то заключение вторых – действие.

Объяснение включает описательные посылки и его заключение является описанием, посылка оправдания (понимания) всегда включает хотя бы одну оценку и его заключение является оценкой. В обычном языке граница между описательными и оценочными утверждениями достаточно относительна: одно и то же предложение способно в одних случаях выражать описание, в других – оценку.

5. Понимание природы

Если в гуманитарном знании процедуры истолкования и понимания обычны, то в естественных науках они встречаются намного реже. Идея «истолкования природы», стала популярной благодаря Ф.Бэкону, но в этом вопросе нет единства мнения. Многие ученые, и в частности В.Дильтей трактует понимание природы как это образное выражение.

Иного мнения о понимании природы придерживаются сами ученые, изучающие ее. О расхождении объяснения и понимания можно говорить не только относительно взаимодействия природы и человека, но и применительно к самой природе, рассматриваемой вне контекста целей и намерений человека.

Понимание природы является оценкой ее явлений с точки зрения того, что должно в ней происходить, т.е. с позиции устоявшихся, хорошо обоснованных, опирающихся на прошлый опыт представлений о «нормальном», или «естественном», ходе вещей.

Понять какое-то природное явление - значит подвести его под стандартное представление о том, что происходит в природе. Проблема понимания встает в естествознании, как правило, только в моменты его кризиса, когда разрушаются существующие *стандарты* оценки изучаемых природных явлений. Если какая-то область явлений описывается одной, в достаточной мере подтвержденной и хорошо вписывающейся в существующую систему знания теорией, то данная теория определяет не только то, что происходит в рассматриваемой области, но и то, что

в ней должно происходить в обычных условиях. Теория и описывает, и предписывает естественный ход событий. Как только в рассматриваемой области обнаруживаются аномальные с точки зрения теории явления, объяснения и понимания, даваемые теорией, расходятся. Когда возникает конкурирующая теория, относящаяся к той же области, расхождение объяснения и понимания становится более четко разграниченным, поскольку представления о естественном и единственно правильном ходе вещей расплываются. Возникает возможность объяснения без понимания и понимания без объяснения.

Понятие *естественного хода событий* является ключевым в проблеме понимания природы.

Поскольку научные законы могут истолковываться двояко — дескриптивно и прескриптивно (как описания и как оценки), определение объяснения как подведения рассматриваемого явления под научный закон является неточным. Объяснение — это не просто подведение под закон, а подведение под закон, *интерпретированный как описание*. Подведение какого-то явления под научный закон, истолкованный как оценка (предписание, стандарт), представляет собой оправдание данного явления, придание ему статуса того, что должно быть

Иногда слову «понимание» придается смысл неожиданного прозрения, внезапного схватывания и ясного видения какого-то, до тех пор бывшего довольно несвязным и туманным целого. Такого рода понимание является редкостью не только в естественных, но и в гуманитарных науках. Но сводить к «озарениям», или «прозрениям» всякое понимание — это все равно, что сводить работу художника над картиной к нескольким завершающим мазкам, придающим ей особое звучание и цельность. Отдельные акты понимания, логически связывая между собой утверждения и упорядочивая их в иерархическую структуру, придают единство и целостность теории или иной сложной системе идей. Роль понимания аналогична в этом плане роли объяснения. Итогом многих элементарных пониманий и объяснений является система идей как органическое единство, отдельные элементы которого придают смысл целому, а оно им. Без

предшествующих, элементарных дедукций в форме объяснений и пониманий заключительный этап понимания просто не возможен.

В естественных науках процедура истолкования и понимания часто подменяется принципами так называемой «нормальной науки», когда основные ценности теории, входящие в ее систему не подвергаются сомнению и пересмотру. Нормальная наука внушает впечатление, что описание обязательно совпадает с оценкой, «имеет место» — с «должно быть» и, соответственно, объяснение есть одновременно и оправдание. Но в период кризиса естественнонаучной теории и разрушения ее парадигмы, когда формируются конкурирующие системы ценностей, объяснение и понимание заметно расходятся. В такой ситуации споры о понимании ведутся особенно часто. В кризисный период «есть» и «должен», объяснение и понимание перестают совпадать и становится возможным объяснение без понимания и понимание без умения объяснить на основе точного закона.

До сих пор рассматривалось сильное (рациональное) понимание природы. В случае природных явлений возможно также *слабое* (целевое, телеологическое) *понимание*. Оно редко встречается в рассуждениях о неживой природе, но достаточно обычно в биологии и других науках о живой природе, где оно называется *телеологическим*.

Один пример телеологического понимания:

Чтобы выжить, зайцу следует зимой иметь другую окраску, чем летом.

Заяц стремится выжить.

Значит, зайцу нужно зимой иметь другую окраску, чем летом.

Первая посылка устанавливает связь между целью и одним из средств ее достижения. Рассматриваемая как описательное утверждение, данная посылка фиксирует простейшую каузальную зависимость: смена зайцем окраски способствует его выживанию. «Способствует» означает здесь «является частичной, или неполной, причиной». Вторая посылка устанавливает позитивную ценность цели. Собственно говоря, каузальное утверждение становится целевым как раз благодаря тому, что следствие причинно-следственного утверждения объявляется целью, то есть позитивной ценностью. В заключении говорится о том, что

«должен делать» заяц, «поставивший указанную цель». Многим представляется, что телеологическое понимание является всего лишь метафорическим способом выражения обычного каузального объяснения.

5. Понимание языковых выражений

Казалось бы, что может быть обыденнее и проще общения людей с помощью языка и достигаемого ими понимания друг друга?

Обычность, постоянная повторяемость речевого общения создает впечатление не только естественности, но и своеобразной простоты употребления языка для целей коммуникации. Кажется, что взаимопонимание собеседников является элементарным делом, если выполняются некоторые простейшие условия: разговор ведется на языке, известном обоим; словам придаются их обычные значения; пословицы и метафоры не истолковываются буквально и т.п. Понимание представляется нормой, а случаи непонимания — отклонениями от нее, недоразумениями.

Но понимание как схватывание смысла сказанного далеко не так просто как это кажется. Известно, что существует особая проблема понимания языковых выражений.

Одинаковое понимание, являющееся центральной проблемой интеллектуальной коммуникации, предполагает, что собеседники, **во-первых**, говорят об одном и том же предмете, **во-вторых**, беседуют на одном языке и в **третьих**, придают своим словам одни и те же значения. Эти условия являются необходимыми, и нарушение любого из них ведет к непониманию собеседниками друг друга.

Сами эти условия — при всей их внешней простоте и очевидности — являются абстрактной характеристикой понимания. Первая же попытка приложить их к реальной коммуникации и выявить тем самым их полезность и глубину наглядно показывает это. Эти условия не являются независимыми друг от друга, и ни одно из них не может быть понято в изоляции от остальных. Одинаковое понимание требует, чтобы высказывания касались одного и того же предмета и включались собеседниками в один и тот же речевой или более широкий

контекст. Для строгого определения понимания языковых выражений необходимо уточнить два фундаментальных понятия семантики — понятие *значения* и понятие *представления*. Значение относится, прежде всего, к изолированным словам, представление — к контексту или ситуации, в которой употребляются слова.

Значение слова характеризует слово вне контекста его употребления и обладает следующими четырьмя особенностями. **Во-первых**, это значение растянуто: одно и то же слово может отсылать к разным конкретным ситуациям. **Во-вторых**, это значение является содержательно неопределенным: оно включает многие признаки, из которых в каждой ситуации его употребления оказываются значимыми лишь некоторые. **В-третьих**, значение социально: слово имеет одинаковое значение для всех, кто пользуется данным языком. **В-четвертых**, значение слова абстрактно: оно формируется на основе отбора некоторых признаков предмета, обозначаемого словом, и абстрагирования от всех иных его признаков.

Мостиком между значением и представлением является *предложение*. Оно вместе с контекстом его употребления сводит растянутое, неопределенное, социальное и абстрактное значение до ограниченного, точного, индивидуального и конкретного представления. Если мы слышим изолированное слово, наш ум может блуждать по всему пространству значения. Если же слово услышано в тексте, этого не происходит. Контекст фиксирует именно значение. Языковое выражение становится понятным слушателю, как только ему удастся связать значения слов, входящих в это выражение, со своими представлениями о тех предметах, к которым отсылают слова.

Понимание языкового выражения — это подведение значений входящих в него слов под соответствующие представления.

В процессе понимания индивидуальное, конкретное представление выступает как *образец*, с которым нужно согласовать значение. Представление о каком-то объекте говорит о том, каким *должен быть* объект данного рода с точки зрения обладающего этим представлением индивида. Представление является

ценностью, которой должно соответствовать значение. В представлениях фиксируются образцы вещей, их стандарты, определяющие, какими значениями должны наделяться связываемые с этими представлениями слова. Понимается всегда не отдельное слово, а *текст*, в котором слова взаимно ограничивают друг друга и редуцируют свои значения до представлений.

Понимание — это подведение значений слов под представления о тех вещах, к которым отсылают слова. Понимание является оценкой значений с точки зрения представлений. Оценки показывают, каким должен быть мир, если он правильно отражается в языке, и являются в этом смысле стандартами существующих (как в реальности, так и в воображении) вещей. Исходя из общего понимания ценностей и соотношения понимания и объяснения, можно сказать, что в языковом общении есть не только понимание языковых выражений, но и их *объяснение*.

Объяснить языковое выражение, значит подвести представления об объектах, к которым отсылают входящие в выражение слова, под значение выражения.

Например, чтобы объяснить значение слова «горящий», надо указать те возможные представления, которые подпадают под его значение: «горящий дом», «горящий огонь», «горящий закат» и т.п.

До сих пор речь шла о сильном (дедуктивном) понимании языковых выражений. Существует также, хотя и является более редким, *целевое* (индуктивное) их *понимание*. При таком понимании указывается та цель, которую хотел достичь индивид, употребляя конкретное языковое выражение. Например:

Чтобы затемнить смысл сказанного, надо использовать слова в их не совсем обычном значении.

N хочет затемнить смысл сказанного.

Значит, Он должен использовать слова в их не совсем обычном значении.

Первая посылка является целевым утверждением. В описательной интерпретации она устанавливает каузальную связь: «Употребление слов в их не со-

всем обычном значении является причиной не вполне прозрачного смысла сказанного». Вторая посылка фиксирует конкретную цель индивида, идущую вразрез со стандартными целями языковой коммуникации. В заключении говорится о том, что должен сделать индивид для достижения поставленной им цели.

Тема: Проблемные ситуации и аргументация.

1. Многообразный мир проблем.
2. Явные проблемы
3. Неявные проблемы

1. Многообразный мир проблем

Понятие *проблемы* является одним из центральных в теории аргументации. Тезис аргументации — это всегда один из потенциальных ответов на явную или неявную проблему, одно из возможных ее решений. Полное значение тезиса может быть понято, только если он не отрывается от целостной проблемной ситуации, в качестве ответа на которую он сформировался.

Конкретный характер аргументации также существенно зависит от проблемной ситуации, в рамках которой она разворачивается. Анализ зависимости аргументации от типа обсуждаемой проблемы — важный аспект логико-эпистемологического исследования аргументации.

Обычно под проблемой понимается явно сформулированный вопрос или целый комплекс вопросов, возникших в ходе познания. Сам процесс познания истолковывается при этом как последовательный переход от ответов на одни вопросы к ответам на другие вопросы, вставшие после решения первых. Общим стало положение, что всякое исследование обязательно начинается с постановки проблемы. Последовательность «проблема → исследование → решение» считается применимой всегда и везде. Ясная и отчетливая формулировка проблемы рассматривается как обязательное условие успеха предпринимаемого исследования.

Но необходимо отметить, что все это применительно не ко всем, а только ко вполне определенным и довольно узким классам проблем.

Конкретный анализ проблемных ситуаций показывает, что далеко не каждая проблема сразу же приобретает вид явного вопроса. Не всякое исследование начинается с выдвижения проблемы и кончается ее решением. Нередко бывает так, что проблема формулируется одновременно с решением. Иногда случается даже, что она осознается только через некоторое время после решения. Зачастую поиск проблемы сам вырастает в отдельную проблему, решение которой требует особого таланта. Ф Ницше сравнивал проблему с драгоценным камнем мимо которого проходят тысячи людей, но лишь один его поднимет. В широком смысле *проблемной* является всякая ситуация, практическая или теоретическая, которая не имеет соответствующего обстоятельствам решения и поэтому заставляет остановиться и задуматься. *Проблема* в самом общем смысле — *это некоторое затруднение, колебание, неопределенность*. Требуется действия по устранению этой неопределенности, но далеко не всегда ясно, что именно следует предпринять. Слово, от которого произошло слово «проблема», переводится с древнегреческого языка неоднозначно: его можно трактовать как «преграда», «трудность», «задача», а не просто «вопрос».

Можно отметить два фактора, влияющих на способ постановки проблем. Это, **во-первых**, общий характер мышления той эпохи, в которую формируется и формулируется проблема, и, **во-вторых**, имеющийся уровень знания о тех объектах, которых касается возникшая проблема.

Разные цели требуют разных классификаций проблем. Особый интерес представляет деление проблемных ситуаций по следующим трем признакам: 1) сформулирована ли проблема с самого начала; 2) имеется ли метод ее решения; 3) насколько отчетливы представления о том, что именно считать решением проблемы.

По этим трем основаниям все проблемные ситуации подразделяются на восемь разных типов, указанных в таблице («+» означает «известно», «—» — «неизвестно»):

Типы проблемных ситуаций	Формулировка проблемы	Метод решения проблемы	Решение проблемы
1	+	+	+
2	+	+	-
3	+	-	+
4	+	-	-
5	-	+	+
6	-	+	-
7	-	-	+
8	-	-	-

Первые четыре типа — это *явные проблемные ситуации*, когда формулировка проблемы задана с самого начала. Различия между ними сводятся к тому, известно ли, каким методом должна решаться проблема, и определено ли, что следует считать ее решением.

Последующие четыре типа — это *неявные проблемные ситуации*, когда проблему еще предстоит обнаружить и сформулировать.

2. Явные проблемы

Явные проблемы можно назвать *показательными задачами*. Они представляют вырожденный случай проблем. Указан вопрос, ответ на который нужно получить, известен метод решения и известно, что считать решением. Такого рода задачи с максимальной информацией по всем трем параметрам и с минимумом неопределенности часто применяются в обучении. Прежде чем перейти к решению задач какого-то нового, не встречавшегося раньше типа, обычно приводят развернутые решения одной - двух характерных задач. Проследив последовательно процедуру их решения, обучающийся вырабатывает определенные навыки для решения других задач такого рода.

Другой тип явных проблем характеризуется тем, что задан вопрос; ясен метод решения; не известен только результат решения. Это тоже не исследовательские проблемы: слишком многое определено уже с самого начала и для поиска решения остается довольно ограниченное пространство. Но подобные задачи тренируют ум, вырабатывают сообразительность, умение рассуждать последовательно и ясно и т.д.

Приведем пример такой задачи:

О человеке известно, что он живет на шестнадцатом этаже и всегда спускается вниз на лифте; вверх он поднимается только до десятого этажа и дальше идет пешком. Почему он так поступает?

Проблема здесь определена: есть вопрос и указана информация, необходимая для нахождения ответа. Метод решения также не нуждается в особом уточнении: надо рассмотреть обычные мотивы поведения людей в стандартных ситуациях и попытаться найти какую-то особенность, объясняющую, почему данный человек ведет себя несколько необычно. Но в вопросе, что считать решением данной задачи имеется известная неопределенность. Самым простым кажется такой ответ: этот человек небольшого роста; он легко нажимает кнопку первого этажа, но, желая подняться вверх, дотягивается только до кнопки десятого этажа. Можно ответить и иначе: ради тренировки этот человек последние шесть этажей предпочитает подниматься пешком; он вообще предпочел бы не пользоваться лифтом, возвращаясь домой, но это ему уже не по силам. Это решение кажется менее убедительным, но и оно вполне согласуется с условиями задачи. С ними согласуются и многие другие ответы: человек по пути заходит к своим знакомым, живущим на десятом этаже; он просто чужак и ему нравится без всяких особых причин поступать именно так и т.д.

Следующие два типа явных проблем несколько отличаются от предыдущих. Это проблемы, которые часто называют *риторическими*: они подобны риторическим вопросам, ответ на которые сам собою разумеется. Иногда эти проблемы называют *проблемами-головоломками*, поскольку у них есть черты, общие с головоломками. Сформулирован явный вопрос и известно, что будет считаться его приемлемым решением. Все сводится к отысканию метода, с помощью которого из начальных условий может быть получен уже известный в общих чертах ответ.

Лучшие примеры таких проблем — различные кроссворды, ребусы, задачи на составление фигур из имеющихся элементов и т.д. Характерные черты проблем-головоломок очевидны. Они сформулированы кем-то, а не самим исследователем и являются в принципе разрешимыми, причем круг

поиска их решения ограничен, а основные линии поиска ясны еще до исследования.

Намного сложнее и глубже, чем риторические, проблемы, которые называют *классическими*. Это творческие проблемы, требующие не только определения общих контуров решения, но и открытия того метода, с помощью которого это решение может быть достигнуто.

Когда И.П.Павлов в конце прошлого века занялся изучением рефлексов, давно существовали и понятие рефлекса, и теории, объяснявшие с его помощью поведение животных. Согласно этим теориям, животные — это почти машины, однозначно, по заложенной в них программе реагирующие на воздействия внешней среды. Павлову предстояло не только ответить точным, т.е. экспериментальным, образом на вопрос, что представляет собой рефлекс, но и открыть сами экспериментальные методы, применимые для изучения рефлексов. Построенная Павловым и его учениками теория безусловных и условных рефлексов и была развернутым решением проблемы природы рефлексов живых существ.

3. Неявные проблемы

Проблемные ситуации последних четырех типов — это *неявные проблемы*, когда есть какое-то затруднение, недоумение, но нет открытого и прямо поставленного вопроса. Между явными и неявными проблемами нет резкой границы. Особенно близки к неявным проблемам классические проблемы, содержащие минимум информации о своем решении и методе исследования.

Иногда встречаются такие неявные проблемные ситуации, когда имеется только метод и ничего больше. Нет проблемы, к решению которой его можно было бы приложить, и нет того, что следовало бы считать решением этой еще не сформулированной проблемы. Такие случаи довольно часты в абстрактной математике.

Имеются также неявные проблемные ситуации, когда есть только решение, но неизвестен вопрос, ответом на который оно являлось бы или могло бы быть, и неизвестен или не ясен конкретный метод, с помощью

которого это решение получено. Примерами таких ситуаций могут служить исследования, ставящие перед собой один вопрос, но на самом деле оказывающиеся в конечном счете ответом на совсем другой, так и не заданный прямо вопрос. Метод в этих случаях ясно определить невозможно. К типу проблемных ситуаций, когда есть решение, но неизвестно, ответом на какой именно вопрос оно является, близки так называемые *апории* (в буквальном переводе с древнегреческого это слово означает «затруднение», «недоумение»). Наиболее известны апории, сформулированные древнегреческим философом Зеноном Элейским. В них рассказывается о быстроногом Ахилле, который не способен догнать медлительную черепаху, о брошенной стреле, которая не только не долетит до цели, но даже не сдвинется с места, и т.п. Эти и подобные им апории теперь признаны парадоксами, связанными с возможностью описать движение без противоречия.

Апории очень близки к антиномиям, но все-таки отличаются от них в одном важном моменте. *Антиномия* представляет собой два несовместимых утверждения, одно из которых отрицает другое. *Апория* - выдвигает и обосновывает положение, явно противоречащее нашему опыту. В случаях, когда принятая и хорошо апробированная теория вдруг резко расходится с достаточно твердо установленными фактами, можно говорить о возникновении проблемы. И эта проблема будет относиться также к апориям.

Можно выделить и еще один тип неявных проблем: нет самой проблемы как четко сформулированного вопроса, требующего исследования, есть только какое-то затруднение, какая-то неловкость; нет намека на метод, как можно было бы справиться с данным затруднением; и нет решения проблемы. Бытует мнение, что ситуация, когда есть только очень неясное затруднение и ничего более, не относится к проблемным. Но реальная практика исследования говорит о том, что многие крупные научные проблемы в первый период своего становления ощущались и осмыслялись именно как невнятные, неизвестно о чем говорящие затруднения.

Еще одним примером неявных проблемных ситуаций являются софизмы.

Софизм – рассуждение, кажущееся правильным, но содержащее скрытую логическую ошибку и служащее для придания видимости истинности ложному утверждению. Софизм является особым приемом интеллектуального мошенничества, попыткой выдать ложь за истину. Софизмы, как правило, обосновывают какую-нибудь заведомую нелепость, абсурд или парадоксальное утверждение, противоречащее общепринятым представлениям. Примером может служить ставший знаменитым еще в древности софизм «Рогатый»: «Что ты не терял, то ты имеешь; рога ты не терял; значит, у тебя рога». Можно привести и другие примеры софизмов:

«Сидящий встал; кто встал, тот стоит; следовательно, сидящий стоит»;

«Знаете ли вы, о чем я сейчас хочу вас спросить?— Нет.— Неужели вы не знаете, что лгать нехорошо? — Конечно, знаю.— Но именно об этом я и собирался вас спросить, а вы ответили, что не знаете; выходит, что вы знаете то, чего вы не знаете».

Все эти и подобные им софизмы являются логически неправильными рассуждениями, выдаваемыми за правильные. В софизмах чаще всего используют многозначность слов обычного языка, омонимию, не замечая многозначности. Нередко софизмы основываются на таких логических ошибках, как подмена тезиса доказательства, несоблюдение правил логического вывода, принятие ложных посылок за истинные и т. п. Говоря о мнимой убедительности софизмов, древнеримский философ Сенека сравнивал их с искусством фокусников: мы не можем сказать как совершаются их манипуляции, хотя твердо знаем, что все делается совсем не так, как это нам кажется. Английский философ Ф. Бэкон сравнивал того, кто прибегает к софизмам, с лисой, которая хорошо петляет, а того, кто раскрывает софизмы,— с гончей, умеющей распутывать следы.

Нетрудно заметить, что в софизме «Рогатый» обыгрывается двусмысленность выражения «то, что не терял». Иногда оно означает «то, что имел и не потерял», а иногда просто «то, что не потерял независимо от того, имел или нет». В посылке «Что ты не терял, то имеешь» оборот «то, что не терял»

должен означать «то, что ты имел и не потерял», иначе эта посылка окажется ложной. Но во второй посылке это значение уже не проходит: высказывание «Рога — это то, что ты имел и не потерял» является ложным.

В софизме, доказывающем, что сидящий человек будто бы стоит, подмена одного выражения другим проходит почти незаметно из-за сокращенной формы рассуждения. О том, кто встал, действительно можно сказать, что он стоит. Но о сидящем человеке неверно утверждать, что он тот, кто уже встал.

Софизмы нередко использовались и используются с намерением ввести в заблуждение. Но они имеют и другую функцию, являясь своеобразной формой осознания и словесного выражения проблемной ситуации. Первым на эту особенность софизмов обратил внимание Гегель. Ряд софизмов древних обыгрывает тему скачкообразного характера всякого изменения и развития. Некоторые софизмы поднимают проблему текучести, изменчивости окружающего мира и указывают на трудности, связанные с отождествлением объектов в потоке непрерывного изменения. Часто софизмы ставят в неявной форме проблему доказательства: что оно представляет собой, если можно придать видимость убедительности утверждениям, явно несовместимым с фактами и здравым смыслом? Сформулированные в тот период, когда логика как наука еще не существовала, древние софизмы, хотя и непрямо, ставили вопрос о необходимости ее построения. В этом плане они непосредственно содействовали возникновению науки о доказательном мышлении. Употребление софизмов с целью обмана является некорректным приемом аргументации и вполне обоснованно подвергается критике.

Постановка и анализ проблем — центральные пункты аргументации. Неправильно понятая проблема способна сделать бесполезной всю последующую аргументацию, имеющую целью прояснение и решение проблемы. Неявные проблемы легко просмотреть или отнестись не достаточно серьезно. Незамеченная проблема в любой момент может разрушить любое предположение. Множество проблем разнородно. Неправильное определение типа рассматриваемой проблемы

неизбежно ведет к тому, что аргументация, призванная поддержать предлагаемое ее решение, оказывается чрезмерно упрощающей ситуацию.

Тема: Некорректная аргументация

1. Некорректные доказательства
2. «Есть» и «должен»
3. Стандартные некорректные аргументы

1. Некорректные доказательства

Аргументация является разновидностью человеческой деятельности. Как и всякая деятельность, аргументация руководствуется определенными образцами и правилами. Эти образцы и правила очень разнородны, начиная с требований логики и кончая моральными предписаниями, требованиями обычая и ритуала.

Аргументацию можно оценить как корректную, если в ходе ее не нарушаются сложившиеся в конкретной области требования к ней.

Аргументация будет некорректной, если не соблюдаются требования, относящиеся к процедурам обоснования, к процессам коммуникации, к моральным качествам аргументирующего и т.п.

Системы норм, распространяющие свое действие на аргументацию как определенную сферу деятельности и частный случай коммуникации, многочисленны и разнородны. Поэтому граница между корректной и некорректной аргументацией очень условна и меняется от одной области аргументации к другой. Никакая последовательная и исчерпывающая классификация некорректных приемов аргументации невозможна. Прием аргументации, корректный в пропаганде, может оказаться некорректным в научной аргументации. Стандартные приемы аргументации одной эпохи обычно становятся предметом критики и насмешек в последующие эпохи. Тем не менее, можно выделить некоторые корректные приемы аргументации и противопоставить им множество некорректных, нарушающих ее стандарты приемов.

Наиболее часто встречающимся примером некорректной аргументации является пример *некорректного доказательства*, т.е. доказательства, в котором допускается та или иная логическая ошибка. Проводя доказательства, мы

опираемся на логическую интуицию, на стихийно усвоенное знание законов логики. Как правило, оно нас не подводит. Но в отдельных и, особенно, в сложных случаях оно может оказаться ненадежным. Понять доказательство можно в том случае, если помимо прочего, есть определенное представление о рассуждениях, имеющих форму доказательства, но на самом деле таковым не являющихся. Эти «несостоявшиеся доказательства» — результат ошибок (непреднамеренных или сознательных, допущенных в ходе доказательства). Знание наиболее типичных ошибок способствует совершенствованию практических навыков доказательства и позволяет лучше понять, что представляет собой «безошибочное доказательство».

Доказательство — это логическая, дедуктивная связь принятых аргументов и выводимого из них тезиса. Логические ошибки в доказательстве можно разделить на три группы: 1) ошибки, относящиеся к тезису; 2) ошибки, относящиеся к аргументам; 3) ошибки, относящиеся к демонстрации (логической связи между аргументами и тезисом).

Наиболее часто встречается *формальная ошибка*, т.е. умозаключение не опирается на логический закон и заключение не вытекает из принятых посылок.

Довольно часто встречаются рассуждения, которые внешне имеют форму доказательств. В них есть слова: «таким образом», «следовательно», «значит» и подобные им, призванные указывать на логическую связь аргументов и доказываемого положения. Но эти рассуждения доказательствами на самом деле не являются, поскольку логические связи подменяются в них психологическими ассоциациями.

Характерная ошибка в отношении тезиса — *подмена тезиса*, неосознанное или умышленное замещение его в ходе доказательства каким-то другим утверждением. Подмена тезиса ведет к тому, что доказывается не то, что требовалось доказать.

Тезис может *сужаться*, и в этом случае он остается недоказанным. Например, для доказательства того, что человек должен быть честным, мало доказать, что разумному человеку не следует лгать.

Тезис может также *расширяться*. В этом случае нужны дополнительные основания. И может оказаться, что из них вытекает не только исходный тезис, но и какое-то иное, уже неприемлемое утверждение. «Кто доказывает слишком много, гот ничего не доказывает» — эта старая латинская пословица как раз и имеет в виду такую опасность.

Иногда случается *полная подмена тезиса*. Обычно эта ошибка маскируется какими-то обстоятельствами, связанными с конкретной ситуацией, и благодаря этому ускользает от внимания.

Наиболее частая ошибка в отношении аргументов — это попытка обосновать тезис с помощью *ложных аргументов*.

Тигры, как известно, не летают. Но рассуждение «Только птицы летают; тигры не птицы; следовательно, тигры не летают» не является, конечно, доказательством этого факта. В рассуждении используется неверная посылка, что способны летать одни птицы: летают и многие насекомые, и млекопитающие (например, летучие мыши), и самолеты и др. С помощью же посылки «Только птицы летают» можно вывести не только истинное, но и ложное заключение, скажем.

Довольно распространенной ошибкой является *круг в доказательстве*: справедливость доказываемого положения обосновывается посредством этого же положения, высказанного, возможно, в несколько иной форме. Если за основание доказательства принимается то, что еще нужно доказать, обосновываемая мысль выводится из самой себя, и получается не доказательство, а пустое хождение по кругу. Почему мы видим через стекло? Обычный ответ: оно прозрачно. Но назвать вещество прозрачным — значит сказать, что сквозь него можно видеть. Задача доказательства — исчерпывающе утвердить обоснованность доказываемого тезиса. Раз в доказательстве речь идет о полном подтверждении, связь между аргументами и тезисом должна носить дедуктивный характер. По своей форме доказательство — дедуктивное умозаключение или цепочка таких умозаключений, ведущих от истинных посылок к доказываемому положению.

Старая латинская пословица говорит: «Доказательства ценятся по качеству, а не по количеству». Известно, что дедукция из истины дает только истину. Если найдены верные аргументы и из них методом дедукции выведено доказываемое положение, то доказательство состоялось и ничего более не требуется.

Часто в понятие доказательства вкладывается более широкий смысл. Тогда под доказательством понимается любая процедура обоснования истинности тезиса, включающая как дедуктивное, так и индуктивное рассуждение, ссылки на связь доказываемого положения с фактами, наблюдениями и т.д. Чаще всего такое истолкование доказательства применяется в гуманитарных науках, но встречается и в экспериментальных, опирающихся на наблюдения рассуждениях. Как правило, доказательство широко понимается в обычной жизни. Для подтверждения выдвинутой идеи активно привлекаются факты, типичные в определенном отношении явления и т.п. Дедукции в этом случае нет, речь может идти только об индукции, но, тем не менее, предлагаемое обоснование нередко называют доказательством.

Широкое употребление понятия «доказательство» само по себе не ведет к недоразумениям, но только при одном условии: нужно постоянно иметь в виду, что индуктивное обобщение, переход от частных фактов к общим заключениям, дает не достоверное, а лишь вероятное знание.

2. «Есть» и «должен»

Как уже отмечалось, из описаний не выводимы оценки и из оценок не выводимы описания. Описательные утверждения обычно формулируются со связкой «есть», в оценочных утверждениях нередко употребляется «должен». Идею о невозможности выводимости оценок из описаний и описаний из оценок выражают в форме положения, что от «есть» нельзя с помощью только логики перейти к «должен», а от «должен» перейти к «есть».

Д. Юм первым подчеркнул невозможность логического перехода от «есть» к «должен» и подверг критике всю предшествующую этику в том, что она не считалась с этим важным обстоятельством. В своем знаменитом «Трактате» Юм отмечал, что нередко в рассуждениях происходит подмена

обычной связки *есть* или *не есть* связкой *должно* и *не должно*. Положение о невозможности логического перехода от фактических утверждений к утверждениям долженствования получило название «принципа Юма».

Положению о невозможности логического перехода от фактических утверждений к утверждениям долженствования уделяли внимание и другие ученые и философы. Например, К. Поппер в своей работе «Открытое общество и его враги» подчеркивал, мысль о том, что наши решения никогда не выводятся из фактов (или из утверждений о фактах), хотя они и имеют некоторое отношение к фактам. Принцип Юма имеет важное значение и для теории аргументации: *если этот принцип верен, несостоятельным должно быть признано всякое доказательство, в котором оценочный тезис поддерживается фактическими (описательными) аргументами.*

Несмотря на то, что принцип Юма справедлив, принцип обособленности этики ошибочен. Ни логика норм, ни логика оценок не санкционируют выводов, ведущих от чисто фактических (описательных) посылок к оценочным или нормативным заключениям. Научные законы не вытекают логически из фактов. Иногда предпринимается попытка выдвижения концепций, обосновывающих нормы нравственности ссылкой на их соответствие определенным реалиям внешнего мира: законам природы, направлению естественной эволюции, объективному ходу истории и т.п. Все эти концепции являются некорректными, поскольку предполагают нарушение принципа Юма. Если, допустим, в истории господствует необходимость и переход от одного этапа в развитии общества к другому совершается закономерно, из этого вовсе не вытекает, что каждый человек морально обязан содействовать исторической необходимости и даже пытаться ускорить эту закономерность. Из социологических законов не вытекают моральные нормы точно так же, как из закона природы, что все люди смертны, не следует моральный долг способствовать этому исходу.

Немного проще обстоит дело с принципом, согласно которому *из оценочных утверждений логически невыводимы описательные утверждения.* Ни

логика оценок, ни логика норм не считают переход от «должен» к «есть» обоснованным. Если ценность понимается как противоположность истины, то лишаются смысла не только поиски логического перехода от «есть» к «должен», но и поиски перехода от «должен» к «есть».

Кант утверждал, что, если человек обязан что-то сделать, он способен это выполнить. Если «принцип Канта» истолковывается как допущение возможности логического перехода от суждения долженствования (т.е. оценки) к описанию (а именно, к описанию способностей человека), он является неверным. Данный принцип представляет собой, скорее, совет, адресованный авторитету: не следует устанавливать норм, выполнение которых выходит за пределы (обычных) человеческих способностей. Этот совет, как и всякий другой, является оценкой.

Таким образом, *аргументация, в ходе которой из описаний логически выводятся оценки или из оценок — описания, является заведомо некорректной.*

3. Стандартные некорректные аргументы

Можно выделить наиболее часто встречающиеся некорректные приемы аргументации, рассмотрим некоторые из них:

Аргумент к аудитории — попытка опереться на мнения, чувства и настроения аудитории вместо обоснования тезиса объективными доводами. Воспользовавшийся этим аргументом человек обращается не к своему партнеру в споре или иной аргументации, а к другим участникам или даже случайным слушателям и стремится привлечь их на свою сторону, обращаясь по преимуществу к их чувствам, а не к разуму.

Аргумент к личности — приписывание оппоненту недостатков, реальных или мнимых, представляющих его в смешном свете, бросающих тень на его умственные способности, подрывающих доверие к его рассуждениям.

Такого рода «критика» ведет к тому, что сущность спора уходит на задний план, предметом обсуждения становится личность оппонента. Даже если упреки в адрес оппонента справедливы, этот прием некорректен.

Аргумент к массам — попытка взволновать широкий круг людей, используя их групповой эгоизм, национальные или расовые предрассудки, давая обещания, которые на самом деле невозможно выполнить. Этот аргумент нередко применяется в политических диспутах.

Аргумент к человеку — использование в поддержку своей позиции оснований, выдвигаемых противной стороной в споре или вытекающих из принимаемых ею положений.

Например, школьники просят учителя ботаники вместо урока отправиться в лес. При этом они ссылаются на то, что, как он сам не раз говорил, что непосредственное общение с природой это лучший способ узнать ее тайны.

Такой довод будет считаться некорректным только в том случае, когда человек, прибегающий к нему, сам не разделяет данного убеждения и только делает вид, что он присоединяется к общей платформе.

Аргумент к тщеславию —неумеренная похвала противнику в споре в надежде, что, тронутый комплиментами, он станет мягче и покладистой.

Этот довод можно считать частным случаем аргумента к личности. Как только в дискуссии начинают встречаться обороты типа «не подлежит сомнению глубокая эрудиция оппонента», «как человек выдающихся достоинств, оппонент...» и т.п., можно говорить об аргументе к тщеславию.

Аргумент к авторитету, — обращение в поддержку своих взглядов к идеям и именам тех людей, с кем оппонент не посмеет спорить, даже если они, по его мнению, неправы.

Аргумент к силе («к палке») — угроза неприятными последствиями, и в частности угроза применения насилия или прямое употребление каких-то средств принуждения.

Аргумент к невежеству — ссылка на неосведомленность, а то и невежество оппонента в вопросах, относящихся к существу спора; упоминание таких фактов или положений, которых никто из спорящих не знает и не в состоянии проверить.

Аргумент к жалости — возбуждение в другой стороне жалости и сочувствия.

Например, студент, не сдавший экзамена, просит профессора поставить ему хотя бы удовлетворительно, иначе его лишат стипендии.

Все эти аргументы являются, конечно, некорректными способами защиты своей позиции.

Недопустимы в аргументации и такие уловки, как умышленный уход от темы, длинные разглагольствования о вещах, не имеющих никакого отношения к обсуждаемым вопросам, попытки запутать основную мысль углубляясь в детали и подробности, чтобы затем незаметно направить внимание аудитории на то, что кажется выигрышным.

Тема: Искусство спора.

1. Спор как частный случай аргументации
2. Корректные приемы спора
3. Некорректные приемы спора
4. Споры об истине и споры о ценностях
5. Четыре разновидности споров
6. Общие требования к спору

1. Спор как частный случай аргументации

Спор - столкновение мнений или позиций, в ходе которого стороны приводят аргументы в поддержку своих убеждений и критикуют несовместимые с этими убеждениями представления другой стороны.

Спор является частным случаем аргументации, ее наиболее острой и напряженной формой. Всякая аргументация имеет предмет, или тему, но спор характеризуется не просто определенным предметом, а наличием несовместимых представлений об одном и том же объекте, явлении и т.д. Спор предполагает противоположные мнения и активное отстаивание каждой из его сторон своей собственной позиции, несовместимой с позицией другой стороны. Если противоположности или столкновения мнений нет, то нет и самого спора, а есть какая-то иная форма аргументации.

Когда в ходе аргументации активная сторона, (пропонент) выдвигает какой-то тезис, отношение другой стороны, (оппонента) к данному тезису может включать три позиции:

- 1) Оппонент заранее склонен поддержать данный тезис и, возможно, принять его. Задача пропонента в этом случае не в том, чтобы переубедить оппонента, опровергнув его доводы, а в том, чтобы заставить его еще более настойчиво и активно поддерживать тезис;
- 2) Оппонент нейтрален в отношении предлагаемого тезиса и не имеет доводов ни за, ни против него. Задача пропонента состоит в том, чтобы склонить оппонента на свою сторону, рассеяв в случае необходимости те возражения, которые могут возникнуть у оппонента;
- 3) Оппонент отвергает выдвинутый тезис, т.е. поддерживает антитезис. Это может делаться как с приведением определенных аргументов в поддержку своей позиции, так и без всяких доводов.

Соответственно пропонент может выдвигать свой тезис, поддерживая его аргументами или же не делая этого.

Ситуация аргументации может быть разнородной: от выкрикивания призывов или произнесения проповедей перед сторонниками выдвигаемых положений до попытки перехватить инициативу и вести полноценный спор. Аргументация может быть направлена на усиление (активизацию) убеждения, если оно уже имеется у оппонента и совпадает в своей основе с позицией пропонента. Если у оппонента еще нет ясной и отчетливой позиции в отношении выдвигаемого тезиса, аргументация пропонента имеет своей целью вызвать у оппонента убеждение в приемлемости и справедливости того, что говорится пропонентом. Если этой цели пытаются достичь без приведения каких-либо убедительных аргументов, можно говорить о прямом давлении на нейтрального или колеблющегося оппонента. Если выдвигаемому тезису

противопоставляется антитезис, то целью аргументации пропонента является переубеждение оппонента.

Спор как одна из возможных ситуаций аргументации имеет характерные признаки:

- 1) На тезис пропонента оппонент отвечает противоположным утверждением, антитезисом («столкновение мнений»);
- 2) Пропонент, и оппонент выдвигают какие-то доводы в поддержку своих позиций;
- 3) Каждый из спорящих подвергает критике позицию противной стороны.

Если какой-то из этих признаков отсутствует, то спора нет. Иногда все возможные ситуации аргументации пытаются свести к спору или представить спор как аргументацию вообще. Это неправомерно. Спор — это ситуация, когда аргументированно опровергается противоположное мнение.

2. Корректные приемы спора

Как и в других случаях аргументации, доводы, используемые в споре, могут быть *корректными* или *некорректными*. Корректные допускают содержание элементов хитрости, но в них нет прямого обмана или вероломства или принуждения силой. Некорректные приемы спора ничем не ограничены и допускают использование в качестве аргументов от умышленно неясного изложения и намеренного запутывания до угрозы наказанием или применения грубой физической силы.

Необходимо иметь представление о тех и других приемах спора. О корректных — чтобы знать, как можно, пользуясь допустимыми средствами, отстаивать свою точку зрения, о некорректных — чтобы предвидеть, что можно ожидать от противника и уметь указать на некорректные приемы, если они используются в ходе спора.

Спор — это борьба, а во всякой борьбе очень ценной является инициатива. В споре важно, кто задает тему, как конкретно она определяется. Нужно уметь вести полемику по своему сценарию. Рекомендуется в споре не

обороняться, а наступать. Даже оборону лучше вести с помощью наступления. Вместо того, чтобы отвечать на возражения противника, надо заставить его защищаться и отвечать на выдвигаемые против него возражения. Предвидя его доводы, можно заранее, не дожидаясь, пока он их выскажет, выдвинуть их самому и опровергнуть.

Один из приемов, допустимых в устном споре, — **отвлечение внимания** противника от той мысли, которую хотят провести без критики. С этой целью мысль или не высказывается вовсе, а только подразумевается, или высказывается, но как бы мимоходом, возможно короче, в сжатой форме. Перед этим для отвлечения внимания выдвигают идею, способную своим содержанием или формой выражения привлечь внимание противника, задеть его, поразить и т.п. Можно также перед той мыслью, которую намереваются провести без критики, выдвинуть какой-то второстепенный, но заведомо слабый аргумент. Спорщик, постоянно нацеленный на поиск слабых мест в доводах противоположной стороны, сразу же набросится на явно слабое место и пропустит ближайшие к ней доводы, особенно, если они приводятся между прочим и не бросаются в глаза своей ошибочностью.

Иногда полезно возложить «бремя доказывания» на противника. Можно сослаться, например, на то, что ваш тезис вытекает из уже признанного общего положения. Тезис противника окажется исключением из этого положения, и тому нужно будет доказать правомерность такого исключения.

Корректной и уместной будет концентрация действий, направленных на центральное звено системы аргументов противника или на наиболее слабое ее звено. «Вполне позволителен и тот прием (его даже трудно назвать "уловкой"), — пишет С.И.Поварнин, — когда мы видим, что противник смутился при каком-нибудь доводе или стал особенно горячиться, или стараться "ускользнуть" от ответа, — обращаем особенное внимание на этот довод и начинаем "напирать" на него. Какой бы ни был спор, всегда следует зорко следить за слабыми пунктами в аргументации противника и, найдя такой пункт, "разработать" его до конца, не "выпуская" противника из рук, пока не выяснилась и не подчеркнута вся слабость

этого пункта. "Выпустить" противника в таких случаях можно лишь тогда, когда у противника очевидно шок или т.п., или же из великодушия, из известного "рыцарства в споре", если он попал в особо нелепый "просак". Между тем умение использовать слабые места противника встречается довольно редко. Кого интересует искусство спора, тот часто с жалостью наблюдает, как спорщик, по полному своему неумению ориентироваться в споре или по другим причинам, теряет свое преимущество перед противником» [5 С. 23]

Можно применять в споре и прием опровержение противника его же собственным оружием. Из принятых им посылок надо всегда пытаться вывести следствия, подкрепляющие защищаемый вами тезис. Особый интерес в этом случае представляют неожиданные для противника следствия, о которых он даже не подозревал. Эффект внезапности можно использовать и многими другими способами. Например, придержать самые неожиданные и важные сведения к концу спора.

Корректность приема, используемого в споре, существенно зависит от того, какими именно приемами, или уловками, пользуется противоположная сторона. Например, к эффекту внезапности уместно прибегать в споре с тем, кто сам приберегает самые важные и неожиданные сведения к концу спора; напирать на слабое звено аргументации оппонента особенно оправданно в том случае, когда он сам постоянно выискивает слабые стороны ваших доводов и т.п.

К корректным приемам обычно относят и оттягивание возражения. Хорошо описывает эту уловку С.И.Поварнин: «Иногда бывает так, что противник привел нам довод, на который мы не можем сразу найти возражение. Просто "не приходит в голову", да и только. В таких случаях стараются по возможности незаметнее для противника "оттянуть возражение", например, ставят вопросы в связи с приведенным доводом, как бы для выяснения его или для осведомления вообще, — хотя ни в том, ни в другом не нуждаются; начинают ответ издали, с чего-нибудь имеющего отношение к данному вопросу, но прямо с ним не связанного и т.д. В это самое время мысль работает и часто является желаемое возражение, к которому сейчас и переходят. Надо уметь это сделать ловко и

незаметно. Если противник заметит, в чем дело, он всячески будет мешать уловке. Уловка эта в чистом виде вполне позволительна и часто необходима. Психический механизм человека — механизм очень капризный. Иногда вдруг мысль в споре отказывается на момент от работы при самом обычном или даже нелепом возражении. Человек *теряется*. Особенно часто случается это с людьми нервными или застенчивыми, под влиянием самых неожиданных причин, — например, даже иногда под влиянием внезапно мелькнувшей мысли: "А вдруг я не найду ответа" (самовнушение). Высшей степени это явление достигает в так называемом "шоке". У спорящего вдруг утрачивается весь багаж мыслей по данному вопросу. "Голова опустела". Все знания, все доводы, все возражения как будто вылетели из головы. Человек совершенно беспомощен. Такой "шок" встречается чаще всего тогда, когда человек очень волнуется или устал. В подобных случаях единственное "спасение" — разбираемая нами уловка. Надо стараться не выдать своего состояния, не смотреть растерянно, не понижать и не ослаблять голоса, говорить твердо и умело оттянуть возражение до тех пор, пока не оправившись. Иначе и противник, и слушатели (по большей части судящие о ходе спора "по внешности") будут думать, что мы "разбиты", как бы нелеп ни был довод, при котором случилась с нами эта неприятная история». [5 С. 23]

Нередко, особенно когда предмет спора не вполне определен, может оказаться полезным не занимать с самого начала жесткую позицию, не спешить твердо и недвусмысленно изложить ее. Иначе в переменчивых обстоятельствах спора трудно будет ее модифицировать и тем более от чего-то отказаться.

Принято считать, что нет ничего недозволенного и в таком приеме, как взять слово в самом конце спора, зная все аргументы выступавших и лишая их возможности развернутого ответа. Однако вряд ли этот прием демократичен: он доступен далеко не для каждого участвующего в споре.

3. Некорректные приемы спора

Некорректные приемы, используемые в спорах, не только многочисленны, но и чрезвычайно разнородны. Одни из них можно считать грубыми, ли даже очень грубыми, другие чрезвычайно изощренными.

Наиболее грубыми являются «механические», как их называет С.И.Поварнин, уловки.

Таков, в частности, неправильный «выход из спора». «...Бывает и так, — пишет Поварнин, — что спорщику приходится в споре плохо потому, что противник сильнее его или вообще, или в данном вопросе. Он чувствует, что спор ему не по силам, и старается всячески "улизнуть из спора", "притушить спор", "прикончить спор". В средствах тут не стесняются и нередко прибегают к грубейшим механическим уловкам». [5 С. 24]

Самым грубым и самым «механическим» Поварнину представляется прием, когда противнику не дают возможности говорить: «Спорщик постоянно перебивает противника, старается перекричать или просто демонстративно показывает, что не желает его слушать: зажимает себе уши, напевает, свистит и т.д. В споре при слушателях иногда играют такую роль слушатели, видящие, что их единомышленнику приходится плохо: тут бывает и хор одобрения или неодобрения, и рев, и гоготанье, и топанье ногами, и ломанье столов и стульев, и демонстративный выход из помещения — все по мере культурности нравов слушателей. Спорить при таких условиях, конечно, невозможно. Это называется (в случае успеха) *сорвать спор*.

Если спорщик достаточно нахален, он может, "поспорив" так с вами и не дав вам сказать ни слова, заявить: "С вами нельзя спорить, потому что вы не даете толкового ответа на вопросы" или даже: "Потому что вы положительно не даете возможности говорить". Иногда все это делается "тоньше". Вы привели сильный, но сложный довод, против которого противник не может ничего возразить: он тогда говорит с иронией: "Простите, но я не могу спорить с вами больше. Такие доводы — выше моего понимания. Они слишком учены для меня" и т.п.

После этого иного упрянца никак не заставишь продолжать спор: не схватить же за ногу, чтобы удержать его. Иного можно удержать "в споре", заявив, что, если он не понял довода, то вина в нашем неумении ясно высказать его, а не в его уме и т.п.». Довольно грубым приемом является организация «хора» полслушателей – полуучастников спора, всячески восхваляющих доводы одной стороны и демонстрирующих скептическое, а то и презрительное отношение к доводам другой стороны. «Вот остроумное замечание! Это называется смотреть в корень вещей», «Превосходно!», «Безусловно правильно», «Изумительный ответ» и т.п., — эти восклицания адресуются той стороне спора, которую поддерживает специально подготовленная аудитория; «Слабый ответ», «Плохие доводы», «Это то же, что ничего не ответить», «Все это только пустые оправдания», «Доводы, внушающие жалость» и т.п., — все это адресуется стороне, которую аудитория намеревается «завалить». [5 С. 24]

Предельно грубым приемом в споре является использование насилия, физического принуждения или даже истязания для того, чтобы заставить другую сторону, если не принять тезис, то хотя бы сделать вид, что она его принимает. Разновидности этого «аргумента от палки» Поварнин описывает так: «Сначала человек спорит честь-честью, спорит из-за того, истинен ли тезис или ложен. Но спор разыгрывается не в его пользу — и он обращается ко властям предержащим, указывая на опасность тезиса для государства или общества и т.д. Все равно, какие власти: старого режима или нового, "городовые" или "товарищи", — название такого приема одно и то же: "призыв к городовому". И суть одна и та же: приходит какая-нибудь "власть" и зажимает противнику нашему рот. Что и требовалось доказать. Спор прекратился и "победа" за нами. Для того, чтобы применить подобную уловку, требуется, конечно, очень невежественная голова или очень темная совесть.

Но "призыв к городовому" имеет целью только прекратить спор. Многие этим не довольствуются, а применяют подобные же средства, чтобы

"убедить" противника, т.е. вернее, заставить его, по крайней мере на словах, согласиться с нами. Тогда подобные доводы получают название "палочных доводов". Конечно, и в наше время употребляются еще "палочные доводы" в *буквальном* смысле слова. Насилие во всех видах очень часто "убеждает" многих и разрешает споры, по крайней мере на время. Но такие палочные доводы в область рассмотрения логики, хотя бы и прикладной, не входят. Здесь палочным доводом называется довольно некрасивая уловка, состоящая в том, что приводят такой довод, который противник... *должен принять из боязни* чего-нибудь неприятного, часто опасного, или на который он *не может правильно ответить по той же причине* и должен или молчать, или придумывать какие-нибудь "обходные пути". Это, в сущности, разбой в споре. Даже, пожалуй, в одном отношении, еще хуже. Разбойник открыто предлагает дилемму "кошелек или жизнь". Софист преподносит *скрытым образом* и с невинным видом дилемму: "принять довод или потерпеть неприятность", "не возражать или пострадать".

Такие доводы изобилуют во все времена, у всех народов, при всех режимах: в государственной, в общественной, в частной жизни. Стоит понаблюдать их, например, в газетах — в правых или левых, смотря по тому, в чьих руках власть. Конечно, не все газеты унижаются до этого. Но в виде общего правила можно сказать, что, чем газета более "крайняя", тем больше шансов встретить в ней палочный довод, хотя есть немало любителей его и не из "крайних"». [5 С. 24] Разновидностью «аргумента от палки» Поварнин считает и доводы, апеллирующие к тайным мыслям и невыраженным побуждениям другой стороны в споре. «К наиболее "любимым" видоизменениям и усложнениям относятся прежде всего многие случаи "чтения в сердцах". Эта уловка состоит в том, что софист не столько разбирает ваши слова, сколько те тайные мотивы, которые заставили вас их высказывать. Иногда даже он только этим и ограничивается. Достаточно! Не в форме "палочного довода" эта уловка встречается очень часто и употребляется вообще для "зажимания рта" противнику. Например,

собеседник высказывает вам в споре: "Вы это говорите не потому, что сами убеждены в этом, а из упорства", "Лишь бы поспорить". "Вы сами думаете то же, только не хотите признать своей ошибки". "Вы говорите из зависти к нему". "Из сословных интересов"... "Сколько вам дали за то, чтобы поддерживать это мнение?", "Вы говорите так из партийной дисциплины" и т.д. Что ответить на такое "чтение в сердцах"? Оно многим "зажимает рот", потому что обычно опровергнуть подобное обвинение невозможно, так же как и доказать его. Другие умеют "срезать" подобного противника, например, ловко и резко подчеркнув характер его уловки. Но настоящую грозную силу уловка эта приобретает *в связи с палочным доводом*. Например, если мы доказываем вредность какого-нибудь правительственного мероприятия, противник пишет: "Причина такого нападения на мероприятие ясна: это стремление подорвать престиж власти. Чем больше разрухи, тем это желательнее для подобных слуг революции (или контрреволюции)" и т.п. Или: "Эти слова — явный призыв к вооруженному восстанию" и т.д.

Конечно, подобные обвинения, если они обоснованны, может быть, в данном случае и справедливы, и обвинитель делает очень полезное дело, обращая внимание на известные факты. Иногда это гражданский долг. Но нельзя же называть это *спором*, и нельзя этого примешивать к спору. Спор — это борьба двух мыслей, а не мысли и дубины. Вот против примеси таких приемов к спору необходимо всячески и всемерно протестовать. Не всякая словесная борьба — спор.

Иногда "чтение в сердцах" принимает другую форму: отыскивают мотив, по которому человек *не говорит* чего-нибудь или не пишет. Несомненно, этого он не делает по такому-то или по такому мотиву (например, "крамольному"). Например, почему он не выразил "патриотического восторга", рассказывая о таком-то событии? Явно, ему не сочувствует. Таким образом, для искусного любителя "читать в сердцах" представляется, при желании, возможность отыскать контрреволюционную или революционную "крамолу" и т.п. как в некоторых словах противника, так иногда и в его молчании». [5 С. 25-26]

Спор — это определенная деятельность, причем деятельность, требующая напряжения не только интеллекта, но и всех духовных сил человека. Мысль, память, воображение спорящих должны работать особенно эффективно и четко. Смешавшийся, вставший в тупик, растерявшийся участник спора рискует забыть и упустить свои самые надежные и выигрышные доводы и потерпеть неудачу в споре. Если мы сильно взволнованы, возбуждены, горячимся, смущены и т.п. — мы спорим хуже, чем обычно. Спор — это не соревнование чистых интеллектов, а состязание, затрагивающее все стороны человеческой души.

Еще один некорректный прием — использование ложных и недоказанных аргументов в надежде на то, что противная сторона этого не заметит.

Употребление ложных, недоказанных или непроверенных аргументов нередко сопровождается оборотами: «всем известно», «давно установлено», «совершенно очевидно», «никто не станет отрицать» и т.п. Слушателю как бы оставляется одно: упрекать себя за незнание того, что давно и всем известно.

К одной из форм лжи иногда относят намеренное запутывание, или сбивание с толку. В выступлении того, кто прибегает к такому приему, возможно, и содержится какая-то информация, но ее чрезвычайно трудно уловить.

Целый ряд некорректных приемов — их обычно называют *психологическими* — как раз и ориентируется на то, чтобы вывести оппонента в споре из психического равновесия, расстроить работу его мысли и воображения.

«Самая грубая и обычная уловка, — пишет Поварнин, — *раздражить противника и вывести из себя*. Для этого пускают в ход грубые выходки, оскорбления, глумление, издевательство, явно несправедливые, возмущающие обвинения и т.д. Если противник "вскипел" — дело выиграно. Он потерял много шансов в споре. Некоторые искусно стараются "взвинтить" его до желательной степени. Я видел такую уловку: несправедливостью и насмешками софист вывел из равновесия своего противника-юнца. Тот стал горячиться. Тогда софист принял вид несказанного добродушия и покровительственный тон: "Ну, Юпитер! Ты сердисься, значит ты не прав" — "Ну что вы, батюшка! Стоит так горячиться!

Успокойтесь, успокойтесь! Какая вы горячка", и т.д. Так ведь довел юнца до белого каления! У того и руки дрожат от волнения и негодования. Бросается сослепу в споре, куда ни попало. Перестал соображать совсем и, конечно, "провалился". Но применяют и разные другие способы, чтобы "вывести из равновесия". Иной намеренно начинает глумиться над вашим "святая святых". В личности он не пускается, нет! Но "взвинтить" может неосторожного идеалиста до последнего предела. Если спор очень важный, при слушателях, ответственный, то, говорят, иные прибегают даже к "уловке артистов". Некоторые артисты, например певцы, чтобы "подрезать" своего соперника, перед его выступлением сообщают ему какое-нибудь крайне неприятное известие, чем-нибудь расстраивают его или выводят из себя оскорблением и т.п. в расчете, что он после этого не будет владеть собой и плохо споеет. Так, по слухам, не гнушаются поступать изредка некоторые спорщики перед ответственным спором. Лично мне никогда не приходилось наблюдать этой подлой уловки, но, несомненно, возможна и она. Нужно и против нее быть настороже». [5 С. 27]

Некорректен и такой психологический прием, когда один из спорящих говорит очень быстро, выражает свои мысли в специально усложненной или путанной форме, быстро сменяет одну мысль другою. Этот прием производит особенно тяжелое впечатление, когда быстрая, путанная, постоянно меняющая свое направление речь обращена к неопытному спорщику или к человеку, мыслящему пусть основательно, но медленно и с трудом схватывающему только кое-что из сказанного. «Наиболее наглые, — пишет Поварнин, — иногда не стесняются приводить мысли без всякой связи, иногда нелепые, — и пока медленно мыслящий и честный противник старается уловить связь между мыслями, никак не предполагая, что возможно такое нахальство, они уже с торжествующим видом покидают поле битвы. Это делается чаще всего перед такими слушателями, которые ровно ничего не понимают в теме спора, а судят об успехе или поражении — по внешности». [5 С. 28]

Таким образом, можно сделать вывод о том, что корректные приемы спора — это, в сущности, корректные приемы аргументации вообще плюс то

немногое, что связано со спецификой спора. Некорректные приемы спора — это некорректные приемы всякой аргументации с добавлением тех вариантов обмана, запутывания и сбивания с толку, которые могут встречаться именно в спорах.

3. Споры об истине и споры о ценностях

Аргументы — это средства спора. Что касается его цели, то это может быть *обнаружение истины* или *достижение победы в споре*.

Ясной границы между корректными и некорректными аргументами не существует. Естественно, что нет ее и между спорами, ведущимися с целью прояснения истины, и спорами, направленными на победу одной из сторон. Отсутствие четких разграничений не означает, что сами эти разграничения не являются важными. Хорошую характеристику споров, направленных на поиск и прояснение истины, дает польский философ и логик Т. Котарбиньский, называющий такие споры «предметной дискуссией». Он отмечает, что участник спора, который хочет выяснить истину, пытается найти ее и в рассуждениях противника. С этой целью в ходе спора он прилагает усилия к тому, чтобы извлечь из утверждений противника все то ценное, что может помочь выявлению истины. Спор, целью которого является победа, — это всегда спор о ценностях, об утверждении каких-то собственных оценок и опровержении несовместимых с ними оценочных суждений другой стороны. Честность, равенство, справедливость, сострадание, любовь к ближнему — все это ценности, и споры о них — это всегда споры о ценностях. Личные планы и планы социальных групп, нормы государства и принципы морали, традиции и идеалы и т.д. — все это также ценности. Цель всех споров о ценностях не истина, а победа. Если перед спором ставится задача — достичь победы, то такой спор — как бы ни представляли его спорящие себе и окружающим — является спором о ценностях. Даже спор об истинности тех или иных утверждений становится спором о ценностях, когда ориентируется не на истину, а на победу одной из сторон.

Несколько упрощенным является мнение о том, что целью каждого спора может быть только истина или достижение общего согласия по еще нерешенным проблемам, оказавшимся источником спора. Человек — не только разумное и познающее, но и действующее существо. Действие — это всегда успех или неуспех, удача или неудача. Не следует представлять дело так, что успех достигается только теми, кто ориентируется на истину, и что неудача — неизбежный удел тех, кто не особенно считается с нею. Иногда, и нередко, успех достигается как раз неправыми средствами.

Действие невозможно без оценок: норм, образцов, идеалов, утверждений о целях и т.п. Истина является свойством описаний, и спор о ней — это спор о соответствии описания реальному положению дел. Споры об оценках, направляющих действие, не относятся к спорам об истине, поскольку оценки не являются ни истинными, ни ложными, поэтому ошибочно говорить, что в споре всегда нужно бороться не за утверждение собственного или коллективного мнения или убеждения, а только за установление истины. Истина — не единственная цель споров. Другой их целью может быть ценность и, соответственно, победа как утверждение одних ценностей в противовес другим.

Можно отметить, что подавляющее большинство обычных споров — это как раз споры не об истине, а о ценностях. Споры об истине встречаются по преимуществу в науке, но и там они нередко переходят в споры о ценностях.

Таким образом, можно выделить *споры об описаниях* и *споры об оценках*. Конечной целью первых является истина, т.е. достижение описания, отвечающего реальности. Цель споров об оценках — утверждение каких-то оценок и, соответственно, принятие конкретного, определяемого ими направления будущей деятельности. Слово «победа» прямо относится только к спорам об оценках и выражаемых ими ценностях. **Победа** – это утверждение одной из противостоящих друг другу систем ценностей. В спорах об истине победа одной из спорящих может пониматься лишь в переносном смысле: когда в результате спора открывается истина, она делается достоянием обеих

спорящих сторон, и «победа» одной из них имеет чисто психологический характер.

5. Четыре разновидности споров

По своей *цели* споры делятся на *преследующие истину* и *преследующие победу над противоположной стороной*. По своим средствам они подразделяются на *использующие только корректные приемы* и *использующие также разнообразные некорректные приемы*.

Объединяя эти два деления споров, получаем четыре их разновидности, которые можно назвать **дискуссией, полемикой, эклектикой и софистикой**.

Дискуссия — спор, направленный на достижение истины и использующий только корректные приемы ведения спора.

Пolemика — спор, направленный на победу над противоположной стороной и использующий только корректные приемы.

Эклектика — спор, имеющий своей целью достижение истины, но использующий для этого и некорректные приемы.

Софистика — спор, имеющий своей целью достижение победы над противоположной стороной с использованием как корректных, так и некорректных приемов.

Дискуссия — одна из важнейших форм коммуникации, метод решения спорных проблем. Она позволяет лучше понять то, что не является в полной мере ясным и не нашло еще убедительного обоснования. И если даже участники дискуссии не приходят в итоге к согласию, они достигают в ходе дискуссии лучшего взаимопонимания. Дискуссия уменьшает момент субъективности. Убеждения отдельного человека или группы людей она сообщает общую поддержку и тем самым определенную обоснованность. Непосредственная задача дискуссии — достижение определенной степени согласия ее участников относительно дискутируемого тезиса. Используемые в дискуссии средства должны быть корректными и признаваться всеми, кто принимает в ней участие. Употребление некорректных средств ведет обычно к обрыву дискуссии.

Полемика, во многом подобная дискуссии, существенно отличается от нее как в отношении своей цели, так и применяемых средств. Цель полемики — не достижение согласия, а победа над другой стороной, утверждение собственной точки зрения. Средства, употребляемые в полемике, должны быть корректными, но не обязательно с ними должны быть согласны все участники. Каждый из них применяет те приемы, которые находит нужными для достижения победы, и не считается с тем, насколько они соответствуют представлениям других участников полемики о допустимых приемах спора. Хотя полемика и направлена по преимуществу на утверждение своей позиции, необходимо постоянно иметь в виду, что победа ошибочной точки зрения, добытая благодаря уловкам и слабости другой стороны, как правило, недолговечна, и она не способна принести моральное удовлетворение.

В самом общем смысле эклектика — это соединение разнородных, внутренне не связанных и, возможно, несовместимых идей, концепций, стилей и т.д. В качестве методологического принципа эклектика появилась впервые в древней философии как выражение упадка и интеллектуального бессилия последней. Эклектика широко использовалась в средневековой схоластике, когда приводились десятки и сотни разнородных, внутренне не связанных доводов «за» и «против» некоторого положения.

Спор об истине, использующий и некорректные приемы, иногда называют «эклектикой» на том основании, что такие приемы плохо согласуются с самой природой истины. Например, осыпая комплиментами всех присутствующих при споре, или, напротив, угрожая им силой, можно склонить их к любому мнению, (например, что 137 — простое число), но от этого утверждения ничего не выигрывает сама истина. Тем не менее, эклектические споры, в которых истина поддерживается чужеродными ей средствами, существуют, и они достаточно часы. Они встречаются даже в науке, особенно в период формирования новых научных теорий, когда осваивается новая проблематика и еще недостижим синтез разрозненных фактов, представлений и гипотез в единую систему.

Истина рождается в споре, и утверждается с помощью корректных средств. Но наука делается живыми людьми, на которых оказывают воздействие и некорректные приемы. Не удивительно поэтому, что в спорах об истине иногда возникает желание воспользоваться какими-то мягкими формами таких приемов.

Отношение к эклектике как разновидности спора должно быть взвешенным и учитывающим ситуацию, в которой для защиты еще не для всех очевидной истины были использованы не вполне корректные средства.

Софистика — спор, в котором для достижения победы над противником используются любые средства, включая и заведомо некорректные. В споре, как и в других делах, нельзя быть неразборчивым в применяемых средствах. Не следует вступать в спор с единственной целью — победить в нем любой ценой, не считаясь ни с чем, даже с истиной и добром.

6. Общие требования к спору

Спор — это столкновение мнений, позиций, в ходе которого каждая из сторон аргументированно отстаивает свое понимание обсуждаемых проблем и стремится опровергнуть доводы другой стороны. Спор представляет собой важное средство прояснения и разрешения вопросов, вызывающих разногласия, лучшего понимания того, что не является в достаточной мере ясным и не нашло еще убедительного обоснования. Если даже участники спора не приходят в итоге к согласию, в ходе спора они лучше уясняют как позиции другой стороны, так и свои собственные.

Искусство ведения спора называется *эристикой*. Эристика получила большое распространение в Древней Греции в связи с расцветом политической, судебной и моральной полемики. Первоначально эристика понималась как *средство отыскания истины и добра с помощью спора*, она должна была учить умению убеждать других в правильности высказываемых взглядов и, соответственно, умению склонять человека к тому поведению, которое представляется нужным и целесообразным. Но постепенно эристика переродилась в обучение тому, как вести спор, чтобы достигнуть единственной цели — выиграть его любой ценой, совершенно не заботясь об истине и справедливости. Широкое применение

получили разнообразные некорректные приемы достижения победы в споре. Это серьезно подорвало доверие к обучению искусству спора. Эристика разделилась на диалектику и софистику. Диалектика развивалась Сократом, впервые применившим само слово «диалектика» для обозначения искусства вести эффективный спор, диалог, в котором путем взаимозаинтересованного обсуждения проблемы и противоборства мнений достигается истина. Софистика же, ставившая целью спора победу в нем, а не истину, существенно скомпрометировала саму идею искусства спора. Аристотель отмечал неправомерное отождествление эристики с софистикой. А.Шопенгауэр, определял эристику как искусство спора или духовного фехтования с единственной целью остаться правым.

Эристика как изучение спора и обучение искусству его ведения и правомерна, и полезна, но только при условии, что целью спора считается установление истины и добра, а не просто победа любой ценой. Эристика не является отдельной наукой или разделом какой-то науки. Она представляет собой разновидность «практического искусства», подобного обучению ходьбе и музыке.

Конечно, не существует такого общего перечня требований, которому удовлетворяли бы все четыре разновидности споров. Софистика вообще не стеснена никакими правилами: в софистическом споре может быть нарушено любое общее требование, не исключая требования знать хотя бы приблизительно те проблемы, о которых зашел спор. Для трех остальных разновидностей спора сформулировать общие требования, которым они должны удовлетворять, если считать, что спорящие ориентируются в конечном счете на раскрытие истины или добра.

1. *Не следует спорить без особой необходимости.* Если есть возможность достичь согласия без спора, надо этим воспользоваться.

Встречаются люди, готовые спорить по поводу и без повода, иногда они даже гордятся этим. Такие спорщики чаще всего только мешают прояснению дела. Спор представляет ценность не сам по себе, а как средство достижения определенных целей. Если ясной и важной цели нет или она может быть достигнута без всякого спора, затевать спор бессмысленно. Вместе с тем не

следует и бояться споров и стараться любыми способами уклоняться от них. По принципиальным проблемам, решить которые не удастся без дискуссии и полемики, нужно спорить.

2. *Всякий спор должен иметь свою тему, свой предмет.* Это — очевидное требование к спору, но даже оно иногда нарушается.

Желательно, чтобы предмет спора был относительно ясным. Лучше всего в самом начале зафиксировать этот предмет особым утверждением, чтобы избежать потом довольно обычного вопроса: о чем же все-таки шел спор?

Беспредметные споры, споры по проблемам, неясным для спорящих сторон, оставляют, как правило, тяжелый осадок из-за своей бессвязности и беспомощности.

3. *Тема спора не должна изменяться или подменяться другой на всем протяжении спора.*

Это условие редко соблюдается, поскольку в начале спора в большинстве случаев тема не является достаточно определенной. Но обнаруживается это только в процессе спора. Его участники вынуждены постоянно уточнять свои позиции, что ведет к изменению подходов к теме спора, к смещению акцентов в рамках этой темы. Уточнение и конкретизация позиций спорящих — важный момент спора. Если предмет спора изменился, необходимо специально обратить на это внимание и подчеркнуть, что спор относительно нового предмета — это, в сущности, другой, а не прежний спор.

4. *Спор имеет место только при наличии несовместимых представлений об одном и том же объекте, явлении и т.д.* Если такой несовместимости нет, то спорить дальше не о чем. В этом случае спорящие будут говорить только о разных сторонах одного и того же объекта, дополняющих, но не исключающих друг друга.

5. *Спор предполагает также определенную общность исходных позиций сторон, некоторый единый для них базис.* Всякий спор опирается на определенные предпосылки, не существует споров, возникающих на пустом месте. Общность базиса

обеспечивает начальное взаимопонимание спорящих, создает возможность развернуться противоборству.. Те, кто совершенно не понимают друг друга, не способны спорить, точно так же как они не способны прийти к согласию.

6. *Успешное ведение спора требует определенного знания логики.* Прежде всего предполагается умение выводить следствия из своих и чужих утверждений, замечать противоречия, выявлять отсутствие логических связей между утверждениями. Требование быть логичным и последовательным в споре не означает, что спор должен разворачиваться как сугубо формальное доказательство определенной точки зрения. В ходе дискуссии или полемики уместны и шутки, и отступления, и многое другое, что не связано прямо с логикой развития мысли. Спорят между собою живые люди, а не какие-то «логические машины», озабоченные только неуклонным выведением следствий из принятых посылок.

7. *Спор требует определенного знания тех вещей, о которых идет речь.* Это знание не может быть полным, иначе не возникли бы разногласия и полемика. Но оно все-таки должно быть достаточно обширным. Плохо, когда люди начинают спорить о том, о чем они знают только понаслышке, а то и вовсе не имеют представления. Человек, являющийся специалистом в какой-то области, обычно критически оценивает свои познания в этой области, хотя ее изучению он, возможно, посвятил всю свою жизнь. Грешит самоуверенностью и претензией на широкие знания, как правило, тот, чьи представления поверхностны и неглубоки. Отсутствие основательных знаний часто сочетается с привычкой подходить ко всему с готовыми мерками и определениями, на каждый вопрос иметь готовый ответ.

8. *В споре нужно стремиться к выяснению истины и добра* — это одно из наиболее важных требований к спору.

Принципиальное значение этого требования впервые подчеркивал еще Сократ, в своей полемике с софистами, который упрекал софистов в том, что по их мнению тому, кто собирается стать хорошим оратором, совершенно

излишне иметь истинное представление о справедливых и хороших делах. В результате такой позиции никому нет никакого дела до истины, важна только убедительность.

Итак, в споре нужно бороться не за утверждение собственного мнения, а за установление истины и добра.

9. *В споре нужно проявлять гибкость.* Ситуация в споре постоянно меняется. Вводятся новые аргументы, всплывают неизвестные ранее факты, меняются позиции участников — на все это приходится реагировать. Но гибкость тактики спора вовсе не предполагает резкой смены позиции с каждым новым моментом. Вступив в спор и уяснив свое отношение к обсуждаемому предмету, надо твердо стоять на занятой позиции, стараясь сделать ее как можно более определенной и ясной. Правилom должна быть четкая, недвусмысленно выраженная позиция. Наиболее распространены два крайних способа ведения спора: уступчивость и жесткость. Более эффективен способ не жесткий и не уступчивый, а скорее соединяющий в себе особенности и того и другого. Там, где это возможно, нужно искать точки соприкосновения и совпадения взглядов, а там, где точки зрения вступают в противоречие, настаивать на решении, основанном на беспристрастных критериях, не зависящих от спорящих сторон. Жесткость необходима, когда речь идет о существе вопроса; если же дело касается деталей, частных, личностных моментов, субъективных симпатий и антипатий, обычно лучше проявить уступчивость и терпимость. Это позволит решать сложные спорные вопросы по существу не поступаясь своими взглядами и своим достоинством.

10. *Не следует допускать крупных промахов в стратегии и тактике спора.*

Конечно понятно, что спор призван если не разрешить, то по меньшей мере прояснить обсуждаемую проблему. И тем не менее случается, что дискуссия и полемика приводят как раз к противоположному результату. Первоначальные сравнительно четкие представления в ходе спора постепенно расплываются, и к концу его от исходной ясности и казавшихся убедительными аргументов мало что остается. Чаще всего причиной этого

является сложность обсуждаемого предмета. Столкновение разных представлений о нем обнажает их частичность и неполноту. В таких случаях часто спор заканчивается неоконченным, обсуждаемый вопрос не решенным из-за неумения спорить, в силу очевидных промахов в стратегии и тактике спора.

Стратегия — это наиболее общие принципы аргументации, приведения одних высказываний для обоснования или подкрепления других.

Тактика — поиск и отбор аргументов или доводов, наиболее убедительных с точки зрения обсуждаемой темы и данной аудитории, а также реакции на контраргументы другой стороны в процессе спора.

Решение стратегической задачи спора предполагает соблюдение указанных выше требований. Они просты в своей общей формулировке, но нередко сложны в конкретном применении.

11. *Не следует бояться признавать в ходе спора свои ошибки.* Главное в споре — это внести свою долю в положительную разработку обсуждаемого вопроса. Человек, убедившийся в ошибочности каких-то своих представлений, должен сказать об этом с полной откровенностью и определенностью, что сделает спор более плодотворным. Нужно быть терпимым к критике и не бояться того, что кто-то укажет нам на ошибки. В споре, когда критические замечания высказываются в лицо, это особенно важно. «Не бойся исправлять свои ошибки», — говорил Конфуций. Этот совет имеет прямое отношение к спору.

Методические материалы к курсу.

Материалы к семинарским занятиям.

Задание 1.

В приведенных текстах определите логические ошибки, укажите, какие правила нарушены.

1. Какую ошибку в доказательстве имел в виду известный русский логик С.И. Поварнин, приводя пример следующего спора: «...юный идеалист доказывает человеку «опыта», что такой-то поступок малодушен и бесчестен. Тот сперва стал спорить «чин-чином», но затем, видя, что дело его плохо, заявил: «Очень вы еще молоды и неопытны. Поживите, узнаете жизнь и сами со мною согласитесь.» Юноша стал доказывать, что молодость не при чем, что «он знает жизнь».

2. После ухода Швейка коллегия трех пришла к единодушному выводу: Швейк – круглый дурак и идиот согласно всем законам природы, открытым знаменитыми учеными психиатрами. В заключении, переданном судебному следователю, между прочим стояло: «Нижеподписавшиеся судебные врачи сошлись в определении полной психической отупелости и врожденного кретинизма представшего перед вышеуказанной комиссией Швейка Йозефа, кретинизм которого явствует из таких слов, как «Да здравствует император Франц-Иосиф Первый», каковых вполне достаточно, чтобы определить психическое состояние Йозефа Швейка как явного идиота».

3. «Сганарель. Мы, великие медики, с первого взгляда определяем заболевание... я немедленно проник в суть вещей и заявляю вам: ваша дочь нема.

Жеронт. Так-то оно так, но я бы хотел услышать, отчего это случилось?

Сганарель. Сделайте одолжение. Оттого, что она утратила дар речи.

Жеронт. Хорошо, но скажите мне, пожалуйста, причину, по которой она его утратила.

Сганарель. Величайшие ученые скажут вам то же самое: оттого, что у нее язык не ворочается.

Жеронт. А в чем вы усматриваете причину того, что он не ворочается ?

Сганарель. Аристотель сказал по этому поводу... много хорошего.

Жеронт. Охотно верю.

Сганарель. О, это был великий муж.

Жеронт. Не сомневаюсь.

Сганарель. Подлинно великий!...»

(Мольер. Лекарь по неволе).

4. « Победоносиков. ...Итак, товарищи, этот набатный революционный призывный трамвайный звонок колоколом должен гудеть в сердце каждого рабочего и крестьянина. Сегодня рельсы Ильича свяжут «Площадь имени десятилетия советской медицины» с бывшим оплотом буржуазии, «Сенным рынком»... Кто ездил в трамвае до 25 октября? Деклассированные интеллигенты, попы и дворяне. За сколько ездили? Они ездили за пять копеек станцию. В чем ездили? В желтом трамвае. Кто будет ездить теперь? Теперь будем ездить мы, работники вселенной. Как мы будем ездить? Мы будем ездить со всеми удобствами. В красном трамвае. За сколько? Всего за десять копеек. Итак товарищи... На чем мы остановились?

Машинистка Ундертон. На «Итак, товарищи...»

Победоносиков. Да, да... Итак, товарищи, помните, что Лев Толстой – величайший и незабвенный художник пера. Его наследие прошлого блещет нам на грани двух миров, как большая художественная звезда, как, целое созвездие, как самое большое из больших созвездий – Большая Медведица. Лев Толстой... (Маяковский В.В. Баня).

5. «...Миссис Маунтин...была...великой свахой, а поэтому воображала, будто все питают намерение сочетаться браком со всеми остальными... Она знала, что мистер Вашингтон собирается жениться, была убеждена, что столь практичный молодой человек будет подыскивать себе богатую невесту... Госпожа Эсмонд была сущей пигалицей – менее пяти футов росту на самых высоких каблуках и с самой высокой прической, а мистер Вашингтон ростом был в добрых шесть футов два дюйма и широкоплеч. Высокие же и

широкоплечие мужчины всегда женятся на пигалицах; откуда следовало, что мистер Вашингтон обязательно должен иметь виды на вдову. Что могло быть логичнее такого вывода?» (Теккерей У. Виргинцы).

б.«Наконец нас обоих привлекли к суду за то, что мы пускали в обращение краденые банкноты, - а там и другие наши художества вскрылись...

Когда нас привели в залу суда, я первым делом заметил, каким джентльменом смотрит Компенсон, - кудрявый, в черном костюме с белым платочком, - и каким я против него смотрюсь оборванцем. Когда началось заседание и вкратце перечислили улики, я заметил, как тяжело вина ложится на меня и как легко на него. Когда принялись за свидетелей, все время выходило, будто это я главный преступник, каждый готов был в том присягнуть – и деньги всегда платили мне, и всем казалось, что я один и затеял дело и барыш получил. А уж когда повел речь защитник Компенсона, тут я понял всю их политику. Он что сказал? «Милорд и джентльмены, вот перед вами стоят два человека, и вы сразу видите, до чего они между собой непохожи. Один, младший, получил воспитание, с ним разговор будет вежливый; другой, старший, не получил воспитания, с ним разговор будет другой; один, младший... не в чем таком не был замечен, а только был на подозрении; другой, старший, был замечен много раз, и всякий раз вина его была доказана. Так разве не ясно, который из них виновен, если виновен один, а если оба – то который виновен гораздо больше?» Ну, и все в этом роде... Компенсон и в школе-то учился, и друзья его детства занимают всякие высокие посты, и свидетели встречали его в таких-то клубах да обществах, и никто про него дурного не слышал...» (Диккенс Ч. Большие надежды).

б.«Предметом моей сегодняшней лекции я избрал, так сказать, вред, который приносит человечеству потребление табаку... О табаке, так о табаке – мне решительно все равно, вам же, милостивые государи, предлагаю отнестись к моей настоящей лекции с должною серьезностью, иначе как бы чего не вышло. Кого же пугает сухая, научная лекция, кому не нравится, тот может не слушать и выйти. Особенно прошу внимания у присутствующих здесь господ врачей,

которые могут почерпнуть из моей лекции много полезных сведений, так как табак, помимо его вредных действий употребляется также в медицине. Так, например, если муху посадить в табакерку, то она издохнет. Вероятно, от расстройства нервов. Табак есть главным образом растение. Когда я читаю лекцию, то обыкновенно подмигиваю правым глазом, но вы не обращайтесь внимания; это от волнения. Я очень нервный человек, вообще говоря, а глазом начал подмигивать в 1889 году 13 сентября, в тот самый день, когда у моей жены родилась, некоторым образом, четвертая дочь Варвара. У меня все дочери родились 13 числа. Впрочем, ввиду недостатка времени, не станем отклоняться от предмета лекции. Надо вам заметить, жена моя содержит музыкальную школу и частный пансион, то есть не то чтобы пансион, а так, нечто вроде. Между нами говоря, жена любит пожаловаться на недостатки, но у нее кое-что припрятано, этак тысяч сорок или пятьдесят, у меня же ни копейки за душой, ни гроша – ну, да что толковать!» (Чехов А.П. О вреде табака).

Задание 2.

В приведенных текстах определите способ доказательства или опровержения, выделите тезис, аргументы, способ обоснования, укажите виды суждений, разберите их по составу.

1. «Ты спросишь, Граттий, меня, почему же так сильно я восхищаюсь этим поэтом? Потому, что дает он моей душе отдохнуть от судебного шума, успокоить мой слух, утомленный злословием споров на форуме. Неужели ты думаешь, что может хватить у меня материала, когда ежедневно мне приходится здесь говорить по делам столь различным, если бы свой дух не воспитывал я на поэзии? Может ли выдержать ум столь напряженный труд, если бы не нашел облегченья в занятиях этой наукой? Я, по крайней мере, открыто скажу про себя, что этим занятиям я искренно предан. Пусть будет стыдно другим, если так зарылись они в свои книги. Что не могут из них извлечь ничего на общую пользу, ни представить открыто что-либо на общественный суд; а мне чего же стыдиться, почтенные судьи! За всю свою жизнь моя помощь в тяжелый момент или в трудном положении кому-либо

из вас ни в деле гражданском, ни в уголовном не заставила ждать; не удержала меня ни жажда досуга, не отвлекли удовольствия, не заставил промедлить, наконец, даже сон. Поэтому кто же мне бросит слово упрека, кто справедливо решится меня уколоть, если все то время, какое иной изведет для собственных дел, для праздничных зрелищ, для других удовольствий, наконец просто для отдыха душою и телом, сколько иные истратят его на пиры без конца, на игру в кости иль в мяч. – если это время я сам для себя употребляю для того, чтобы вернуться к занятиям дней моей юности? И это тем более мне должны вы позволить, что мой талант как оратора, каков бы он ни был, вырос из этих занятий, и в минуты опасности при судебных процессах он всегда приходил на помощь друзьям. Если кому-либо кажется он не очень серьезным, то все то высокое, что в нем должно заключаться, я знаю наверно, откуда, из какого источника я его мог почерпнуть. Ведь если бы, с дней моей юности слушая многих ученых, читая много их книг, я не внушил бы себе убеждения, что в жизни нет ничего важнее, к чему бы надо стремиться, кроме как к славе, исполненной чести, и для достижения этого надо считать ни во что все телесные муки, все опасности смерти и даже изгнания, - я бы никогда не отдал себя ради вашего блага на растерзание, на эти враждебные выходки в ежедневных, столь многих, столь сильных нападках этих низких, погибших людей. Этими мыслями полны все книги, полны наставления мудрых, полна вся история, опыт седой старины; но все они были бы сокрыты во мраке забвения, если бы на них своих ярких лучей не бросила литература и не осветила бы. Сколько в работах и греков и римлян осталось нам как бы чеканных образов твердых мужей – не только, чтоб созерцать, но и для того, чтобы им подражать. Когда я управлял государством, всегда передо мной они были, всегда, мысленно образы этих великих людей созерцания, я укреплял свою душу и мысли» (Марк Туллий Цицерон. Речь за поэта Архия).

2. «По личному мнению подсудимого, все его действия носили отпечаток энергии человека, вступившего в новую деятельность одушевленным лучшими и самыми горячими желаниями искоренить беспорядки, накопившиеся в последние десятилетия. Иначе смотрит на эти действия Харьковская палата, усматривающая в них в насилие и злоупотребление властью. Среднего пути между этими двумя взглядами нет, и по изучению существа дела, я присоединяюсь не ко взгляду Протопопова, а ко взгляду палаты.

Власть имеет сама в себе много привлекательного. Она дает облеченному ею сознание своей силы, она выделяет его из среды безвластных людей, она создает ему положение, с которым надо считаться. Для самолюбия заманчива возможность приказывать, решать, приводить в исполнение свою волю и, хотя бы в очень узкой сфере, карать и миловать; для суетного самомнения отраден вид сдержанной тревоги, плохо скрытого опасения, искательных и недоумевающих взоров... поэтому люди, относящиеся серьезно к идее о власти, получая эту власть в свои руки, обращаются с ней осторожно, а вызванные на проявление ее в благородном смущении призывают себе на память задачи. Но бывают и другие люди. Обольщенные прежде всего созерцанием себя во всеоружии отмежеванной им власти, они только о ней думают и заботятся – и возбуждаются от сознания своей относительной силы. Для них власть обращается в сладкий напиток, который быстро причиняет вредное для службы опьянение. Вино власти бросилось в голову Протопопову.» (Кони А.Ф. Речь по делу Протопопова).

3. «...Буду говорить только о состоянии культуры в нашей стране и, главным образом, о гуманитарной, человеческой ее части. Я внимательно изучал предвыборные платформы депутатов. Меня поразило, что в подавляющем большинстве из них даже не было слова «культура». На самом Съезде слово «культура» было проходным образом произнесено только на третий день. И сейчас об этом говорил Михаил Сергеевич Горбачев.

Между тем без культуры в обществе нет нравственности. Без элементарной нравственности не действуют социальные законы, экономические законы, не выполняются указы и не может существовать современная наука, ибо трудно, например, проверить эксперименты, стоящие миллионы, огромные проекты «строек века» и так далее.

Низкая культура нашей страны отрицательно сказывается на работе, на наших межнациональных отношениях, так как национальная вражда одной из причин имеет низкую культуру. Люди высокой культуры не враждебны к чужой национальности к чужому мнению и не агрессивны. Незнание элементарной, формальной логики, элементов права, отсутствие воспитанного культурой общественного такта отрицательно сказывается даже на работе нашего Съезда. Я думаю, это не надо пояснять.

К сожалению, в отношении культуры действует еще «остаточный» принцип. Об этом свидетельствует даже Академия наук Советского Союза, где гуманитарной культуре отведено последнее место. Посмотрите справочник Академии наук. Места русской культуре в нем почти нет.

О крайне низком состоянии культуры в нашей стране свидетельствует, во-первых, состояние памятников культуры и истории. Это перед глазами у всех, я не буду об этом говорить. Во-вторых, это состояние библиотек и архивов. О последних, кстати сказать, было хорошо написано в последнем номере «Советской культуры». И так дело обстоит как в самых крупных библиотеках, так и в мелких, сельских. В-третьих, состояние музеев, состояние образования, в первую очередь – среднего начального, где закладывается культура человека» (Лихачев Д.С. Выступление на съезде народных депутатов СССР 1 июня 1989г.)

Задание 3

Определите способ опровержения (критики), запишите его схему.

1.«Если бы Успенский Ю.Л. действительно замыслил убийство, да еще столь хитро и долго подготавливаемое, чтобы можно было поверить, что Галина Муранова покончила с собой, то позвольте просить вас подумать, стал бы он

накануне убийства в руки того, кто жаждет отмщения за дочь, столь грозное оружие против себя, стал бы он, повторяю, накануне смерти своей жены писать ее матери, предваряя, что он замыслил убийство ее дочери?» (Ораторские речи в суде.)

2. Выдающийся ученый и философ эпохи Возрождения, Дж. Бруно, следующим образом опровергал одно из обвинений инквизиции: «Ему сказано: Не припоминаете ли вы, что говорили, думали или верили, будто люди рождаются в разврате, как все остальные животные, и что это состояние началось еще со времен потопа?»

Ответил: - Я полагаю, что таково мнение Лукреция. Я читал об этом взгляде и слышал, как его излагают, но не выдавал за свой собственный взгляд, не держался его и не признавал. Когда же я обсуждал этот взгляд в своих чтениях, то излагал мнение Лукреция, Эпикура и подобных им. Это мнение не соответствует с моей философией и не может быть выведено из ее оснований и заключений, как в этом легко может убедиться тот, кто читал ее». (Анталогия мировой философии –Т.2. стр. 176)

3. «Руководящим побуждением для Засулич обвинение ставит месть... Мечь обыкновенно руководится личными счетами с отмщенным за себя или близких. Но никаких личных, исключительно ее интересов не только не было для Засулич в происшествии с Боголюбовым, но и сам Боголюбов не был близким, знакомым человеком. Мечь стремится нанести возможно больше зла противнику; Засулич, стрелявшая в генерал-адъютанта Трепова, сознается, что для нее безразличны те или другие последствия выстрелов.

Наконец, мечь старается достигнуть удовлетворения возможно дешевой ценой, мечь действует скрыто, с возможно меньшими пожертвованиями. В поступке Засулич, как бы не обсуждать его, нельзя не видеть самого беззаветного. Но и самого нерасчетливого самопожертвования. Так не жертвуют собой из-за одной узкой, эгоистической мести... одна мечь была бы неверным мерилем для обсуждения внутренней стороны поступка Засулич». (Речи известных русских юристов. Из выступления П.А. Александрова по делу В.Засулич.)

4. «Если допустить, что адвокаты, как полагает обвинение, сами умоляли Ольгу Штейн бежать вопреки ее воле, то естественно, что она тогда же вместо всяких слез и молений, потребовала бы от них возврата гонорара. Да, несомненно, адвокаты и без подобного требования сочли бы долгом, убеждая ее бежать, вернуть, если не полностью, то хотя в части, полученные по делу деньги. Между тем мы видим, что Ольга Штейн, все время ищущая денег, не только во время отъезда, но даже впоследствии, находясь в Нью-Йорке, и испытывая сильную нужду, не заявляет подобного вполне естественного требования... Не ясно ли, что не адвокаты были инициаторами бегства Ольги Штейн, иначе вся картина их денежных отношений сложилась бы совершенно иначе»...(Речи известных русских юристов. Из выступления адвоката М.Г. Казаринова по делу адвокатов Л.А. Безунова и Г.С. Аронсона).
5. «Представим себе на секунду, что Семенова получила эти вещи не преступным путем, а ей их действительно сунули, насильно навязали. Всего проще было пойти и объявить об этом в полицию или хоть дождаться утра, чтобы разузнать, в чем дело, сообразить, как с ними быть дальше.

Но нет! Тотчас же возникает и с лихорадочной поспешностью осуществляется, естественное лишь в самых крайних, безотлагательных случаях опасности, назревающее средство – бегство...» (Речи известных русских юристов. Из выступления Карабчевского по делу Мироновича).

Задание 4.

К тезису подберите аргументы, продемонстрируйте их связь с тезисом, используя один из видов дедуктивного умозаключения, запишите схему.

- А) Т. Петров совершил преступление по небрежности.
- Б) Т. Правовые науки относятся к сфере гуманитарных.
- В) Т. Если обвиняемый невиновен, то его оправдывают.
- Г) Т. Некоторые русские писатели – лауреаты Нобелевской премии.

Д) Т. Заключение «Он курит», следующее из посылок условно-категорического силлогизма: «Курить – здоровью вредить», «Он вредит здоровью», не является достоверным.

Задание 5.

Определите вид доказательства. Какая ошибка допущена в этом доказательстве?

В книге Эразма Росттердамского «Разговоры запросто» есть такая сценка. Собрались однажды несколько человек и заспорили, какая часть человеческого тела самая почтенная. Один высказал предположение, что глаза, второй, что сердце, третий, что мозг, одним словом каждый говорил иное и приводил свои доводы.

Один сказал: « А по-моему, самая почтенная часть та, на которой мы сидим». Все сочли это мнение нелепым, но он прибавил: «В народе говорят: кто садится первым, тому и почета всего больше. А почетное это право принадлежит названной мною части».

Задание 6.

По какой схеме идет данное доказательство? Является оно прямым или косвенным?

Один английский экономист сказал: «Любая короткая фраза об экономике внутренне лжива». Но сама эта фраза, являющаяся короткой, есть фраза об экономике, точнее говоря, фраза о фразах об экономике. Как таковая она тоже должна быть внутренне лживой. Но то, что она лжива, означает, что есть короткие фразы об экономике, не являющиеся лживыми. Следовательно, некоторые короткие фразы об экономике не являются внутренне лживыми.

Задание 7.

К данным тезисам подберите аргументы, аргументируйте тезис, используя аналогию как форму обоснования, запишите схему.

А) Обоснуйте собственными аргументами утверждение одного из адвокатов в деле фон Бюлова: «Если свидетель солгал хотя бы раз... вы можете отвергнуть все его показания».

Б) Докажите собственными аргументами следующее предположение Холмса, высказанное Уотсону: “— Так вы думаете, что за квартирой следят?” - “ Я знаю, что за ней следят”. – “ Кто же?” – “ Мои старые враги Уотсон. Та очаровательная компания, шеф которой покойся на дне Рейхенбарского водопада”. (Конан-Дойль).

Задание 8.

Найдите тезис, аргументы, укажите способ доказательства.

«Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обветшалые зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там, высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безымянной речкой, шумно вырывающейся из черного полного мглой ущелья, тянется серебряной нитью и сверкает, как змея своей чешуею» (М.Ю.Лермонтов).

Задание 9.

Определите способ аргументации и форму обоснования тезиса. В косвенном обосновании укажите, апагогическое оно или разделительное.

"... В настоящем деле нет середины: нужно или признать, что она (Рыбаковская) совершила убийство с заранее обдуманым намерением, или же нужно признать, что она совершила его по неосторожности; для предположения, что она совершила это преступление в внезапном порыве, не остается места, потому что как из показания Рыбаковской, так и из показания лейхфельда видно, что между зарядением пистолета и выстрелом прошел известный промежуток времени.... Для того, чтобы предположить в Рыбаковской заранее обдуманное намерение совершить то преступление, в котором она обвиняется... в настоящем деле решительно нет основания. Сознание ее в том,

что она зарядила пистолет, показывает именно то, что она не считает этого обстоятельства уличающим ее в преступлении, что она в этом отношении показывает совершенную правду, хотя это обстоятельство по самому свойству своему при известной обстановке могло быть обращено против Рыбаковской" (Смолярчук В.И. Гиганты и чародеи слова.)

Задание 10.

Определите способ опровержения, запишите его схему.

" Если бы Успенский Ю.Л. действительно замыслил убийство, да еще столь хитро и долго подготавливаемое, чтобы можно было поверить, что Галина Мурановна покончила с собой, то позвольте просить вас подумать, стал бы он накануне убийства давать в руки того, кто жаждет отмщения за дочь, столь грозное оружие против себя, стал бы он повторяю, накануне смерти жены писать ее матери, предваряя, что он замыслил убийство ее дочери?2 (Ораторские речи в суде. ЛГУ).

Материалы для проведения деловых игр.

1. КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

20 сентября 2006г. судебная коллегия по гражданским делам Амурского областного суда в составе:

председательствующего судьи: В.,

судей коллегии: Н., П.

рассмотрела в открытом судебном заседании в г. Благовещенске дело по частной жалобе Ивановой Н.А.. на определение Благовещенского городского суда от 3 августа 2006г.

Заслушав дело по докладу судьи В, судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

Иванова Н.А.. обратилась в суд иском к Иванову С.В. о разделе имущества. Просила суд разделить общее имущество, выделив ей и дочери 2/3

доли от совместно нажитого имущества - 2/5 доли в праве собственности на жилой дом, расположенный по адресу г. Благовещенск, ул. Шевченко, 105.

Решением Благовещенского городского суда от 19 апреля 2006г. имущество, являющееся общей совместной собственностью Ивановой Н.А. и Иванова С.В. разделено, определено Ивановой Н.А. 1/5 доли в праве собственности на жилой дом, расположенный по адресу г. Благовещенск, ул. Шевченко, 105, Иванову С.В. - 1/5 доли в праве собственности на данный дом.

Иванова Н.А. обратилась в суд с заявлением о разъяснении решения суда. В своем заявлении Иванова Н.А. указала, что в настоящее время, при оформлении документов для регистрации доли в праве собственности на указанный жилой дом возникла неясность по адресу место расположения настоящего жилого дома. Также, из заявления Иванова С. В. судебному приставу-исполнителю МОСП по г. Благовещенску и Благовещенскому району следует, что жилого дома под № 105 по ул. Шевченко в г. Благовещенске не существует. На основании изложенного, Иванова Н.А. просила суд разъяснить настоящее решение суда с указанием место расположения жилого дома, 1/5 доля в котором принадлежит ей на праве собственности.

Определением Благовещенского городского суда от 3 августа 2006г. решение Благовещенского городского суда от 19 апреля 2004 года по гражданскому делу по иску Ивановой Н.А. к Иванову С. В. о разделе имущества разъяснено. Постановлено разъяснить, что Ивановой Наталье Александровне определена 1/5 доли в праве собственности на жилой дом № 105 по ул. Шевченко в г. Благовещенске.

В частной жалобе Иванов С.В. просит отменить определение, указывает, что не был надлежащим образом извещен о времени и месте судебного заседания, так как повестку получил 3 августа 2006г. в 10-00 часов, судебное заседание, назначенное на 3 августа 2006г., произошло в его отсутствие.

Изучив материалы дела, судебная коллегия приходит к следующим выводам.

Согласно ст. 202 ГПК РФ, в случае неясности решения суда, принявший его, по заявлению лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя вправе разъяснить решение суда, не изменяя его содержания. Разъяснение решения суда допускается, если оно не приведено в исполнение и не истек срок, в течение которого решение суда может быть принудительно исполнено.

Вопрос о разъяснении решения суда рассматривается в судебном заседании. Лица, участвующие в деле, извещаются о времени и месте судебного заседания, однако их неявка не является препятствием к рассмотрению и разрешению вопроса о разъяснении решения суда.

В силу ч. 1, 3 ст. 113 ГПК РФ лица, участвующие в деле, а также свидетели, эксперты, специалисты и переводчики извещаются или вызываются в суд заказным письмом с уведомлением о вручении, судебной повесткой с уведомлением о вручении, телефонограммой или телеграммой, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование судебного извещения или вызова и его вручение адресату.

Лицам, участвующим в деле, судебные извещения и вызовы должны быть вручены с таким расчетом, чтобы указанные лица имели достаточный срок для подготовки к делу и своевременной явки в суд.

Из материалов дела следует, что судебное заседание по заявлению Ивановой Н.А. о разъяснении решения суда рассмотрено 3 августа 2006г., в 9-00 часов (л.д. 128). Судебное уведомление о назначенном судебном заседании Иванов С. В. получил в день рассмотрения заявления – 3 августа 2006г., о чем свидетельствует его подпись в судебном уведомлении (л.д. 126).

Таким образом, доказательства надлежащего извещения ответчика Иванова С. В. о времени и месте судебного разбирательства в материалах дела отсутствуют.

2. КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

29 марта 2006г. судебная коллегия по гражданским делам Амурского областного суда в составе:

председательствующего судьи: А.

судей коллегии: Г., И. .

рассмотрела в открытом судебном заседании в г. Благовещенске дело по кассационной жалобе Министерства Финансов РФ в лице Управления Федерального казначейства по Амурской области на решение Свободненского городского суда от 1 февраля 2006г.

Заслушав дело по докладу судьи А. судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

Винникова И.И. в интересах несовершеннолетнего сына Винникова О.О. обратилась в суд с иском к Свободненскому ГРОВД и Министерству Финансов РФ о взыскании компенсации морального вреда в сумме 15000 рублей. В обоснование своих доводов указал, что ее сын Винников Олег обучается в школе № 5 г. Свободного. 24 мая 2005 года после уроков между учениками его класса Хорошайловым Н.О. и Сезимовым С.И. произошел конфликт, который перерос в драку. Ее сын участия в драке не принимал, только пытался разнять дерущихся, а потом оказал Хорошайлову помощь - принес ему воды. В результате драки Хорошайлову были причинены телесные повреждения, и его родители обратились в милицию. 30 мая 2005 года начальник МОБ ОВД г. Свободного и Свободненского района вынес постановление, согласно которому в действиях Сезимова и ее сына усмотрел признаки преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, но в возбуждении уголовного дела было отказано, так как Сезимов и Олег не достигли возраста, с которого они могли быть привлечены к уголовной ответственности. На основании этого постановления сына поставили на учет в ПДН Свободненского ГРОВД, данные сведения поступили в школу. После этого начальник МОБ Свободненского ГРОВД также обратился в Свободненский городской суд с ходатайством о помещении Олега в ЦВСНП УВД Амурской области, указав, что он совершил правонарушение, что его семья злоупотребляет спиртными напитками, и

отрицательно характеризуется. В удовлетворении ходатайства было отказано, но сын истицы очень переживал, что в ходатайстве дали такую характеристику ему и его семье. Истица затем обратилась в суд с жалобой на постановление от 30 мая 2005 года. В удовлетворении ее жалобы было отказано, поскольку к моменту рассмотрения ее судом данное постановление было отменено, а материалы были направлены на дополнительную проверку. 10 августа 2005 года и.о. начальника МОБ ОВД г. Свободного и Свободненского района было вынесено новое постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в котором указано, что вина Олега при проведении дополнительной проверки доказана не была. После этого сына сняли с учета в ПДН, но в школу об этом сведения не направили и он до настоящего времени значится там как стоящий на учете. Мальчик очень переживал произошедшее. Все ученики его класса знали о постановке на учет, некоторые перестали с ним общаться, к нему стали по другому относиться учителя. Все летние каникулы он переживал, что его могут поместить в ЦВСНГТ. Причиненный ее сыну моральный вред она оценивает в 15000 рублей и данную сумму просит взыскать с ответчиков.

Представитель ответчика Свободненского ГРОВД исковые требования не признал, суду пояснил, что 26 мая 2005 года в ГУ ОВД г. Свободного и Свободненского района поступило заявление Хорошайловой Т.С. о том, что 24 мая 2005 года ее сын был избит несовершеннолетними Винниковым и Сиземовым. В ходе проверки были получены сведения о виновности несовершеннолетних Винникова Олега и Сиземова Сергея в избиении Хорошайлова Никиты. По результатам рассмотрения заявления 30 мая 2005 года инспектором ПДН было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении вышеуказанных лиц в связи с недостижением возраста, с которого наступает уголовная ответственность за данное преступление, т.е. 16 лет. 30 мая 2005 года Винников Олег был поставлен на профилактический учет в ПДН ГУ ОВД г. Свободного и Свободненского района, как лицо, не подлежащее уголовной ответственности в связи с недостижением возраста, с которого наступает уголовная ответственность. 14 июня 2005 года начальник МОБ ГУ ОВД г. Свободного и

Свободненского района направил в суд ходатайство о помещении несовершеннолетнего Винникова О.О. в ЦВСНП, однако в удовлетворении данного ходатайства было отказано. 10 августа 2005 года было повторно вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в этот раз - только в отношении Сизимова Сергея, т.к. в ходе дополнительной проверки было установлено, что Винников Олег несовершеннолетнего Хорошайлова не избивал. 11 августа 2005 года Винников Олег был снят с профилактического учета в связи с неподтверждением материалов, послуживших основанием для постановки на учет. После постановки несовершеннолетнего на профилактический учет должностные лица ПДН в соответствии с приказом МВД РФ № 569 проводят индивидуальную профилактическую работу с несовершеннолетним с учетом особенностей его личности и окружения, характера совершенных правонарушений, условий семейного воспитания. Действия сотрудников ПДН, предписанные вышеуказанным приказом, по осуществлению профилактического учета данной категории несовершеннолетних по месту жительства, не предполагают какого-либо ограничения прав несовершеннолетнего. По месту учебы Винникова О.О. также не сообщалось о его постановке на профилактический учет. Кроме того, полагал, что постановка несовершеннолетнего на учет положительно повлияла на его поведение и учебу.

Представитель ответчика Министерства финансов РФ просил рассмотреть дело без участия представителя Министерства финансов РФ. В письменном отзыве от 17.10.2005 года указал, что не признает исковые требования, поскольку истицей не представлено документов, обосновывающих степень перенесенных ею и несовершеннолетним Винниковым О.О. физических и нравственных страданий. Моральный вред истица обосновывает, постановкой несовершеннолетнего Винникова О.О. на учет в комиссию по делам несовершеннолетних, однако, причинно-следственная связь между этими фактами не подтверждена никакими доказательствами. Кроме того, учитывая, что по месту жительства и по месту учебы несовершеннолетний характеризуется отрицательно, у него слабая успеваемость, имеет пропуски занятий без уважительных причин, в общении

груб, а также что родители Винникова О.О. употребляют спиртные напитки, воспитанием сына в полном объеме не занимаются, факт постановки на учет в комиссии по делам несовершеннолетних является лишь профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетнего и не может реально причинить какие либо физические и нравственные страдания.

Решением Свободненского городского суда от 1 февраля 2006г. постановлено: взыскать с казны РФ через Министерство Финансов РФ в пользу Винниковой И.И. в счет компенсации морального вреда 1000 рублей.

В кассационной жалобе Министерство Финансов РФ в лице УФК № 3 по Амурской области просит отменить постановленное решение как незаконное и необоснованное. Указывает, что истицей не доказан факт причинения ее сыну морального вреда, не доказана вина причинителя вреда. Суд не учел в решении, что по месту жительства и по месту учебы несовершеннолетний характеризуется отрицательно, у него слабая успеваемость, имеет пропуски занятий без уважительных причин, в общении груб, а также что родители Винникова О.О. употребляют спиртные напитки, воспитанием сына в полном объеме не занимаются, факт постановки на учет в комиссии по делам несовершеннолетних является лишь профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетнего и не может реально причинить какие либо физические и нравственные страдания. Кроме того, ст. 1071 ГК РФ устанавливает, что причиненный вред подлежит возмещению из средств трех соответствующих бюджетов – казны РФ, казны субъекта РФ и казны муниципального образования, от их имени выступают соответствующие финансовые органы. Суд при принятии решения не учел положения постановления Правительства РФ от 7.12.2000г. № 926, согласно которым подразделение по делам несовершеннолетних входит в состав милиции общественной безопасности, которая содержится за счет средств областного бюджета. Таким образом, для решения вопроса о надлежащем ответчике суду было необходимо определить источник финансирования данного государственного органа, но судом безосновательно возложена обязанность по возмещению вреда на Министерство Финансов РФ.

Изучив материалы дела, в соответствии с ч. 1 ст. 347 ГПК РФ, в пределах доводов жалобы, судебная коллегия приходит к следующим выводам.

Согласно ч. 1 ст. 195 ГПК РФ, решение должно быть законным и обоснованным.

В соответствии с п.п. 1, 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003г. № 23 «О судебном решении», решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права (ч.1 ст. 1, ч. 3 ст. 11 ГПК РФ).

Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (ст.ст. 55, 59 - 61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов.

3. КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

21 июня 2006г. судебная коллегия по гражданским делам Амурского областного суда в составе:

председательствующего судьи: А.

судей коллегии: Г., Б. .

рассмотрела в открытом судебном заседании в г. Благовещенске дело по кассационной жалобе Сосновской А.В. на решение Райчихинского городского суда от 27 апреля 2006г.

Заслушав дело по докладу судьи А., пояснения Кудряшова В.В., судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

Кудряшов В.В. обратился в суд с иском к Сосновской А.В. об устранении препятствий к общению с детьми. В обоснование своих требований указал, что 11 августа 1994г. он вступил в брак с ответчицей, 05 мая 1996г. у них родилась дочь Кудряшова Яна Владимировна, а 01 марта 1998г. родилась вторая дочь Кудряшова Надежда Владимировна. 10 января 2003 г. брак между ними расторгнут. С этого времени дочери проживают совместно с матерью Сосновской А.В., которая лишает его возможности встречаться с детьми, общаться с ними. В редких случаях она позволяла встречаться с дочерьми в её квартире, но данные встречи были непродолжительными и проходили в её присутствии. Сосновская А.В. не допускает его к участию в воспитании детей, хотя он неоднократно обращался к ней с просьбой разрешить общение. У него есть все необходимые условия для встреч с дочерьми: комната в общежитии, стабильный заработок, он участвует в содержании детей. Просит суд устранить препятствия к общению с дочерьми со стороны матери Сосновской А.В. и разрешить ему общаться с детьми, определив порядок общения.

Сосновская А.В. иск не признала, суду пояснила, что состоит в браке с Сосновским А.А. Её дочери от первого брака Кудряшова Я.В., Кудряшова Н.В. проживают с ней. Сосновский А.А. к дочерям относится хорошо, участвует в их воспитании, заботится о них. Брак с Кудряшовым В.В. расторгнут давно, поэтому девочки родного отца почти не помнят, о нем не спрашивают, при встречах с ним ведут себя скованно, к общению с ним не стремятся. Ответчик приходил к ней домой для общения без подарков, поэтому не стремился расположить к себе их доверие. При общении с дочерьми Кудряшов В.В. вел себя строго, интересовался не только их жизнью, но и взаимоотношениями в её семье. После его ухода дочери находились в стрессовом состоянии. Препятствует его общению с детьми потому, что считает, что полноценное воспитание и образование они получают в новой семье.

Решением Райчихинского городского суда от 27 апреля 2006г. постановлено иски требования Кудряшова В.В. удовлетворить полностью. Устранить препятствия к общению с детьми: Кудряшовой Я.В., 5.05.1996 года рождения, Кудряшовой Н.В., 1.03.1998 года рождения со стороны матери Сосновской А.В. Разрешить Кудряшову В.В. общаться с детьми Кудряшовой Я.В., Кудряшовой Н.В. еженедельно по воскресеньям с 15 часов до 17 часов по адресу: пгт. Прогресс Амурской области, ул. Матросова 6, кв. 12.

В кассационной жалобе Сосновская А.В. просит отменить постановленное решение и отправить дело на новое рассмотрение. Указывает, что во время их совместной жизни Кудряшов В.В. не проявлял родительской заботы о детях, не участвовал в их воспитании и содержании, запрещал им посещать школу и детский сад. Считает, что при общении с дочерьми он будет оказывать на них негативной воздействию, что опасно для психики детей.

Изучив материалы дела, в соответствии с ч. 1 ст. 347 ГПК РФ, в пределах доводов жалобы, судебная коллегия приходит к следующим выводам.

Согласно ч. 1 ст. 61 СК РФ, родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (родительские права).

Материалами дела установлено, что Кудряшов В.В. по месту работы – ОАО Энергетики и электрификации Филиал ОАО «Амурэнерго» «Райчихинская ГРЭС» и по месту жительства характеризуется положительно, не злоупотребляет спиртными напитками, участвует в содержании детей – выплачивает алименты.

В силу ч.1, ч. 3 ст. 66 СК РФ, родитель, проживающий отдельно от ребенка, имеет права на общение с ребенком, участие в его воспитании и решении вопросов получения ребенком образования.

Родитель, с которым проживает ребенок, не должен препятствовать общению ребенка с другим родителем, если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию.

При невыполнении решения суда к виновному родителю применяются меры, предусмотренные гражданским процессуальным законодательством. При

злостном невыполнении решения суда суд по требованию родителя, проживающего отдельно от ребенка, может вынести решение о передаче ему ребенка исходя из интересов ребенка и с учетом мнения ребенка.

Пункт 8 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.05.1998г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» так же предусматривает обязанность родителя, с которым проживает ребенок, не препятствовать его общению с другим родителем. Лишь в исключительных случаях, когда общение ребенка с отдельно проживающим родителем может нанести вред ребенку, суд, исходя из п. 1 ст. 65 СК РФ, не допускающего осуществление родительских прав в ущерб физическому и психическому здоровью детей и их нравственному развитию, вправе отказать этому родителю в удовлетворении иска об определении порядка его участия в воспитании ребенка, изложив мотивы принятого решения.

Поскольку общение Кудряшова В.В. с его дочерьми не может нанести вред их физическому и психическому здоровью, их нравственному развитию, судом обоснованно постановлено решение об удовлетворении заявленных требований.

Доводы кассационной жалобы Сосновской А.В. о том, что во время их совместной жизни Кудряшов В.В. не проявлял родительской заботы о детях, не участвовал в их воспитании и содержании, запрещал им посещать школу и детский сад, опровергаются материалами дела и не могут быть приняты во внимание судом кассационной инстанции. В силу ст. 56 ГПК РФ, каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом. Сосновская А.В. не представила в заседании суда первой инстанции доказательств того, что Кудряшов В.В. не проявлял родительской заботы о детях, запрещал им посещать школу и детский сад.

Самостоятельная работа студентов

В качестве самостоятельной работы студентам предлагаются следующие виды работ:

1. Проанализировать речи выдающихся судебных ораторов России второй половины 19 века (А.Ф. Кони (на выбор три речи), Ф.Н. Плевако (на выбор 3-4 речи), речи амурских государственных прокуроров и адвокатов).

2. Подготовить и защитить перед группой реферат на одну из предложенных тем:

1. Теория аргументации как наука об убеждении.

2. Контекстуальная аргументация.

3. Некорректная аргументация.

4. Значение аргументации в обыденной жизни и профессиональной деятельности человека.

5. Анализ и оценка аргументативного дискурса.

6. Многообразие моделей аргументации.

7. Аргументация как деятельность человека.

8. Возникновение парадоксов в теории аргументации, деятельности и науке.

9. Софизмы и софистические приемы доказательства в теории аргументации.

10. Какую роль играет эристика в современной аргументации?

Зачетные вопросы:

1. Структура доказательства. Поля аргументации. Согласование полей аргументации.

2. Способы доказательства.

3. Чем отличаются косвенные доказательства от прямых? На какой основной закон опираются в косвенных доказательствах.

4. Опровержение. Понятие опровержения, виды, структура.

5. Правила доказательства и опровержения.

6. Ошибки, возникающие при нарушении правил в доказательствах и опровержениях. Виды ошибок.

7. Абсолютное и сравнительное обоснование

8. Основные функции языка
9. Принцип достаточного основания.
10. Эмпирическая аргументация.
11. Дедуктивное обоснование.
12. Системная аргументация
- 13 Опровержимость и проверяемость
- 14 Методологическая аргументация
- 15 Контекстуальная аргументация.
16. Ценности и эпистемология
- 17 Описание и оценка
- 18 Квазиэмпирическое обоснование оценок
- 19 Теоретическое обоснование оценок
- 20 Контекстуальные аргументы. Принципы морали.
- 21 Объяснение и понимание в аргументации
22. Проблемные ситуации в аргументации.
23. Некорректная аргументация. Стандартные некорректные аргументы.
24. Спор как частный случай аргументации.
25. Корректные приемы спора.
26. Некорректные приемы спора .
27. Четыре разновидности споров.
28. Общие требования к спору.

Примерные тестовые задания по курсу.

ТЕСТ 1

1. Логическая операция, обоснования каких-либо суждений, в которой наряду с логическими применяются так же речевые, эмоционально-психологические и другие внелогические методы и приемы убеждающего воздействия, называется:

а) суждением; б) умозаключением; в) аргументацией; г) гипотезой; д) модальным суждением.

2. Структура доказательства включает в себя: 1) тезис; 2) демонстрацию; 3) аргументы; 4) поля аргументации; 5) субъекты аргументации.

а) 1, 2, 3; б) 4, 5; в) 4; г) 5; д) 1, 3.

3. Правила, относящиеся к аргументам, включают в себя:

а) аргументы должны быть истинными суждениями;

б) истинность аргументов устанавливается независимо от тезиса;

в) аргументы не должны противоречить друг другу;

г) аргументов должно быть достаточно для обоснования тезиса;

д) все перечисленные варианты.

4. Логическая связь между аргументами и тезисом называется:

а) тезисом; б) аргументами; в) демонстрацией; г) доказательством; д) нет верных вариантов.

5. Обоснование тезиса путем установления ложности противоречащего ему допущения (антитезиса) называется:

а) индуктивным обоснованием; б) обоснованием в форме аналогии; в) апагогическим обоснованием; г) разделительным обоснованием; д) прямым обоснованием.

6. Выдвинутое пропонентом суждение, которое он обосновывает в процессе аргументации, называется:

а) демонстрацией; б) гипотезой; в) тезисом; г) аргументами; д) антитезисом.

7. Правила и ошибки в аргументации делятся на:

а) две группы; б) четыре группы; в) три группы; г) семь групп; д) нет верных

вариантов.

8. К субъектам аргументации относятся:

а) пропонент; б) оппонент; в) аудитория; г) все перечисленные варианты; д) нет верных вариантов.

9. Исходные теоретические или фактические положения, с помощью которых обосновывают тезис, называются:

а) гипотезой; б) демонстрацией; в) аргументами; г) доказательством; д) нет верных вариантов

10. Выделите тезис и аргументы в следующем рассуждении: (а) Каждый отличник получает повышенную стипендию. (б) Студент Петров получает повышенную стипендию, (в) так как он отличник.

а) а- тезис, б, в- аргументы; б) в- тезис, а, б- аргументы; в) рассуждение вообще не является аргументацией и не содержит ни тезиса, ни аргументов; г) б – тезис, а, в – аргументы; д) нет верных вариантов

11.Какая ошибка содержится в аргументации «Это пьяница, посмотрите, какой у него красный нос»?

А) Необоснованный аргумент; б) В рассуждении нет никакой ошибки; в) Круг в аргументации; г) Отсутствие логической связи между тезисом и аргументами; д) Это вообще не рассуждение.

12.Рассуждение, в ходе которого показывается ложность или несостоятельность положений, взятых в качестве доказательства некоторого тезиса, это

А) критика аргументов; б) доказательство; в) опровержение тезиса; г) критика демонстрации; д) критика тезиса.

13.Известный адвокат Ф.Н. Плевако как-то защищал на суде укравшую грошовый чайник старушку. Прокурор решил в обвинительной речи перечислить все возможные аргументы, которыми мог воспользоваться

Плевако: бедная старушка, горькая нужда, кража незначительная, подсудимая вызывает не только сострадание, но и жалость. Но – частная собственность священна, и если мы позволим людям потрясать ее, страна погибнет. Поднялся Плевако: «Много бед, много испытаний пришлось претерпеть России. Печенеги терзали ее, половцы, татары, поляки... Двенадесять языков обрушились на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия... Но теперь... Старушка украла чайник ценою в тридцать копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет..»

Какую уловку применил Плевако?

А) аргумент к человеку; б) аргумент к публике; в) аргумент к жалости; г) аргумент к невежеству; д) аргумент к авторитету.

14. Найдите тезис и аргументы в следующем высказывании:

“(а) Воздержанность и труд – вот два истинных врача человека: (б) труд обостряет его аппетит, а (в) воздержанность мешает злоупотреблять им” (Ж.-Ж. Руссо).

а) а- тезис, б, в- аргументы. б) в- тезис, а, б- аргументы в) рассуждение вообще не является аргументацией и не содержит ни тезиса, ни аргументов г) б – тезис, а, в – аргументы д) нет верных вариантов

15. Прямое усмотрение истины, постижение ее без всякого рассуждения и доказательства – это:

а) вера; б) интуиция; в) вкус; г) здравый смысл; д) нет верных вариантов.

16. К выражениям оценочного характера относятся:

а) стандарты; б) образцы; в) идеалы; г) все перечисленные варианты; д) нет верных вариантов

17. Способы обоснования оценок, через различные индуктивные рассуждения, среди посылок которых имеются оценки и заключение которых также являются оценками называются:

- а) контекстуальными; б) индуктивными; в) дедуктивными; г) эмпирическими; д) квазиэмпирическими.

ТЕСТ 2

1. К субъектам аргументативного процесса относятся:

- а) пропонент; б) оппонент; в) аудитория; г) все перечисленные варианты; д) поля аргументации.

2. Аргументация, неотъемлемым элементом которой является ссылка на опыт, на эмпирические данные называется:

- а) теоретической аргументацией; б) эмпирической аргументацией; в) контекстуальной аргументацией; г) системной аргументацией; д) методологической аргументацией.

3. Факт или частный случай, призванный укрепить убежденность слушающего в правильности уже известного и принятого общего положения это:

- а) иллюстрация; б) образец; в) идеал; г) пример; д) нет верных вариантов.

4. Выведение обосновываемого положения из других, ранее принятых утверждений это:

- а) дедуктивная аргументация; б) индуктивная аргументация, в) аргументация в форме аналогии; г) контекстуальная аргументация; д) нет верных вариантов.

5. Обоснование утверждения путем включения его в качестве составного элемента в хорошо обоснованную систему утверждений или теорию называется:

- а) теоретической аргументацией; б) эмпирической аргументацией; в) контекстуальной аргументацией; г) системной аргументацией; д) методологической аргументацией.

6. Искусство ведения спора называется:

- а) риторикой; б) эристикой; в) аргументацией; г) дискуссией; д) полемикой.

7. Анонимная, стихийно сложившаяся система образцов, норм, правил, которой руководствуется в своем поведении достаточно обширная и устойчивая группа людей называется:

а) авторитетом; б) традицией; в) здравым смыслом; г) вкусом; д) верой.

8. Ситуация, практическая или теоретическая, которая не имеет соответствующего обстоятельствам решения и поэтому заставляет остановиться и задуматься называется:

а) проблемой; б) гипотезой; в) риторикой; г) полемикой; д) дискуссией.

9. Попытка опереться на мнения, чувства и настроения аудитории вместо обоснования тезиса объективными доводами называется:

а) аргумент к личности; б) аргумент к аудитории; в) аргумент к массам; г) аргумент к тщеславию; д) аргумент к человеку.

10. Найдите тезис и аргументы в следующем высказывании:

“(а) Смерть для человека – ничто, так как (б) когда мы существуем, смерть еще не существует, а (в) когда смерть присутствует, тогда мы не существуем” (Эпикур).

а) а- тезис, б, в- аргументы. б) в- тезис, а, б- аргументы в) рассуждение вообще не является аргументацией и не содержит ни тезиса, ни аргументов г) б – тезис, а, в – аргументы д) нет верных вариантов.

11. Угроза неприятными последствиями, и в частности угроза применения насилия или прямое употребление каких - либо средств принуждения это:

а) аргумент к незнанию; б) аргумент к силе; в) аргумент к жалости; г) аргумент к авторитету; д) аргумент к личности.

12. Спор, направленный на достижение истины и использующий только корректные приемы спора называется:

а) полемикой; б) дискуссией; в) эклектикой; г) софистикой; д) нет верных вариантов.

13. Спор, направленный на победу над противоположной стороной и использующий только корректные приемы называется:

а) полемикой; б) дискуссией; в) эклектикой; г) софистикой; д) нет верных вариантов.

14. Умозаключение о принадлежности определенного признака предмету на основе того, что сходный с ним иной предмет обладает этим признаком называется;

а) индуктивным умозаключением; б) дедуктивным умозаключением; в) умозаключением по аналогии; г) проблематическим умозаключением; д) нет верных вариантов.

15. Аргументация, опирающаяся на рассуждение и не пользующаяся непосредственно ссылками на опыт называется:

а) теоретической аргументацией; б) эмпирической аргументацией; в) контекстуальной аргументацией; г) системной аргументацией; д) методологической аргументацией.

16. Факт или частный случай, используемый в качестве отправного пункта для последующего обобщения и для подкрепления сделанного обобщения это:

а) пример; б) образец; в) идеал; г) иллюстрация; д) нет верных вариантов.

17. Спор, имеющий своей целью достижение победы над противоположной стороной с использованием как корректных, так и некорректных приемов называется:

а) полемикой; б) дискуссией; в) эклектикой; г) софистикой; д) нет верных вариантов.

Рекомендуемая литература:

1. Еемерен Ф.Х. ван; Гроотендорст Р. Аргументация, коммуникация, ошибки. – Л.: Васильевский о-в, 1992.
2. Ивин А.А. Основы теории аргументации. – М., 1997.
3. Ивин А.А. Искусство правильно мыслить: Кн. для учащихся ст. классов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение , 1990.
4. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. - Изд. 5-е М., Юристъ, 2001.
5. Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора. – Минск., ТПЦ «ПОЛИФАКТ», 1992.
6. Рузавин Г.И. логика и аргументация. – М., «Юнити», 1997.

Содержание

Программа курса	5
Убедительные основания.....	6
Эмпирическая аргументация.....	20
Теоретическая аргументация.....	30
Контекстуальная аргументация.....	50
Аргументация и ценности.....	64
Объяснение и понимание в аргументации.....	79
Проблемные ситуации и аргументация.....	90
Некорректные доказательства.....	98
Искусство спора.....	105
Материалы к семинарским занятиям.....	127
Материалы для деловых игр.....	138
Самостоятельная работа студентов.....	149
Зачетные вопросы.....	149
Примерные тестовые задания.....	151
Рекомендуемая литература.....	157